ВСЕЛЕННАЯ Г.Ф. ЛАВКРАФТА

СВОБОДНЫЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Вселенная Г. Ф. Лавкрафта. Свободные продолжения. Книга 3

Энджела Слэттер, Уолтер ДеБилл, Кларк Эштон Смит, Лин Картер, Гари Майерс, А Ли Мартинес, Фрэнк Белнап Лонг, Джойс Кэрол Оутс, Майкл Чабон, Том Корагессан Бойл, Тим Каррэн, Том Флетчер, Брюс Стерлинг, Лон Прейтер, Дейл Бейли, Натан Бэллингруд, Роберт Уильям Чамберс, Роберт Альберт Блох, Август Дерлет, Марк Шорер, Роберт У. Лоундес, Мартин Браун

Аннотация
ВСЕЛЕННАЯ Г. Ф. ЛАВКРАФТА. Свободные продолжения. Книга 3
Энджела Слэттер. ПРОБУЖДЕННЫЙ, НЕСПЯЩИЙ
Уолтер ДеБилл младший. В 'ИДЖИРОТЕ
Кларк Эштон Смит, Лин Картер. СВИТОК МАРЛОКА
Гари Майерс. КСЮРХН
Гари Майерс. РОЖА В АЛЬКОВЕ

А. Ли Мартинес. ЗОВ КРОВИ
Фрэнк Белнап Лонг. ТЕМНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ
Джойс Кэрол Оутс. ВЕЧЕРНИЕ ТЕНИ
1
2
3
4
5
6
7
Майкл Чейбон. БОГ ТЕМНОГО СМЕХА
Том Корагессан Бойл. ТЫСЯЧА ТРИСТА КРЫС
Тим Каррэн. ПРОЕКТ «ПРОЦИОН»
Том Флетчер. ДОМ С ОТЛИЧНЫМ ВИДОМ
Брюс Стерлинг. НЕПРЕДСТАВИМОЕ
Лон Прейтер. МУЗЫКА В ГОЛОВЕ
Дейл Бейли, Натан Бэллингруд. ТРЕЩИНА
Роберт Чамберс. ЖЕЛТЫЙ ЗНАК
I
II
III
Роберт Блох. КЛАДБИЩЕНСКИЙ УЖАС
Роберт Блох. КАМЕНЬ КОЛДУНА
Роберт Блох. ЧЕРНЫЙ ЛОТОС
Август Дерлет и Марк Шорер. ЛОГОВО ЗВЁЗДНОГО ОТРОДЬЯ

1
2
3
4
Роберт У. Лоундес. БЕЗДНА
Мартин Браун. КОТТЕДЖ ДОКТОРА КСАНДЕРА

Аннотация

Содержание:

1. Пробужденный, неспящий [broken link: #p_01]
2. В 'Иджироте [broken link: #p_02]
3. Свиток Марлока [broken link: #p_03]
4. Ксюрхн [broken link: #p_04]
5. Рожа в алькове [broken link: #p_05]
6. Зов крови [broken link: #p_06]
7. Темное пробуждение [broken link: #p_07]
8. Вечерние тени [broken link: #p_08]
9. Бог Темного Смеха [broken link: #p_09]
10. Тысяча триста крыс [broken link: #p_10]
11. Проект «Процион» [broken link: #p_11]
12. Дом с отличным видом [broken link: #p_12]
13. Непредставимое [broken link: #p_13]
14. Музыка в голове [broken link: #p_14]
15. Трещина [broken link: #p_15]
16. Желтый знак [broken link: #p_16]
17. Кладбищенский ужас [broken link: #p_17]
18. Камень колдуна [broken link: #p_18]
19. Черный лотос [broken link: #p_19]

20. Логово звёздного отродья [broken link: #p_20]
21. Бездна [broken link: #p_21]
22. Коттедж доктора Ксандера [broken link: #p_22]

ВСЕЛЕННАЯ Г. Ф. ЛАВКРАФТА
Свободные продолжения

Книга 3

Составитель и автор обложки:
mikle_69

Энджела Слэттер
ПРОБУЖДЕННЫЙ, НЕСПЯЩИЙ

Анджела Слэттер. «Rising, Not Dreaming», 2011. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

— Играй, — сказали они, и я играл, касаясь струн арфы, сделанной из кости и сухожилий.

— Пой, — сказали они, и я пел, сплетая слова с потоками воды и заставляя моих слушателей плакать. Я извлекал из глубин, из душ, о существовании которых никто не мог помыслить, грезы, наводящие дрему. Я окутывал их колыбельными, чтобы погрузить богов в сон, чтобы удержать их *внизу* и сделать безвредными для всего, что дышит *наверху*.

Слишком много столетий царили боль и смерть, слишком долго правили Великие Древние. *Довольно*, сказали мои повелители, *довольно*. Слишком долго человеческий сон нарушали вторжения звездных владык. Слишком часто они по собственной прихоти поднимались из своего подводного города, своего Р'льеха, чтобы

шествовать по земле и нести за собой тьму.

Мои повелители желали знать, как удержать чудищ под сенью морских волн. Они думали, что музыка сможет убаюкать их, что спасение каким-то чудом может таиться в магии звука. Но кто бы играл — кто *мог* бы сыграть — такой мотив? Они устроили состязание, чтобы найти лучшего музыканта, самого потрясающего виртуоза, лучшего певца-обольстителя. Они сулили бессмертие, мои повелители, обещали, что игру победителя никогда не предадут забвению — ибо у *него всегда* будет слушатель. Они совершенно разумно сделали ставку на гордыню и тщеславие артиста.

И я победил. Победил, да помогут мне боги. Я должен был сидеть на самой высокой горе на берегу моря и играть, чтобы волны моей музыки набирали силу и неслись, разбиваясь о тела шагающих воплощений чудовищного, чаруя их и уводя, будто несмышленых детей, в морские глубины, назад в их затонувший город.

Мои повелители наложили на меня заклятья, чтобы я не мог утонуть, а вода стала для меня тем же, чем когда-то был воздух. Чтобы моя жизнь не могла угаснуть, и чтобы я вечно держал их, моих жутких слушателей, под своими чарами, наве-

ки во сне. Однако я был невнимателен, слушал недостаточно пристально. Только оказавшись в заточении и повторив их слова в своей памяти, я осознал, на что согласился.

Навеки во сне, пока я продолжаю играть.

Я думаю о жене, которая у меня была, прекрасной и нежной.

Я думаю о ее набухающем животе, пышном и круглом.

Я думаю о том, как сказал ей, что все будет хорошо. Что я вернусь, мои повелители вознаградят меня, и мы больше никогда ни в чем не будем знать нужды.

Ослепленный гордостью, я думал, что мне нужно лишь усыпить их своей песней. Но когда стихли ее последние ноты, я увидел, как гигантские создания начинают ворочаться и просыпаться. И я не мог смириться с мыслью, что они вновь будут шагать по земле, что они могут причинить вред моей жене, что наш ребенок может оказаться на алтаре, принесенный в жертву созданиям, что пришли с далеких темных звезд.

И я играл вновь.

И вновь.

И вновь.

Навеки и вновь.

Но в последнее время я устал. Слишком долго я оставался под сенью терзаемых бурями волн. Столетия, эоны проходят, пока я медленно погружаюсь в состояние распада, не живой, не мертвый. Я не знаю, кто я такой — вещь, которая помнит, как была человеком; или человек, который считает себя вещью.

Моя жена давно превратилась в кости и пыль, унесенные рекой времени.

Мои повелители тоже давно стали прахом.

Какое мне дело до мира, которого я больше не знаю?

Какое мне дело до кого-то еще, если все, о чем я мечтаю — умиротворение сна? Умиротворение, которое я дарил этим *тварям* столько лет.

Мои пальцы замедляются на струнах, и моя песня останавливается.

— Проснитесь! — говорю я, и они восстают.

Я смотрю, как они ворочаются и двигаются, выплывают из омута сна, словно гиганты, словно континенты, поднимающиеся из морских глубин в клубах пара и смрада первородной земли, застилающего их серо-зеленую кожу. Вода вокруг нас бурлит, словно под ней извергается вулкан.

Конечности раскачиваются, словно исполинские деревья, вздымаются туловища, подобные

отвесным скалам. Лики, которым неведомы благие намерения, устремляют свой взгляд вверх в поисках поверхности воды, чтобы знать, куда им направиться. Их тела расправляются, и они тянутся к небу и к воздуху, ищут способ избавиться от власти морских волн и вновь прорваться во сны людей.

— Восстаньте! — говорю я, и они восстают. Освобожденные от сна, они считают, что пришло время вернуть все, что когда-то принадлежало им.

Величайший из них, их владыка, их бог-жрец первым, быстрее прочих, устремляется ввысь, навстречу свободе. Взмахи его гигантских рук пробуждают морские приливы; из его вновь наполнившихся легких выходят пузыри воздуха — его некогда забытое дыхание — большие, словно строения. Мертвый Ктулху поднимается из своего дома в Р'льехе; его сны окончены, его пробужденный разум одержим финалом, окончанием, катастрофой. Вокруг меня его племя, его последователи затягивают гимн разрушения, который настолько похож на мою песню, что я чувствую, как меня пронзает кинжал собственного предательства.

Я думаю о том, что сотворил. Об обещании, ко-

торое нарушил, о завете, который предал позору. Я думаю о разочаровании на лице моей жены, если ее бесплотная тень узнает о моем предательстве. И я рыдаю, хотя мои слезы растворяются в морской воде, и никому кроме меня неведомо мое раскаяние. Я чувствую, как ко мне подкрадывается мой собственный сон; смерть и забвение, такие близкие и желанные.

И я борюсь с ним.

Я вновь касаюсь грешных струн своей арфы и перебираю мелодию, чтобы повернуть их, эти ужасные горы, этих Великих Древних, которые могут разрушить все, что ходит по земле и парит в небе, вспять. Все падет под поступью их беспощадных чудовищных ступней.

Мой голос настигает каждого из них. Почти каждого. Всех, кроме одного. Те, что все еще достаточно близко ко мне, чтобы попасться на крючок моей сладкой песни, чарующих нот моей арфы, вновь усмирены. Они возвращаются в свои мертвые утонувшие дома, открывают тяжелые каменные двери и скрываются за ними.

Но величайшего, первого из них, я не поразил.

Ктулху, пробужденный, неспящий, вырывается из оков дремы.

Ктулху пробудился, и я не знаю, где теперь его

логово, и какие разрушения он приносит. Но я помню его ужасные глаза. Когда он плыл вверх, он бросил в мою сторону короткий, полный презрения взгляд, и я понял, что я сотворил с ним, с подобными ему, с подобными мне. Он счел меня просто вещью во власти волн, вещью, которая помнит, как была человеком, и которая едва ли заслуживает внимания.

И именно этот взгляд, самый долгий и самый короткий из всех взглядов, заставляет меня играть дальше и молиться, чтобы мои ноты звучали вечно.

Перевод: П. Баратов
2015

Уолтер ДеБилл младший
В 'ИДЖИРОТЕ

Уолтер ДеБилл младший. «In 'Ygiroth», 1975.

В 'Иджироте, где некогда свирепый,
Лохматый зверь, что звался человеком,
В давно ушедшие, седые времена
Ходил походкой важной и надменной,
Служил богам из внешних сфер Вселенной,
Чьи нынче позабыты имена,
Теперь одни губительные тени
Скитаются в 'Иджироте.

Город высился над ним, выступая из затененного ущелья, — там, где кончался пологий подъем и где в туманное небо Страны Грез вонзался стройный, зазубренный пик — самая высокая вершина Лериона. Покинутый город грезил в течение медленных веков, погруженный в одиночество и распад, и за все это время не появился ни один человек, способный докопаться до его темных тайн. Только он, Нилрон-Служитель, рискнул

подняться на Север против течения бурной Скаи — к ее истокам в высокогорной долине Минантра между Лерионом и скалистым Дларетом, пройти по усеянным камнями лугам на северных отрогах Лериона туда, где стоял в глубокой отрешенности 'Иджирот. Нилрон надвинул отороченные мехом поля шляпы на глаза, защищаясь от прямых лучей заходящего солнца, и погнал своего жилистого пони к низкой внешней стене…

Никто не мог сказать, откуда и когда пришли люди 'Иджирота, но трава зеленых лугов Минантры знала их крадущуюся поступь, а эхо их жутких охотничьих кличей металось в скалах уже тогда, когда сорок веков назад предки Нилрона с Востока начали заселять плодородные долины Скаи, построили Ультар, Нир и Хатег. Рослые пришельцы невзлюбили людей 'Иджирота, найдя их неприятно коренастыми, волосатыми и не очень разумными. Не внушала доверия манера аборигенов бесшумно ходить по лесу. И надбровные дуги у них слишком выдавались вперед, прятали глаза. И не пекли они мясо буопотов на костре — сырым пожирали. Если бы не все это, то люди из долин Скаи, возможно, и нашли бы способ установить с людьми 'Иджирота мирные отношения. Но — не случилось, и никто, кроме

самых рисковых авантюристов, не удосужился даже изучить их грубый примитивный язык. Так что все, что знали люди Скаи о людях 'Иджирота, — это обрывки преданий, дошедшие через тех самых авантюристов, к которым все очень скверно относились и которые весьма скверно кончали.

Смышленым и изобретательным людям Скаи казались нелепыми и старомодными кремневые наконечники копий и ожерелья из волчьих клыков. Между тем 'иджиротцы очень гордились своим мастерством в охоте на спокойных буопотов. Но успехов в этом деле они добились лишь благодаря тому, что полуприрученные киреши были у них и гончими, и верховыми. Кирешь — это зловещее животное древних времен, давным-давно вымершее в остальных частях Страны Грез — имел туловище, в общих чертах, похожее на лошадиное, так что отчаянные сорвиголовы могли кататься на нем верхом. Ноздри на длинной кровожадной морде чуяли запах жертвы даже на большом расстоянии, а огромные когти и клыки наносили раны более страшные, чем примитивные каменные наконечники копий. Казалось, 'иджиротцев не слишком волновал тот факт, что агрессивные и легко впадающие в

ярость твари одинаково беспощадно разили как животных, на которых велась охота, так и самих охотников. Если охота была удачной, то добычу надо было делить на меньшее количество частей. Если неудачной — что ж, те, кто ее пережил, не давали плоти павших товарищей пропасть втуне и отменно утоляли свой голод.

Сами 'иджиротцы вряд ли сумели бы обуздать кирешей, это лежало за пределами их способностей. Приручили зверей некие более страшные и зловещие существа. Понятие о времени у 'иджиротцев было настолько туманным, что они не могли сказать, десять или десять тысяч веков прошло с той поры, когда к ним явилось Существо в Желтой Маске и научило их делать копья, скакать на кирешах и питаться мясом свежедобытых жертв. А когда спрашивали, что Существо требовало взамен, они лишь злобно ухмылялись и грубо обрывали разговор.

Именно Существо заставило построить 'Иджирот в Свою честь и в честь Своих невидимых братьев — чудовищных уродов из внешних сфер времени и пространства. Сколько бы желтого шелка и гипнотического фимиама не тратило Существо, Оно все равно не могло сделать свою форму — или не-форму — приемлемой для че-

ловека. В удаленном ущелье Лериона, в этом обиталище зла, Существо научило глупых зверолюдей укладывать камни и само руководило трудами бесчисленных запуганных поколений, пока те, наконец, не завершили постройку. Воздвигнутой цитадели ужаса не было равных по всей Стране Грез, ибо высилась она в месте, не вполне совпадающем с пространствами, о которых мог знать или грезить человек.

Один житель Скаи смог побывать в стенах 'Иджирота и вернуться — Лотрак Некромант, но он не сообщил ничего вразумительного. Когда на закате солнца Лотрак появился в Ультаре, то в припадке истерии бессвязно лепетал о каких-то бесформенных ужасах, от которых он бежал и которые отказывался назвать. Его успокоили большой дозой маковой жвачки и уложили отдыхать в верхней комнате придорожной таверны. На следующее утро старейшины Ультара вошли в его комнату, надеясь получить более толковый отчет. Но они не обнаружили в помещении ничего, кроме невыносимого зловония. Хотя окно было открыто, здесь воняло падалью, горелой плотью, как если бы ударила молния. И все. Если, конечно, не принимать на веру байки глупых сплетников, уверяющих, что старый Атал нашел

за кроватью один из сапогов Лотрана и сапог этот не был пуст.

Возможно, люди Ультара, Нира и Хатега оставили бы неприятного соседа в покое — пусть себе грезит в своей высокогорной долине, если бы время от времени из их городов не исчезали упитанные подростки обоего пола. А уж в каждую ночь зимнего солнцестояния и в каждую вальпургиеву ночь обязательно пропадало несколько юных девиц. Люди Скаи увязали первое — с появлением полузвериных-получеловеческих следов в своих садах, а второе — со странными огнями и барабанным боем на удаленных холмах.

Начиная с самых ранних времен, небольшие группы смельчаков предпринимали попытки уничтожить 'Иджирот и его обитателей. Но всякий раз, когда они приближались к тенистым лесам Минантры, внезапно собирались густые тучи, и отряд оказывался в кольце разноцветных молний. Многие поворачивали обратно. А те, кто продвинулся хотя бы ненамного вперед и ухитрился выжить, рассказывали о дикой музыке, перекрывающей мерзкий хохот, о завываниях невидимых людей, смертоносном тумане и мелькающей вдали фигуре в желтом шелке. И совсем уже немногие говорили о бушующих на

мрачных полях если не разумных, то уж точно живых вихрях и о невидимых псах, терзающих душу человека и калечащих его тело.

Последний раз воины Скаи бросили вызов 'Иджироту во время правления короля Пнила Ультарского. На битву отправились все способные носить оружие мужчины, и на этот раз, кроме обычного военного снаряжения, они использовали заклятия и заговоры древних. Войска не встретили сопротивления, хотя воины вошедшего в Минантру авангарда слышали убегающие мягкие шаги и находили свежие следы когтистых лап кирешей — вплоть до самых городских ворот. Основные силы подтянулись к городу на закате. Никто не желал атаковать противника в темноте, поэтому стали лагерем у городских стен.

Ни один воин земель Скаи не спал в эту долгую ночь, полную напряжения и скрытой угрозы. И никто до конца дней своих не мог забыть длящееся всю ночь крещендо ломаных ритмов, выбиваемых костями по туго натянутым шкурам барабанов и сопровождаемое глумливыми голосами из мрака, каркающими о темных ужасах, которые будут спущены с цепи на рассвете. Как только первые шафрановые лучи коснулись пика Лериона, на лагерь с силой грома пала тишина. В

течение бесконечного долгого мгновения никто не дышал, ни один взгляд не мог оторваться от все еще затененных стен 'Иджирота. А затем началось кошмарное безмолвное отступление, которое до сих пор является главной темой разговоров у очагов Ультара и уже приобрело все черты легенды.

Когда через распахнувшиеся ворота выбежали первые дюжины, а затем сотни и тысячи 'иджиротцев и устремились прямо на воинов Скаи, то это было принято за попытку лобовой атакой сокрушить силы осаждающих. Но последних поразило, что 'иджиротцы бегут молча. Атакующие приблизились, и оказалось, что они безоружны. А когда они в своем безоглядном беге стали бросаться прямо на копья, люди увидели их пустые, бессмысленные глаза и поняли, что некий, недоступный пониманию, кошмар пришел в 'Иджирот и что 'Иджирот обречен.

Когда последний из зверолюдей лежал бездыханный на окровавленном поле, воины Ультара начали отступать. Благоговейный ужас переполнял их. Они так и не осмелились войти в город, чтобы сровнять его стены с землей.

И с той поры ни один человек не добирался сюда, и если бы не бред Лотрана Некроманта,

то ничего бы и не произошло. Но перед тем как исчезнуть, Лотран прошептал несколько фраз Его Святейшеству жрецу Аталу, а тот, в свою очередь, достигнув преклонного возраста, попытался избавиться от ужасного знания, превратившего его сны в кошмары, и записал все услышанное на пергаменте. Слишком мудрено запрятал он этот пергамент, так что жрецы Ноденса не смогли отыскать и уничтожить свиток, как то завещал в своей несвязной предсмертной мольбе сам старый Атал. И только Нилрон-Служитель разыскал пергамент и прочел слова, которым лучше бы никогда не быть записанными.

Среди менее значительных записей он обнаружил упоминания об ужасных секретах, которым Существо в Желтой Маске обучало жрецов 'Иджирота. У последних не хватило ни мозгов, ни храбрости пустить в ход знания, которые могли бы сделать их властелинами всей Страны Грез, а, может быть, даже пробудившегося мира. Они ограничились тем, что высекли услышанное на стенах лабиринта под своим храмом. Надписи были сделаны на гнусном языке Акло, которому обучило их Существо. К несчастью для Нилрона, он изучал этот допотопный язык и слыл даже его знатоком.

Путь занял четыре дня.

Первый день Нилрон двигался плодородными берегами Скаи, и растущие у воды тенистые ивы, казалось, призывали его замедлить шаг и отдохнуть; на второй день путь пролегал по склонам холмов, и каждый следующий холм был выше и круче предыдущего, а прохладные ключи и полевые цветы ставили под сомнение любые замыслы; третий день застал его в темной и прохладной Минантре, где молчаливые буотопы пытались показать ему, как надо жить в ладу с самим собой и со своим временем; в день четвертый он карабкался по каменистым горным тропам под негостеприимным небом. Наконец, он въехал в город: черные тучи вползли в него с севера, а солнце перестало освещать пики Лериона.

Величественный храм, как огромный пчелиный улей, стоял на высоком скалистом выступе в тылах города. К тому времени, когда Нилрон выбрался из лабиринта извилистых улиц и вышел к широкой площади у храма, о мостовую разбились первые тяжелые капли дождя. Нилрон на мгновение задержался перед храмом, подивился, как этот купол пережил века горных гроз, и направил пони вверх по пологому пандусу к

единственному выходу — высокой, узкой трапеции, увенчанной каменным козырьком.

Внутри было темно, но Нилрон зажег смолистый факел и вскоре убедился, что храм представлял собой одно огромное помещение, заполненное угрюмым лесом пятигранных колонн. Сначала он не мог уловить в их расположении никакого порядка, но постепенно выявилась их странная асимметричная геометрия, над сутью которой он предпочел не задумываться, какой бы тревожащей она ни была. Нилрон разглядел во мраке семь больших статуй кирешей, кольцом расположенных вдоль круглой стены. Некоторые были с завязанными глазами, другие с оскаленными челюстями и пристальным, свирепым взглядом. Воздух был пропитан странным кислым запахом, а каждый шаг отбивался эхом от купола.

Единственный проход между колоннами вел прямиком к апсиде храма, и Нилрон довел свою лошадку, беспокойную ввиду надвигающейся грозы, до небольшого каменного столба непонятного назначения. Привязав пони к столбу и освободив его от тяжелого вьюка, он двинулся к главному алтарю — широкому неправильному семиугольнику, на котором высилась скульптура.

То был некто в плаще с капюшоном, держащий в одной руке копье, а в другой небольшую фигурку буотопа. Нилрон взобрался на алтарь и увидел перед статуей овальный проем и каменные ступени, ведущие вниз, в толщу скальных пород Лериона.

Он стал спускаться по гигантской спирали, пока не потерял всякое направление. Наконец лестница кончилась, и Нилрон обнаружил, что находится в сплошном лабиринте узких коридоров, чьи поросшие мхом стены были наклонны — зазор между ними вверху сужался. Временами попадались основательные помещения, разбитые на части рядами трапециевидных арок. Чтобы потом отыскать путь назад, Нилрон поворачивал все время направо и обнаружил, что опять движется по спирали, но уже сужающейся.

В сердце лабиринта было помещение — почти такое же, как и наверху — с семью статуями кирешей и алтарем в центре. Перед статуей на алтаре лежал большой плоский камень, наводящий на предположение о закрытом входе. Но что приковало внимание Нилрона, так это кольцевая стена: она была полностью покрыта надписями на языке Акло.

Нескладные знаки грубо выбитых надписей

разобрать было нелегко, но Нилрон смог прочесть большую часть текста. Он читал про слабых богов Земли и про то, как можно ими управлять. Он читал про Других Богов, которые некогда правили и будут править снова, об Азатоте, столепестковом возбудителе импульсов хаоса, о Йог-Созоте, всепроникающем ужасе, гнездящемся во внутренних сферах бытия, о Ниарлототепе, который иногда принимает некую, задрапированную желтым шелком, форму, а иногда воплощается в иллюзии, помрачающие разум. Он читал, как эти боги и демоны награждают избранных, ставших слепыми орудиями их воли, и как они карают неверных слуг. Под конец он прочел омерзительный пассаж, вырезанный безукоризненными письменами на радужной каменной доске, более твердой, чем гранатовый браслет Нилрона. Речь шла о шутке Ниарлототепа, прислaвшего своим креатурам вместо себя полуродственника и другое лицо, безумное и прожорливое создание, способное излучать непереносимый, как ядовитый туман, ужас.

Едва Нилрон закончил читать, его факел яростно замерцал — прогорел почти дотла. Нилрон представил себе путь назад, сквозь лабиринт, и его проняла дрожь. Самочувствие Нилрона не

улучшилось, когда, проходя мимо алтаря, он увидел на плоском камне, закрывающем неизвестно куда ведущий ход, особый символ и заметил, что мох вокруг камня совсем недавно был вытоптан.

Путь назад оказался ошеломляюще трудным. Он вышел к основанию ведущей вверх спиральной лестницы как раз тогда, когда факел мигнул в последний раз и потух.

Нилрон несколько успокоился и быстро зашагал по спиральным пролетам, левой рукой нащупывая стену. Полное отсутствие видимости обострило все остальные чувства в высшей степени, и он уловил цокот копыт своей лошадки, переступавшей на месте после каждого удара грома. Он был уже почти наверху, когда услышал шум дождя, почувствовал сырость в воздухе.

Войдя в чернильный мрак храма, Нилрон был неприятно поражен тем, что воздух стал не только более влажным, но еще гуще пропитался странным кислым запахом. Он нащупал спуск с алтаря и на слух двинулся туда, где постукивал и шаркал копытами его пони. Споткнулся о вьюк и чуть не упал, рефлекторно вытянул руку. Рука коснулась гладкой шерсти на боку пони. Нилрон успокаивающе похлопывал и поглаживал этот бок, когда услышал звук такой неуместный, что

не сразу определил его как неистовое ржанье своего коняги. Неуместность же заключалась в том, что звук донесся снаружи храма.

В это мгновение зал осветился. Вспышка молнии выхватила из мрака оскаленную пасть киреша и силуэт монстра в желтой маске, державшего зверя на поводу. Нилрон ощутил горячее, зловонное дыхание киреша за миг до того, как челюсти сомкнулись на его голове.

Снаружи лил дождь, и из мрака доносился стук копыт лошадки, скачущей прочь по мертвым улицам 'Иджирота.

Перевод: Е. Дрозд
1993

Кларк Эштон Смит, Лин Картер
СВИТОК МАРЛОКА

Кларк Эштон Смит, Лин Картер. «The Scroll of Morloc», 1975. Рассказ входит в межавторскую серию «Мифы Ктулху. Свободные продолжения». Написан по наброскам К. Э. Смита Лином Картером.

Шаман Йехемог, подавленный черствым отказом своих собратьев Вурмитов избрать его главным жрецом, серьезно подумывал уйти из родовых нор примитивного мехового племени и уединиться в ледяных скалах севера — области, не посещаемой его робким, живущим под землей народцем.

Семь раз он предлагал свою кандидатуру на обладание заветным головным убором из черного огового дерева, завершавшимся легендарными суусимовыми перьями, и в седьмой раз старейшины несправедливо отказали ему в том, что он считал наградой, трижды заслуженной его благочестием и суровым аскетизмом. После моего исчезновения, клялся отверженный шаман, у

них не будет восьмой возможности пренебречь именем Йехемога в вопросе о даровании странной иерархической власти, и уже не сомневался, что вскоре они раскаются в своем выборе жалкого святоши взамен единственного ревностного почитателя бога Вурмиша.

В доисторический период большинство племен Вурмитов обитало в норах, проложенных под непроходимыми дебрями горного полуострова Гиперборей, другое его название Мху Тулан. Их косматые полуживые предки воспитывались в рабстве у ощущающих человекозмей, чей первобытный континент был расколот на части вулканическими сотрясениями и низвергнут в океаническую пучину одним или двумя зонами ранее. Спасаясь из рабских загонов своих прежних хозяев, теперь, к счастью, почти вымерших, прародители нынешних Вурмитов силой захватили эту территорию у совершенно деградировавших людоедских племен отталкивающего обличья и мерзких обычаев; немногие из них оставшиеся в живых были вытеснены на север и поселились на суровом, загроможденном ледниками Полярионе.

Позже количество Вурмитов необъяснимо сократилось, их военная доблесть выродилась

до робости, угрюмые и мстительные потомки их древних врагов превратились в зловещий, многочисленный и своенравный народ. В те времена многие из Вурмитов нашли прибежище в подземных обителях, дававших им покой и защиту, и теперь меховые создания уже привыкли к укромной темноте и разлитому повсюду зловонию своих нор. Редко кто из них осмеливался выйти в верхний мир, ставший чужим под пронзительными тревожными просторами неба, освещенного нестерпимым сиянием враждебных солнц.

В размышлениях о судьбах своего племени разгневанный шаман не забывал, конечно, о предстоящих опасностях. Этот особенный регион полуострова впоследствии назовут Фенкором, самой северной провинцией Мху Тулана. В те дни, на протяжении Эоценского периода, первые настоящие люди только начинали просачиваться в Гиперборею, покидая южные районы тропиков, где климат становился слишком жарким для них, и весь Фенкор был дикой необитаемой местностью, если не считать живших под землею Вурмитов. Не без риска, знал Йехемог, ему предстояло пересечь доисторические джунгли и зловонные топи молодого континента, люби-

мые места обитания агатовогрудных варвенов и прожорливых котоплебов, если брать в расчет только наименее грозных хищников этих мест.

Однако, как любой доисторический человек, Йехемог имел навыки простейшего шаманства и колдовства. С этим оружием он чувствовал себя спокойно и намеревался достичь Фенкорианских Гор, где мог проводить дни в относительной безопасности.

Ведя подземный образ жизни — наверно, нужно это здесь отметить — Вурмиты только подражали своему нелепому божеству, которому поклонялись с ритуалами, могущими показаться нам мерзкими и кровожадными. Как известно из мифов о вере Вурмитов, это божество, которое они называли Тзаттогуа, сделало себе жилище в лишенных света проходах, расположенных глубоко под землей, таким образом, их выбор пещерного способа существования являлся изначально символическим. Довольно рано в истории народа, Вурм Древнейший, мифологический прародитель расы, провозгласил доктрину, в которой утверждалось, что принятие на себя Вурмитами всецело подземного образа обитания дарует им в дальнейшем особую мистическую близость с их богом, который сам предпочел погрузиться в

бездну под горой Н’каи на Юге, считавшейся сакральной у Вурмитов. Этот догмат преподобный Вурм обнародовал незадолго до своего ухода в глубокое ущелье, примыкающее к ранее упомянутой горе Н’каи, где он мог скоротать преклонные зоны вблизи объекта своего поклонения.

Старейшины рода единогласно высказали мнения об этом патриархе, как о непогрешимом, особенно в делах чисто прагматических, ибо боялись пойти вразрез с общественным верованием, согласно которому их верховный жрец и общий прародитель был рожден никем иным, как самим Тзаттогуа, во время его мимолетной связи с второстепенным женским божеством по имени Шатак. С этим основным патриархальным учением старейшины рода отчасти запоздало согласились; повиноваться последней заповеди Духовного Учителя было, помимо прочего, разумной предосторожностью, если принять во внимание тот упадок, к которому они так недавно и так внезапно привели расу.

Приняв, таким образом, твердое решение о невозможности проживать впредь в сырых и зловонных порах своего рода, и будучи сторонником радикального изменения местожительства на головокружительные пики, вздымавшиеся

вдоль северных границ Фенкора, шаман Йехемог обнаружил, что впадает в опасную ересь. Не в силах примирить свои личные склонности со всевозможными религиозными откровениями, наложенными мифологическим прародителем его расы, он вскоре начал безотчетно подвергать сомнению фактическую сущность учения, тенденция, которая привела в итоге к отрицанию его непогрешимости. Теперь, отвергнув, в сущности, ничего не стоящие верховные догматы, он, почитаемый раньше, как святой, перешел от самого одиозного состояния ереси в прискорбный и богохульный мир атеизма.

Вот как случилось, что разочарование скисло в горькое чувство обиды, обида нагноилась в зависть, и уже зависть ядовитым бичом подтачивала и терзала корни его веры, пока жалкие лоскуты его прежних убеждений не были полностью сожраны ею. Ничего теперь не осталось в сердце Йехемога, за исключением глухой пустоты, которая стала заполняться желчью самоедящей злобы и болезненного язвительного презрения ко всему, что он считал когда-то дорогим и священным. Именно это презрение нуждалось теперь в выражении, в диком жесте предельного оскорбления, рассчитанном на то,

чтобы ввергнуть старших собратьев в шоковое оцепенение и ужас. Йехемог желал размахивать своим новоприобретенным атеизмом, как вонючей тряпкой перед набожными рылами отцов рода.

Для начала он определил порядок действий, подходящий для его целей: сначала проникнуть в святилище Тзаттогуы и похитить оттуда свиток с описаниями неких ритуалов, относившихся к высочайшим ступеням религиозного отвращения для членов его веры. Документ был частью добычи, принесенной его победоносными предками с полей сражений против омерзительной расы, которая населяла регион во времена вторжения дикарей Вурмитов в Мху Тулан. Считалось, что пергамент хранит темнейшие секреты колдовства ненавистных Гнофексов, это имя принадлежало косматым антропофагам, которых предки Йехемога обрекли на арктическое изгнание. Но на самом деле он содержал таинственные и могущественные обряды, с помощью которых Гнофексы поклонялись своему жестокосердному божеству, ни больше ни меньше как земному воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу. В те времена оно приписывалось Марлоку, Великому Шаману.

Сами Вурмиты из своих давних малоубедительных источников считали себя избранным народом Тзаттогуы, единственного божества, которого они почитали. Тзаттогуа был земной стихией, состоявшей в непримиримой вражде с Рхан-Тегозом и всем его войском, которые относились, в принципе, к стихии воздуха и презирались такими Древними Сущностями, как Тзаттогуа, он не любил воздушной пустоты над миром и предпочитал ей мрак подземного логова. Та же обоюдная и непримиримая враждебность существовала между расами, которые были слугами Тзаттогуа (среди них Вурмиты выделялись особым усердием), и теми, кто поклонялся воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу (к ним принадлежали нездоровые людоеды Гнофексы). Таким образом, похищение свитка Марлока повергло бы Вурмитов в панику, предчувствие ужаса, с каким они будут смотреть на эту пропажу, вызывало в Йехемоге приятную дрожь ожидания.

Свиток тысячелетиями хранился в святая святых Тзаттогуа, вложенный в сосуд из мамонтового бивня. Положение свитка символизировало триумф Вурмитов над врагом. Чтобы украсть пергамент, прежде чем покинуть грязные смрадные

норы, где он провел невосполнимые века своей молодости, Йехемог должен был в силу необходимости первым переступить порог святыни.

Для шамана, только окончившего период ученичества, столетие или два назад, нарушить неописуемую святость запретного неприкосновенного места являлось проступком величайшей суровости. Одним своим присутствием Йехемог уже осквернял обитель, и этот акт поругания он совершил под холодным испытующим взглядом всемогущего Тзаттогуы, ибо там, помещенная навеки, стояла самая древняя статуя бога, объект всеобщего почитания и поклонения.

Сама по себе мысль о вторжении в священное место для свершения подлого и презренного действия кражи со взломом в устрашающем присутствии божества, которому Йехемог когда-то поклонялся со столь чрезмерными усилиями, была огорашивающей. Однако, к счастью, для внутренней ясности Йехемога рвение, с каким он принял свой новоприобретенный атеизм, значительно превосходило пыл его прежней религиозной преданности. Иконоборчество закалило его сердце до несокрушимого окоченения, что презирая свои ранние безрассудства, Йехемог разуверился теперь во всех земных и сверхъесте-

ственных сущностях больше, чем раньше в них верил. Объект поклонения был только куском сработанного камня, думал он про себя, архимятежник Йехемог не боится изделий из камня!

Однажды ночью вероломный и атеистический Йехемог забрался в глубочайшую и сокровеннейшую святыню, посвященную Тзаттогуе, предварительно навеяв сон на евнухов, поставленных охранять неприкосновенность места. Их тучные тела развалились на мозаичном полу перед блестящим пологом, скрывавшим внутренние пределы от случайного осквернения нечестивым глазом, и Йехемог, крадучись, прошел мимо них на босых трехпалых ногах. За блестящей тканью его глазам открылась комната, лишенная украшений. Она была пуста, если не считать идола, который являл собой изображение жирного, непотребного, похожего на жабу божества. Привыкший к неотесанным идолам, вырезанным из ноздреватой лавы неумелыми руками своих соплеменников, шаман изумился мастерству, с каким неизвестный скульптор сделал изваяние из твердого и хрупкого обсидиана. Он восхищался непревзойденным искусством забытого художника, который облек приземистую жирную фигуру бога подобием гладких волос и

свел воедино в его чертах все признаки жабы, летучей мыши и ленивца. Громоздкое божество было изображено с полуприкрытыми сонными глазами, которые, казалось, светились холодной ленивой злобой; безгубый разверстый оскал рта вызвал у Йехемога мысль об улыбке, хотя он больше напоминал жесткую и злорадствующую усмешку.

Его недавнее презрение к подобным существам поблекло, сменившись предательской дрожью. Мгновение он колебался, почти напуганный неестественным, словно живым видом идола, который, казалось, мог вот-вот пошевелиться и обнаружить бдительность и вполне реальную сущность. Но момент прошел без каких-либо оживлений, и тогда насмешка и отрицание всего наземного поднялись внутри него, устроившись в своей слепой уверенности.

Настало время окончательного осквернения: теперь Йехемог метафорически отрекся от прежних убеждений и похитил из-под ног божественно святого образа его главное сокровище, пергамент, где хранились дьявольские секреты древних Гнофексов. Собравшись с духом атеистических доктрин, отбросив последние остатки суеверного ужаса, испытываемого им когда-ли-

бо к божеству, Йехемог опустился на колени, взломал печать сосуда из мамонтового бивня и извлек драгоценный свиток.

В последующее мгновение ничего абсолютно не случилось. Черная блестящая статуя оставалась неподвижной; она не шевелилась, не карала Йехемога молнией или внезапной атакой проказы. Волна облегчения коснулась его волосатой груди; он замер в ликующем исступлении. Но в следующий миг Иехемогу стало грустно, ибо только сейчас он понял степень порочной мистификации, какую хранители культа учинили над ним. Так вводить в заблуждение невинных юнцов Вурмитов, что их самым заветным стремлением становилась мечта о головном уборе иерофанта, было действием изысканнейше извращенного порядка, и мысль об этом возбудила в нем страсть осквернить и поругать, с невиданной доселе силой богохульства эти священные пределы.

Перед тем, как покинуть навеки сырые и грязные норы для поисков новой уединенной жизни среди болотных миазмов и саговниковых джунглей верхней земли, он решил совершить поругание, столь непоправимое, чтобы испачкать, развратить и растлить на все времена, которые придут в цитадель этой лживой и жесто-

ко увековеченной религии. В каждой своей лапе Йехемог держал истинное орудие триумфального мщения, оскверняя храм Тзаттогуы, если только не распевать перед его древним изваянием, внутри его самого священного места, отвратительные литургии, которые прежде служили врагам его любимого народа для прославления их непристойного зверского божества, его противника?

Искаженное яростью лицо, клокотавшей в нем, Йехемог развернул древний пергамент и, напрягая маленькие глазки, принялся читать письмена. Ему удалось установить их значения. Черное знание Гнофексов сводилось, в сущности, к прославлению и задабриванию их скверного божества. Несколько раньше шаман нашел ритуал заклинательного культа, показавшийся ему исключительно обидным для Тзаттогуы и его самообманывающихся слуг. Ритуал начинался резкой диковинной фразой: «УЗА-ЙЕИ! УЗА-ИЕИ! Й'КАА ХАА БХО-ИИ», — и заканчивался серией безумных продолжительных завываний Вурмитов. Однако стоило Йехемогу прочесть литургические формулы вслух, как он заметил легкость произношения. К концу ритуала шаман обнаружил, что его голос, глухой и дребезжащий, достиг необычайной и даже беспокойной му-

зыкальности, а маленькие уши начали расти и теперь были не лишены сходства с хлопающими ушами уродов Гнофексов. Глаза также претерпели изменения и, казалось, вылезали из орбит…

Закончив последнее бесконечное завывание, шаман бросил Свиток Марлока. Он с ужасом рассматривал себя. Его гладкая миловидная кожа исчезла, взамен нее появилась густая поросль всклокоченных волос. Рыло, помимо прочего, расширилось и вышло за пределы, считавшиеся красивыми у Вурмитов, и превратилось в голое хоботное образование. Йехемог истошно завыл, ибо понял, охваченный леденящей душу паникой, что слова, призывающие поклоняться, как Гнофекс, имеют при определенных обстоятельствах значение совершенно буквальное. И когда отвратительные крики шамана подняли из заколдованной дремоты грубых тяжеловесных евнухов, и те ввалились с шумом за блестящий занавес, чтобы обнаружить прокравшегося тайком Гнофекса, корчившегося на грязном волосатом брюхе, издавая кулдыкающие звуки перед улыбчивыми, загадочными и лениво-злобными глазами Тзаттогуы, они отправили вонючего гостя на тот свет. Один из них замешкался с такой анатомической подробностью, отчего наиболее подверженные тошноте читатели будут благодарны за то, что я сдерживаю свое перо от натурального описания.

Перевод: К. Пилоян
1991

Гари Майерс
КСЮРХН

Гари Майерс. «Xiurhn», 1975. Рассказ входит в серию «Сновидческий цикл».

Напротив мрачного ониксового Храма Недостижимых Желаний, посвященного Луне, на улице Пантеона в Хазат-Клэге стоял длинный, невысокий, внушающий ужас дом Скаа, окруженный ореолом мифа; Скаа проживала одна в своем доме и монотонно пела, жгла бесовские свечи, творила знамения Вуриша. Но всегда находятся и те, кто не совестится общаться с ведьмами; к этой категории людей относился Тиш, чей род занятий нельзя охарактеризовать иначе, нежели грабеж.

Тиш слушал молву, распускаемую торговцами камнями, пока его тонкая удавка не заставила их замолчать навеки, о драгоценном камне, охраняемом Ночью в мифическом Мхоре. Тиш услышал о нем впервые в Целефейсе от пухлого ювелира, чью жизнь он купил вместе с этими исключительными сведениями с потрохами, но тогда не поверил предсмертному мычанию

жертвы. В Ворнаи Тиш был уже меньше уверен, а в Ултгарских охраняемых скорпионами магазинах он задумался, не было ли это правдой, и, наконец, в караване яков в Канарской солнечной долине дольше сомневаться не мог; торговцев рубинами, которые шли в Дилас-Лин, Тиш даже не ограбил. Правду и другие относящиеся к делу материалы, он знал, можно прочесть в ветхих Древних Манускриптах, в которых записаны многие вещи, сокрытые от глаз профанов, но не желал платить Страже только за то, чтобы пролистать лиходейский талмуд. Менее рискованным ему показалось обратиться к тому, кто однажды уже заплатил за это…

В низком доме Скаа обитали призраки. Им не мешало мерцание маленькой, странно разрисованной глиняной лампы. Тишу же не нравилось, как ведут себя тени, равно как и глаза Скаа, которые светились в полумраке, словно падучие звезды некой безымянной бездны, и действовали на него отнюдь не успокаивающе. Тиш вошел в покосившуюся дверь, сделал то, что обычно ожидают от клиентов.

«За неизвестным Востоком, — пробормотала Скаа, — должна находиться огромная безмолвная долина по имени Ночь; каждый вечер она по-

сылает четыре тени, чтобы убить обессилевшее солнце, и именно там укрываются все сны, когда солнце возвращается на рассвете. В охраняемой призраками долине (если довериться словам тех, кто изрекает любые истины тому, кто может их слышать) есть высокая башня, внутри которой сидит миф Ксюрхн, бормочет сам себе свои сны и стережет день и ночь камень неизмеримой ценности. И нет во всем мире камня, подобного этому, ибо он сделан искусством Других Богов по просьбе безумного султана демонов Азатеза и врезан в оправу, являющую собой шутовскую смесь ленивца и летучего вампира, чья мясистая голова скрывается между двух сложенных крыльев. И лучше смертному не думать о нем, ибо Другие Боги не как люди (их тонкие души привязаны к телам серебряными нитями), но если найти земное сосредоточение слабых звеньев, тогда пагубная душа Ксюрхна обратится в Черный Камень. Встреча в Ксюрхном или его душой не будет приятной, да и Другие Боги обладают достаточными методами наказания. Однако известно, что священники с костистыми черепами Юты владеют талисманом, освященным ими на поклонении Н'тса-Каамбле, способным защитить посягнувшего на собственность Других

Богов», — Скаа описала путь к талисману. Бросив к ногам ведьмы плату в опалах, Тиш поспешил к извилистым булыжным улицам, освещенным мерцающими звездами.

Скаа открыла сумочку, куда спрятала опалы, но нашла там лишь серые голыши, ведь Тиш был с рождения вором. Она начертила узор, понятный священникам Юты, пригвоздила его ко лбу своего посыльного, который почтительно поклонился и исчез с шелестом кожаных крыльев. Затем в темноте Скаа указательным пальцем провела в воздухе черту над ничего не стоящими камешками, те превратились в опалы, и перестала думать о воре.

В седьмую ночь крадущаяся, в одних чулках тень прошла через третий и секретнейший погреб ненавистного монастыря, где священники справляли мессу Юте, сопровождая ее извращенными муками и молитвами…

Священники с желтыми костистыми черепами обнаружили за алтарем задушенную ведьму с тонкой удавкой на шее и пропажу талисмана с положенного места, отчего тихо рассмеялись и вернулись к своим странным занятиям.

…Даже Восток должен закончиться, если зайти достаточно далеко, — это известно любому здра-

вомыслящему человеку. В своем странствии Тиш видел, как четыре времени года Земли проходят вереницей по полям, возделанным человеком; каждое приходит, уходит и возвращается снова. Все экзотичнее становятся земли, если ехать, не останавливаясь, дальше на Восток. За последним из Шести Королевств Тишу открылись темные гнилые леса, чьи чахлые деревья устремляют свои узловатые корни к мякоти, сокам и извести земли, а в безобразных тенях дурачатся и хитро косятся назойливые Зуги; он видел зловонные трясины, покрытые бледным перламутром рясы, их странных обитателей — вздутых червей, имеющих поразительные мордашки. На той стороне Гака Тиш ехал по пустыне, сплошь усеянной костями химер. Он потратил на путь по барханам около недели, неустанно молясь, чтобы любители обгладывать кости оставались невидимыми как можно дольше. За пустыней есть город, чьи опускные решетки выполняют роль зубьев так хорошо, что не приходится лукавить. Отсюда Тиш направил свою голодную зебру по бесплодному каменистому краю последней границей Востока. В один из дней он увидел Ночь, зловеще плескавшуюся под ним, медлительный тягучий водоем в мифическом Мхоре.

Тиш отпустил зебру. Кровавое солнце клонилось к закату. Свирепая Ночь устремилась вверх из долины, и Тиш не нуждался, чтобы ему говорили, какое адское отродье скрывается до поры до времени в сумерках. Он зажег маленькую глиняную лампу, опустился на камень, закутался с головой в дорожный плащ…

Со множеством неуловимых шорохов и всхлипов в темноте морозной стыни звездного пространства появились тени. Что-то, холодное и липкое, пролетело, едва не коснувшись его лба. Движущиеся очертания кошмара выступили за границей слабого света. Тиш услышал далекое недолгое безумное ржание своей зебры и вторившее ей злобное хихиканье. Вслед за этим стая теней потянулась к перевалу, прямо за пределы Мира, и Тиш начал осторожно спускаться по склону, неся с собою лампу. Каждый камень срывался под ногами в хлипкой чавкающей грязи. Повсюду были вырыты ямы с уходящими в глубину норами. Лампа давала слишком мало света. Тиш оступался много чаще, чем ему хотелось бы, и как-то раз его рука соскользнула в одну из таких нор…

Позже он нашел стесанные ступени у основания башни, когда что-то мягкое стало угрожающе

скатываться позади него, вздыхая в темноте и тревожа древние кости. Тиш был бы рад не увидеть того, что предполагал. Он невнятно бормотал бессмысленные молитвы, обращенные к талисману, что лежал в кармане, пустословил и бешено карабкался вверх, цепляясь руками и ногами, по головокружительной лестнице, в то время как глухие подозрительные звуки у него за спиной усиливались, что-то мокрое вывернуло лампу из его ослабевших пальцев, проглотило ее со скотскими слюнями и повисло на шее, пока его окровавленные руки искали медную дверь. Тиш толкнул ее, забрался внутрь и быстро захлопнул за собой. Что-то билось в дверь и зловеще хихикало.

Распластавшись в темноте на полу, бормоча о Черном камне, бесценном и охраняемом Ночью в мифическом Мхоре, в бесформенном Ксюрхне, чьей душой он является, кто сидит во мраке высокой башни и беседует с Другими Богами, чьи методы наказания вора имеют веские причины для страха, но которые не в силах терпеть талисман, освященный самой богиней П'тса-Каамбле, чья благородная красота разбивала миры вдребезги. Тиш во тьме разбитого разума никогда не узнает, что талисман покинул его пальцы по

молчаливому знаку священников с желтыми костистыми черепами…

Он не видел и того, как Ксюрхн спустился вниз вместе со своей душой, чтобы откликнуться на назойливый стук в дверь.

Перевод: К. Пилоян
1991

Гари Майерс
РОЖА В АЛЬКОВЕ

Гари Майерс. «The Snout in the Alcove», 1976.
Рассказ входит в серию «Сновидческий цикл».

Я очнулся от тягостного сна в незнакомом алькове. Высокая готическая арка была занавешена гобеленом. Лампа, как полная луна, свешивалась откуда-то сверху. Но свет лампы был настолько тусклым, что я никак не мог разглядеть узор на темной ткани гобелена.

Думая найти в рисунке некий ключ к разгадке моего местонахождения в пространстве и во времени, я тщетно выворачивал свои карманы в поисках спичек, когда занавес вдруг расступился, впуская омерзительную рожу. Рожу, матово-светящуюся и туманно-расплывчатую. Рожу в форме серого удлиненного конуса, завершавшегося пучком розоватых извивающихся щупалец.

Я закричал и рухнул лицом вниз.

Множество пар уверенных человеческих рук подхватили меня за ноги и потащили по каменному полу. Я очутился в окружении семи бородатых

старцев в белых рясах священников. Они грозили мне деревянными посохами и что-то взволнованно говорили на незнакомом мне гортанном языке. Они отвели меня в круглую комнату, ярко освещенную жаровнями с раскаленным железом. Некоторые предметы в этой комнате удивительно походили на средневековые приспособления для человеческих пыток: набор клещей различного размера, складывающееся деревянное кресло, всевозможные иглы, щипцы и даже каменные стоки для отвода крови. И венчало это поистине ужасное зрелище высокое ложе, составленное из ножей такой ослепительной остроты, что глазам было больно смотреть на них. Но природа остальных вещей, а их в этой комнате оказалось большинство, отнюдь не указывала на их предназначение доставлять кому-либо неудобство.

Глядя на них, я заключил, что почтенные старцы никто иные, как жрецы Лиги Старейшин, и что подобная темница могла существовать только в сказочной стране, которая окружает наш мир. Поэтому я нарисовал Знак Старейшин, являющийся могущественным паролем этой волшебной страны, где по умению им пользоваться отличают людей от демонов.

Жрецы Лиги Старейшин извинились за то, что

не узнали меня сразу. Но когда ты находишь человека в занавешенном алькове, где ты предполагал найти демона, что еще остается думать? Указывая на мою чужеземную одежду, они высказали осторожное предположение, что я только что прибыл из бодрствующего мира.

Мне пришлось рассказать им о моих одиннадцати предыдущих посещениях сказочной страны, предусмотрительно умолчав о данной мною клятве, согласно которой мой одиннадцатый визит должен был стать последним. Необходимость в подобной клятве возникла из-за тайного пророчества, в чьей правоте я не мог долее сомневаться. Это пророчество гласило, что вскоре всемилостивейшие Старейшины будут свергнуты бесчисленными силами Других Богов, которые хотят столкнуть мир в черный винтообразный водоворот, идущий по направлению к центральной пустоте, где султан демонов Азатез терзаем желаниями в темноте. Этот приговор будет неукоснительно исполнен во второе пришествие пресмыкающегося хаоса Наярлозотепа… Итак, я умолчал о клятве с одним лишь желанием избавить жрецов от лишнего упоминания об этом ужасном предсказании.

В свою очередь, они сообщили мне, что я на-

хожусь в Храме Старейшин в Олтгаре, куда, по всей видимости, был перенесен силой своего воображения. На мой недоуменный вопрос, как столь священное место могло стать убежищем для демонов, они отвечали, что сами вызвали злого духа, так как умелый допрос нечистой силы является одним из способов проверки сверхъестественных слухов.

Когда я осведомился, что за сверхъестественные слухи они пытаются проверить, они ответили мне, что только один, который извещает о надвигающемся свершении основного пророчества их веры.

Вероятно, мое лицо выдало мою несколько большую осведомленность по этому вопросу, так как жрецы тотчас же выразили надежду, что коли я выдумал свою дорогу в сказочную страну, то при неблагоприятных обстоятельствах я всегда смогу выдумать ее обратно. Но если я желаю узнать большее, добавили они, то мне следует пойти к их патриарху, в его комнату на вершине Храма.

Я покинул добрых старцев и, следуя их указаниям, стал подниматься по узкой винтовой лестнице, круто восходящей вверх вдоль стен круглой комнаты. Осторожно ступая боком по

узким ступеням и прижимаясь спиной к шероховатой стене, я видел, как внизу подо мной пылающие жаровни описывали в воздухе плавные круги и уменьшались в размерах, пока не стали походить на маленькие красные звездочки на дне глубокого колодца. Все это время я мысленно заклинал Старейшин, чтобы они помогли жрецам поскорее поймать ужасного демона, так как боялся, что он последует вслед за мной по ступеням. Я невольно ускорил шаг, и тогда новое опасение заставило меня содрогнуться. Я подумал, что коварный демон мог опередить меня и теперь поджидает где-нибудь наверху в темноте, и я пошел медленнее. Однако теперь я вспомнил, что рожа демона светилась, и если он окажется рядом, я смогу вовремя его заметить, и, возможно, мне удастся сбежать от него. В противном случае оставалось только одно — прыгнуть. Лучше пойти на верную смерть, чем попасться живым в руки морды.

Однако все мои опасения оказались напрасными, и я продолжал подниматься вверх по лестнице, пока не наткнулся на деревянную ручку большой, обитой кованым железом двери. За дверью я услышал тихое мурлыканье человеческой речи и, приникнув к ней правым ухом, смог

различить три дребезжащих голоса, принадлежащие трём старым людям.

— Вот уже три месяца, — продолжал первый голос, — как в Селефейс не приходил ни один корабль из заоблачного Серанниана, где небо сходится с морем. Два месяца мы ждали каравана через Танарианские Холмы из Драйнена на Востоке, и только теперь мы узнаем, что он не вернулся в Драйнен, а взял курс на запад через Серенарианское море на Хланиг в устье реки Оукранос. Месяц назад море тьмы разлилось на Востоке, подойдя к подножию Танарианских Холмов, и не двинулось назад на рассвете. Тьма разрывалась воплями потерянных душ, и мы в Селефейсе жгли сторожевые огни на вершинах холмов, чтобы растущее наводнение не перехлестнуло через них и не затопило земли Ут-Наргаи своим мраком, и завываниями. А поднимаясь на корабль, идущий в Хланит, я увидел, что чужестранец в красном одеянии проповедует ересь на рынке, но никто не посмел остановить его.

— Множество кораблей, — начал второй голос, — пришло в Хланит с Востока в прошлом месяце. Они извергли на улицы города бесконечный поток потерявших от страха дар речи матросов, которые вздрагивали при виде любой

тени. И еще больше кораблей повернуло прочь на поиски другого пристанища. Долгое время ни одно морское судно не нарушало спокойствия вод гавани Хланита. Но четыре ночи назад огни последнего корабля, совершившего длительный путь с Востока, идущего, как ни один корабль не шел до него, мрачно засверкали в ночной темноте. Мы в Хланите оттолкнули его длинными баграми, которые глубоко вошли в его пористые борта. Следующей ночью он снова вернулся, и мы опять отогнали его. А когда галера несла меня вниз по реке Оукранос по направлению к Трану, я в третий раз увидел чужестранный корабль, возвращающийся в Хланит. На носу его железным изваянием стоял незнакомец в красной мантии.

— Мы в Тране, — произнес третий голос, — всполошились только вчера утром, найдя воду Оукраноса солоноватой на вкус и, обнаружив плавающие обломки славного города Хланита, качавшиеся на волнах у мраморных причалов Трана. Тем же вечером в час сумерек чужестранец в алой сутане был остановлен стражей вблизи восточных ворот. Но он успел произнести три заклятия, удостоверяющих его волшебство, достойное миновать добрую сотню ворот Трана. Я не слышал слов, сказанных незнакомцем, но те,

кто их слышал, пронзительно крича, спасались бегством через северные, западные и южные ворота, а вслед за ними побежали и те, кто не слышал. Сегодня в полночь мы смотрели на восток с яшмовых уступов Кирана и видели тысячи позолоченных шпилей Трана, которые почернели и оплавились, при свете горбоносой луны.

Тут дверь распахнулась внутрь, и я стоял, щурясь от яркого света, в то время как жрецы один за другим медленно проходили мимо меня. Их облачения и бороды были такими же, как у тех старцев, что остались внизу, только посохи сверкали позолотой, а головы украшали золотые шапочки. Они поочередно благословили меня от имени Старейшин, но их лица в этот момент казались неестественно бледными и искаженными ужасом. Я проводил взглядом белые фигуры, осторожно спускавшиеся вниз в темноту и вошел в комнату, которую они покинули.

Занавешенная легким пологом кровать на четырех столбиках неясно вырисовывалась в окружении высоких зажженных свечей, чей свет смутно отражали стеклянные дверцы стоящих рядом книжных шкафов. Старый служитель, поддерживаемый множеством подушек, полулежал на узорчатом покрывале. И я мог бы сразу

догадаться, что передо мной действительно тот патриарх, которого я искал, единственно по поразительной длине его белоснежной бороды и по знакам неведомого зодиака, вышитым на его иссиня-черной мантии. Однако другое привлекло мое внимание; я узнал его по выражению великой усталости на морщинистом лице и мудрости в бесцветных глазах; болезненная усталость человека, дожившего до трехсот пятидесяти с лишним лет, бесконечная мудрость верного старого последователя Барзая Мудрого.

Я преклонил колени у кровати патриарха Атала и с глубоким почтением поцеловал его благообразную руку.

Очень кратко я поведал ему о моем таинственном пробуждении в алькове, появлении омерзительной рожи и о моей беседе со священнослужителями. Патриарх выслушал меня до конца, не прерывая моего рассказа, и только важно кивая своей почтенной головой. Он допускал, что Наше одновременное прибытие, мое и ужасного демона, не было простым совпадением. Дети Тьмы не могут по своей воле вырваться из родной преисподни, и только космические дыры дают им такую возможность, и кто может сказать, какое новое появление готовят эти повсеместные дыры,

из каких иных сфер и плоскостей существования? Вероятно, я, как опытный мечтатель, оказался особенно восприимчив к воздействию подобных дыр, и поэтому он выражает беспокойство, что открытие именно такой дыры послужило причиной моего неумышленного появления.

Но в сложившейся ситуации это может пойти на пользу, продолжал он, если предположить, что я послан Старейшинам, чтобы послужить их избранным орудием, и поэтому он предлагает мне принять участие в поисках, которые он вскоре намеревается предпринять. Дело в том, что слух о втором пришествии пресмыкающегося хаоса Наярлазотепа недавно окончательно подтвердился, и остается только надеяться, что человеку удастся предотвратить крушение мира, как это уже однажды сделали Старейшины, когда они и весь мир были молоды, и только Другие Боги были уже стары.

Но до того, как открыть мне предмет своих поисков, он хотел бы услышать от меня все, что я знаю о всемогуществе Других Богов. Я ответил, что знаю лишь то, что известно каждому: Другие Боги были озорными слугами Старейшин, но они были освобождены от телесной оболочки в наказание за их проказливые выходки и что

только неизменная бдительность Старейшин, которая символически отображена в их древних манускриптах, отводила шалости Других Богов от жилища человека. Однако по выражению лица патриарха я понял, что это был плохой ответ.

И тогда я сказал, что знаю то, что запрещено знать любому, но конечно же известно самому патриарху Лиги Старейшин.

— Другие Боги есть главные первичные боги, которые явились на Землю в далекие незапамятные времена Хаоса задолго до рождения Старейшин. Другие Боги родились в черном винтообразном водовороте, откуда взяло начало Время, и они умерли, когда дыхание вечности увлекло их слишком далеко от первобытного Хаоса. Но они снова оживут, когда очередной виток вечности вернет их обратно в черный водоворот, и тогда Время оборвется, а мир и звезды будут поглощены беспредельным султаном демонов, чье имя ни одни губы не осмеливаются выговорить вслух.

Началом этой трагической развязки послужит возвращение Других Богов. Ведь в тот день, когда еще юные Старейшины сошли со звезд на корабли из облаков, они нашли обезображенные трупы Других Богов и узнали об их предсказаниях. И тогда они переплели могущественные заклятия

между телами и душами Других Богов, схоронив их тела глубоко под землей, а души изгнали на невидимую темную сторону Луны. Вот как случилось, что первый приход пресмыкающегося хаоса Наярлозотепа, души и вестника Других Богов, был расстроен чарами Старейшин.

Но дыхание вечности ослабило эти заклинания, и внушающие ужас души Других Богов сошли с небес в подлунный мир, а дряхлые Старейшины, утратившие свою силу, удалились в ониксовые крепости на вершине укромного Кадата, бежали в холодную пустыню, чтобы там готовить свою последнюю защиту, а возможно, они просто покорились судьбе и теперь ожидают гибели, которую не в силах предотвратить… Но если сами Старейшины впали в отчаяние, на что остается надеяться нам, людям?

— Надежда уходит последней, — сказал Атал, — и она заключается в том, что поведал Барзай Мудрый мне, его молодому ученику, накануне своего трагического восхождения на запретный Хатег-Кла три столетия тому назад. Поклоняющиеся Старейшинам думают, что Старейшины создали человека, но жрецам Лиги известно, что он развивался самостоятельно из единого первоисточника, прообраза всей земной жизни,

который создали Старейшины и который древние рукописи упоминают под именем Уббо-Сатла. Но даже священники не знают того, что было известно одному Барзаю Мудрому, сумевшему расшифровать ту ужасную часть заплесневелых манускриптов, слишком старых для того, чтобы можно было их прочесть. Когда Старейшинам наскучило создавать мир, они отдали на хранение Уббо-Сатлу всю свою непостижимую мудрость, записанную на табличках из камня, добытого со звезды. И это был Уббо-Сатл, которому поклонялся волосатый доисторический человек, а поздние гиперборейцы поносили под именем Абхот, отец и мать всех космических нечистей, которые залегли в берлоге под горой Вумитадрат на гиперборейском континенте задолго до сотворения бодрствующего мира. Весьма возможно, — продолжал Атал, — что заклинания, которыми Старейшины предотвратили гибель мира, до сих пор хранятся у Абхота, и это было надеждой патриарха и целью его поисков — добыть их.

Тут старый служитель поднялся и тяжело опираясь на неукрашенный посох верховного священнослужителя, который лежал у него на коленях, медленно двинулся в сторону книжных шкафов, стоявших напротив входной двери.

Здесь он трижды постучал посохом по мраморному полу, и тотчас же два высоких шкафа перед ним повернулись наружу, как французские окна, открывая прямоугольный клочок ночного неба, густо усыпанный сверкающими звездами.

— Страх перед неведомым, — продолжал он, — всегда был сильнее всех страхов в мире, именно он, потому что, однажды открывшись, неведомое может оказаться самой чудовищной вещью во Вселенной. Жрецы Лиги Старейшин гораздо лучше меня изучили древние тайны, и поэтому только они знают, что представляет собой наихудшая вещь во Вселенной и что сейчас мы стоим на пути наиболее благоприятном для встречи с ней. Но знание лишает их мужества, тогда как мой страх не может лишить меня его, ибо страх перед неведомым не так уж силен по сравнению с боязнью самой худшей вещи в мире.

Сказав это, он выдернул из своей бороды маленький серебряный свисток на тонкой цепочке и тихонько подул в него. И хотя он сразу же вернул свисток в его потайное место, я успел разглядеть и узнать тот странный рисунок, который был изображен на нем, отвратительное хитросплетение усиков, крыльев, когтей и вьющегося хвоста. Где-то вдалеке поднялся невообразимый

кошачий вой, и несколько звезд в окне исчезли, закрытые, как мне показалось, густым облаком летучих мышей. Некоторые звезды по краям этого движущегося контура еще мерцали, но центр его был непроницаем. Все больше и больше разрасталась туча, пока все звезды не были поглощены ею, и тогда неистовый кошачий концерт был задушен громким хлопаньем огромных пар кожаных крыльев. Сырой зловонный ветер подул в окно судорожными порывами, пробивая пламя свечей, развевая бороду Атала и надувая черным парусом его длинную мантию. Старик обернулся ко мне с костлявым пальцем, приложенным к губам, и жестом приказал мне потушить свечи.

Но когда последняя свеча была передо мной, и я наклонился, задуть ее, я увидел нечто, возникшее из темноты позади нее, нечто матово-светящееся и туманно-расплывчатое. Нечто в форме серого удлиненного конуса, оканчивавшегося пучком розоватых извивающихся щупалец.

И как мне показалось, слабое свечение становилось все бледнее, а туманная неясность все четче, пока не осталось только мое собственное злобное лицо, смутно отражающееся в стеклянной дверце книжного шкафа.

Я задул последнюю свечу.

Перевод: К. Пилоян
1991

А. Ли Мартинес
ЗОВ КРОВИ

А. Ли Мартинес. «The Innsmouth Nook», 2010.

Ящик содержал в себе невообразимые ужасы — документы, исписанные безнадежностью и страданием. Людям приходилось ежедневно в него заглядывать, и тогда они молились всем богам сразу, какими бы жестокими и безразличными к людскому страданию они ни казались, чтобы, протянув руку в темные глубины ящика, не извлечь оттуда свой конец. Этот вездесущий ящик, тень которого нависает над каждым домом, каждой квартирой и любым другим обиталищем цивилизованного человека, напоминает ему о том, что он не является хозяином своей судьбы. И сколько бы ни пытался человек это отрицать, но Вселенная требует свой кусок плоти, и она никогда не насытится, никогда не отречется от своего права высасывать из человека жизнь и до самой его смерти кормиться его несчастьями, его потом и кровью. А иногда это продолжается и за чертой жизни.

Филип, как и все цивилизованные люди, научился жить с ящиком. Он свыкся с постоянным ожиданием все новых и новых запросов. Впрочем, в последнее время он осознал, насколько ящик его поработил. Он пришел в ужас от понимания того, что каждое утро покорно плетется к нему и кланяется, уподобляясь кукле, лишенной собственной воли. Но даже это понимание не освободило его от тирании ящика.

Итак, сегодня утром он, как всегда, направился к ящику, к этому приводящему его в исступление ящику, сунул руку в призрачные глубины и извлек очередную порцию богомерзких заповедей.

— О черт! — застонал он. — Счета.

Он досадливо захлопнул дверцу почтового ящика, борясь с желанием схватить топор и изрубить чертову штуковину в щепки. Но убить его было невозможно. Ящик не был зверем. Он не был даже головой зверя. Он был всего лишь щупальцем, протянувшимся из великого непознанного, из того жуткого места, где плодятся счета по кредитным картам, почтовая реклама и отчаяние.

С океана налетел порыв холодного ветра. Облака расступились, пропустив одинокий солнечный луч. Он на мгновение озарил безрадостный пейзаж, прежде чем тучи снова сомкнулись в

бесконечную бурлящую серую массу.

Филип вбежал в дом. Вэнс готовил завтрак. Аромат жареных яиц и бекона был первым приятным моментом за сегодняшний день.

— Это были последние яйца, — сказал Вэнс, испортив радость момента. — В почте есть что-нибудь хорошее?

Филип промычал что-то невнятное, не в силах облечь в слова то, что Вэнс знал и сам. Впрочем, Вэнсу было легче. Ввязавшись в эту затею, он просто принял предложение Филипа, которому принадлежала идея.

Как ему могло прийти в голову то, что кому-то захочется остановиться в его мини-отеле, затерянном в этой географической и культурной глуши? В Новой Англии были места, много мест, отличающихся причудливостью нравов и обычаев, мест, где живут причудливые люди с причудливой речью, готовые поделиться своей причудливой мудростью.

Но что же Клэм-бей? Тут было холодно даже в солнечную погоду, уныло даже во время так называемого лета, которое здесь длилось ровно четыре недели. Тут росли деревья, на которых никогда не бывало листьев, и жили странные люди. Странные без причудливости. Просто странные.

Они были тихими и не то чтобы враждебными к чужакам, но относящимися к ним настороженно. А чужаками тут считались члены любой семьи, которая жила здесь меньше пяти поколений. И Филипу ничуть не помогало то, что его прапрадедушка был одним из полноправных жителей Клэм-бей. И то, что дом, который достался ему в наследство, представлял собой форменную руину, прежде чем он вложил в его ремонт несколько тысяч долларов в надежде привлечь туристов. Он все равно оставался чужаком.

И это было сложновато скрыть. И дело было не только в том, что все жители Клэм-бей имели склонность к серой одежде, ходили медленно и как будто неохотно, волоча ноги по земле. И не в том, что говорили они тоже медленно и с запинками, и что в их речи не было совершенно ничего причудливого или своеобразного. Они были все похожи друг на друга. В этом городишке существовал какой-то совершенно особый генофонд, который оказался не слишком благосклонен к своим носителям.

Тут даже с моллюсками было плохо.[1]

Филип и Вэнс позавтракали в полном молча-

[1] Примечания: 1

Clam — съедобный морской моллюск *(англ.). (Здесь и далее примечания переводчика).*

нии. Комментировать растущую гору счетов и отсутствие туристов не было никакой необходимости. Даже не глядя на бюджет, Филип знал, что у них есть еще четыре месяца, прежде чем всепоглощающий долг… того… поглотит их.

Раздался звон колокольчика, закрепленного снаружи на входной двери. Филип и Вэнс вскочили и бросились в прихожую приветствовать гостя. Их надежды рухнули при виде местного констебля.

— Привет, — без всякого энтузиазма произнес Филип.

Констебль кивнул и приподнял серую фуражку.

— Доброе утро, парни. Боюсь, у нас тут небольшая проблема.

Филип попытался определить его акцент. В Новой Англии так никто не разговаривал. Жители Клэм-бей разговаривали на своем собственном диалекте. Этот городишко был поистине замкнутым мирком. К сожалению, его отличало не очарование Старого мира, а что-то неуловимо жутковатое. Но, несмотря на всю свою жутковатость, жители Клэм-бей не сделали Филипу или Вэнсу ничего плохого.

И вот возникла проблема.

Констебль вывел их на крыльцо и указал на поставленный у дороги указатель.

— Что вы можете об этом сказать?

— Я нашел его на чердаке, — пояснил Вэнс. — Он показался мне очень живописным.

Ледяной ветер начал раскачивать знак. Констебль придержал увесистую доску.

— Если вам нетрудно, мы предпочли бы, чтобы вы его убрали.

— Почему?

Констебль издал харкающий звук и сплюнул комок зеленой слизи.

— Просто нам так хочется.

— Прошу прощения, но у нас не полицейское государство, верно? — заартачился Вэнс. — Мы можем вешать на свой дом все, что захотим. Разве не так?

Констебль нахмурился. Заметить это было нелегко, потому что уголки губ граждан Клэм-бей были естественным образом опущены вниз.

— Эх-хе-хе… Видите ли, мы не любим об этом вспоминать. То бишь о старом названии города.

Он подвигал челюстью, как будто желая удостовериться, что она все еще функционирует надлежащим образом.

— Но тут почти ничего не видно, — возразил

Вэнс.

— Это напоминание, — ответил констебль. — Напоминание о том, о чем мы предпочли бы забыть.

Он смотрел вдаль, на океан, со странным выражением тоски и страха. В этой бухте никто никогда не плавал. Вода там была слишком холодная. Но изредка Филип замечал на берегу человека. Или двух. На их лицах неизменно было вот это самое пугающе непостижимое выражение.

— Мы его уберем, — успокоил констебля Филип. — Все нормально.

Констебль кивнул.

— Эх-хе-хе… — Он потер лицо. — Эх-хе-хе… — И зашаркал прочь, ни на мгновение не отводя взгляд от океана.

— Почему ты согласился? — спросил Вэнс. — Мы живем в свободной стране.

— Оставь, — отмахнулся Филип. — Какая разница? Нам ведь еще жить здесь. По крайней мере еще несколько месяцев.

— Что за срань! Это цензура!

— Да, да, да. Будешь отстаивать свои права, когда вернемся в Нью-Йорк.

Продолжая ворчать, Вэнс вступил в борьбу с

указателем, решив во что бы то ни стало вырвать его из земли голыми руками.

Магазин в Клэм-бей снаружи казался очень большим. Но внутри он был наполовину пуст. Самым странным было то, что вместо того, чтобы разделить магазин на две части — пустые ряды с одной стороны, а заполненные товаром — с другой, владельцы магазина поступили совершенно иначе. Товары располагались на полках в абсолютно произвольном порядке. За стеллажами с консервами шел пустой ряд, за ним следовал ряд полок с крупами и еще два пустых ряда, потом замороженные продукты и очередной пустой ряд, этнические продукты, сводившиеся к тортильям и тако, еще несколько пустующих рядов и в самом конце, дальше всего от входа, находился мясной ряд. Еще более странным казалось то, что освещение в магазине было мутновато-тусклым и не проникало в проходы между пустыми полками, где всегда царил мрак. Временами Филипу чудилось, что в пустом ряду между этническими и замороженными продуктами притаилось нечто зловещее. Не то чтобы он это видел, но ощущал — это точно.

В магазине никогда никого не было. Он был уверен, что люди приходят сюда за покупками. У

них не было другого выхода. Магазин был единственным местом, где можно было приобрести продукты. Но он никогда никого не видел, не считая потрепанного парня на кассе. Поэтому, поворачивая в очередной ряд, Филип не особо остерегался с кем-нибудь столкнуться. Но столкнулся с какой-то женщиной.

Оба одновременно вздрогнули.

— О господи! Простите! — выдохнул он.

Она улыбнулась. Он уже давно не видел, чтобы кто-нибудь так улыбался. И одета она была не в стандартные для Клэм-бей цвета — черный или серый. Нет, на ней был синий свитер и бежевые брюки. Филип внезапно осознал, что в определенных обстоятельствах бежевый цвет может быть очень даже ярким.

— Ничего страшного, я сама должна была смотреть, куда иду. Просто… видите ли… я не ожидала кого-нибудь тут увидеть. — Она протянула ему руку. — Энджела.

— Привет, я…

— Филип, — перебила она.

— Мы знакомы?

— О нет. Я только вчера приехала. Но весь город взбудоражили слухи о двух — она изобразила в воздухе кавычки — парнях из большого города,

поселившихся в бухте.

Ему не удалось представить Клэм-бей взбудораженным. Кассир, ссутулившись, неподвижно сидел у входа и смотрел в окно.

Энджела прошла мимо Филипа и направилась к кассе. Он еще не закончил с покупками, но все равно направился за ней.

— И что же привело вас в Клэм-бей? — поинтересовался он.

— Приехала проведать маму.

Это его удивило. Энджела не была похожа на человека, родившегося в этом городке. Она не была роскошной женщиной. Да и особенно привлекательной тоже. В другом месте ее могли бы счесть дурнушкой. Но здесь она показалась ему совершенно сногсшибательной. Он попытался понять, как смог местный генофонд произвести на свет такого человека, как она.

— Я приемный ребенок, — пояснила она. — Вы ведь об этом подумали, верно?

Он кивнул.

— Угу. Это было так очевидно?

— Нет, но мне кажется, это первое, что должно прийти в голову стороннему наблюдателю. А как насчет вас? — поинтересовалась она. — Что привело в Клэм-бей вас и вашего… — она снова

изобразила пальцами кавычки — партнера?

— Вряд ли наше решение можно назвать в достаточной степени обоснованным. Мы кое-что не рассчитали… Погодите. Как вы нас назвали?

— О, простите. — Она покраснела. — Я употребила неправильный термин? Я не хотела вас обидеть.

— Вы думаете… э-э… нет, мы не геи.

Она засмеялась.

— Да все в порядке. Здесь никому нет дела до таких подробностей. Мы очень терпимо относимся к альтернативным союзам.

— Мы не геи, — повторил он с несколько большим нажимом, чем следовало бы. — Мы просто друзья.

— Вы женаты?

— Нет.

— Подруги?

— В настоящий момент тоже нет.

Она приподняла бровь.

— Убежденные холостяки?

— Не убежденные, — промямлил он.

— Итак, двое холостых мужчин из большого города переселяются в наш захолустный городишко и открывают гостиницу. Но вы не геи.

— Мы просто друзья, — повторил он.

— Я вам верю, потому что гетеросексуальные мужчины только и делают, что открывают гостиницы.

— *Эти* гетеросексуальные мужчины именно так и поступили.

— Гетеросексуальные мужчины, которых зовут Филип и Вэнс.

Он хотел ее переубедить, но внезапно его самого одолели сомнения. Эта мысль оказалась такой неожиданной, что поглотила все его внимание. Он даже не заметил, как она попрощалась и ушла.

Вэнс воспринял весть об их статусе «парней из большого города» спокойнее, чем Филип. Наверное, потому, что, как оказалось, он и в самом деле был геем.

— Что? — изумился Филип.

— Ну, может, я и не вполне гей, — пожал плечами Вэнс, — но я сказал бы, что вероятность этого процентов семьдесят на тридцать.

— Но я видел тебя с женщинами!

— Это была тридцатипроцентная часть уравнения, — ответил Вэнс, делая глоток кофе.

— О боже! Так вот почему ты согласился принять участие в этой затее. Ты думаешь, что я тоже гей!

— Дружище, ты не гей, — усмехнулся Вэнс.

— Я это знаю, но знаешь ли это ты?

— Я бы сказал, что в твоем случае соотношение девяносто два процента против восьми, — ответил Вэнс.

— Какого черта…

— Гомосексуалисты видят своих издалека, дружище.

Филип опустил голову на стол и задумался.

— Значит, я на восемь процентов гей?

— Помнишь, как ты целую неделю распевал «Хэлло, Долли»?

— И это тянет на восемь процентов?

— Это и тот факт, что это *ты* захотел открыть гостиницу. Даже меня посетили сомнения, когда я впервые услышал от тебя об этой идее.

— Гостиницы открывают не только геи, — принялся защищаться Филип.

— Согласен, — кивнул Вэнс. — Но я знаю не так много холостых гетеросексуальных парней, поступивших подобным образом.

— Но…

— Я не устанавливаю правила, дружище. Я беру их с вебсайта.

— Итак, если ты не считаешь меня геем, почему ты согласился вступить со мной в дело?

— По причинам, которые я уже озвучивал, — вздохнул Вэнс. — Я потерял работу. Меня ничто не удерживало в городе. Мне было необходимо хоть чем-то заняться.

— И все?

Вэнс покачал головой.

— Филли, приятель, я люблю тебя всей душой. Честное слово. Но ты не в моем вкусе.

— Не в твоем вкусе?

— Что? Тебя это обижает?

Филип задумался над ответом, но тут звякнула входная дверь. Он не понимал, почему этот звук до сих пор его будоражит. Их порог еще не переступил ни один турист в поисках жилья. Правда, последние несколько часов шел дождь, скользкий и холодный, от которого дороги стали опасными для путешествий. Так что, возможно, кому-то пришлось здесь остановиться, а их гостиница была единственным подходящим местом. Эта идея была притянута за уши, но он с робкой надеждой выглянул в прихожую.

Это была Энджела. Хотя она не была туристом, нежеланной гостьей она тоже не была. Он представил ей Вэнса.

— Это мой *друг* Вэнс, — произнес он, нажимая на слово *друг.* — Мой добрый *друг* Вэнс.

Энджела и Вэнс насмешливо переглянулись. Филип понимал, что вызвало их усмешки. Нажим на слове *друг* был палкой о двух концах. Это могло сулить проблемы.

— Не обращайте на него внимания, — махнул рукой Вэнс. — Он только что обнаружил у себя гомофобию. Но в остальном он неплохой парень.

Они показали ей гостиницу. Судя потому, что барабанная дробь по крыше становилась все громче, дождь пошел еще сильнее. Сверкнула молния. Молния без грома. Филип ни разу не слышал в Клэм-бей грома. Даже в самые сильные грозы молнии были молчаливыми.

— А вы, ребята, тут здорово потрудились, — отметила Энджела, когда они, завершив обход, вернулись в кухню. — Отделка просто бесподобная.

— Это в основном заслуга Вэнса, — сообщил Филип. — Я больше по части деревянных конструкций и сантехники.

— Да, а я отвечаю за цветочные композиции и салфеточки, — с невозмутимым видом подтвердил Вэнс.

Энджела потянулась к Филипу и пальцами коснулась его руки.

— Я тебе верю.

Он с облегчением вздохнул.

— Но, если честно, я верю Вэнсу. Пока ты готовил эспрессо, мы тут перекинулись парой слов. — Она сделала глоток. — Кстати, у тебя получается превосходный эспрессо.

В этот момент Филипу показалось, что в Клэмбей не так уж уныло.

Входная дверь снова звякнула. Одновременно мигнул свет. Во время сильных гроз такое случалось довольно часто.

— Вы сидите, а я взгляну, кто там, — сказал, вставая из-за стола, Вэнс.

— Премного благодарен, — кивнул Филип.

Вэнс вышел, а свет все продолжал мигать.

— Проводка, — обернулся Филип к Энджеле. — Мы никак не доведем ее до ума. А вообще я рад, что ты к нам заглянула.

— Ага, я тоже.

Они с улыбкой переглянулись.

Свет окончательно погас. С учетом мрака здешних ночей, Филип был убежден, что их должна окружить тьма. Но из прихожей пробивалось мягкое зеленоватое свечение.

Вэнс закричал, но крик тут же оборвался. Филип и Энджела бросились в прихожую посмотреть, что стряслось.

Было слишком темно, чтобы разглядеть все в деталях. Вэнс лежал на полу и стонал. А над ним стояло нечто. Нечто с огромными глазами, излучавшими потустороннее изумрудное сияние.

— Какого… — начал Филип.

Сверкнула бесшумная молния, осветив вошедшего человека… нет, не человека… *существо,* потому что другого слова для него просто не было. Это ссутулившее плечи создание покрывала серая кожа. У него была большая голова с разинутым ртом. А по бокам шеи торчали жабры, раздувавшиеся вырывавшимся из горла придушенным шипением. Впрочем, звука Филип все равно не услышал. В это мгновение все его внимание было приковано к окнам, за которыми притаились тени. Их было не меньше четырех, а то и пяти. И каждая тень светила на него потусторонними глазами.

Он стоял как зачарованный, не в состоянии пошевелиться. Его приковал к месту не ужас. Ужас был бы чем-то чересчур осязаемым. Он мог быть парализующим и сокрушающим. Но тому, с чем он столкнулся, не было названия. Это странное существо во мраке было чем-то непознанным. Неосязаемое каким-то образом превратилось в реальность, и постичь это было невероятно

трудно. Поэтому он просто стоял и смотрел, хотя существо угрожало Вэнсу.

Энджела рванулась вперед. Монстр бросился к ней. Она схватила его за руку и крутнулась на месте, проведя какой-то прием кунг-фу, причем такой стремительный, что существо оказалось на полу, прежде чем Филип успел что-либо понять. Рыбоподобное чудовище визжало, барахтаясь на спине. К его заунывному плачу присоединились существа за окнами.

Энджела вцепилась в Вэнса и потащила его туда, где стоял Филип.

Входная дверь распахнулась. Зазвенел звонок. В прихожую вошли еще несколько существ.

— Тут есть задняя дверь? — спросила Энджела.

И поскольку ни Филип, ни Вэнс не ответили, она схватила Филипа за рубашку и потрясла его.

— Где задняя дверь, Фил?

— Э-э… сзади, — ответил он.

Она двинулась внутрь дома, волоча обоих мужчин за собой. Далеко они не ушли. Через заднюю дверь в дом проникли еще три существа, заблокировав путь к отступлению. Выхода не было. Хриплое дыхание существ и зловещее зеленое сияние предостерегло их как раз вовремя, не позволив попасть в засаду. В прихожей что-то с

грохотом упало на пол и разбилось.

— Мои вазы, — вздохнул Вэнс.

Но он произнес это так причудливо, на какой-то европейский манер, что Филип даже удивился, как он раньше не понял, что Вэнс — гей. Потом он подумал о стереотипах и о том, как они, в сущности, абсурдны. Потом он понял, что абсурдно обо всем этом думать в тот момент, когда его вот-вот сожрут твари из Черной Лагуны.[2] Хотя все его размышления именно этим и объяснялись. Ему было проще размышлять над всяким вздором, чем над альтернативой, какой бы насущной она ни была.

— Подвал, — прошептал Вэнс. — Мы можем спрятаться в подвале.

Филип всегда ненавидел подвал. Там было промозгло и пахло плесенью. Но существа уже приближались к кухне, поэтому выбора у них не было. Они спустились вниз. У Энджелы хватило здравого смысла придержать крышку люка, не позволив ей хлопнуть. Вэнс потратил неделю на то, чтобы привести подвал в порядок, поэтому, несмотря на мрак, тут можно было передвигать-

---

[2] Примечания: 2

«Тварь из Черной Лагуны» — американский фильм ужасов 1954 г. Первая кинокартина из цикла о Gillman, жаброчеловеке, — существе, подобном Ихтиандру.

ся, не спотыкаясь. Вэнс двигался, как кошка. Во всяком случае, Филипу так казалось. Вокруг было настолько темно, что судить наверняка он не мог. Но Вэнсу удалось извлечь откуда-то фонарь почти бесшумно. Он щелкнул кнопкой и прикрыл луч рукой, чтобы свет не был чрезмерно ярким.

Они молчали, прислушиваясь к топоту ног тварей над головой. Они не сводили глаз с люка, ожидая, что он вот-вот откроется, впустив монстров, которые спустятся и сожрут их живьем. Спустя несколько минут скрип стих. Не было слышно и хриплого дыхания тварей.

Но даже после этого они продолжали молчать. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем они рискнули заговорить.

— Какого черта? — спросил Вэнс так тихо, что Филип едва его расслышал. — Что это было? Чудовища, что ли? — Он повысил голос. — Чертовы чудовища или что это, по-вашему?

— Бестии, — произнесла Энджела.

— Что, черт возьми, за…

— Это всего лишь история, — перебила его она. — Если ее можно так назвать.

— Это еще что означает?

Она провела рукой по лбу.

— Это трудно объяснить. Вы же знаете, что в

каждом городке существуют свои легенды? И Клэм-бей ничуть не отличается от других городков.

— Я бы сказал, что отличается, — сквозь стиснутые зубы процедил Филип. — Еще как, черт возьми, отличается.

Пол скрипнул, и они снова затаились.

Энджела наклонилась вперед. Тусклый свет фонаря отбрасывал на ее лицо зловещие тени. Казалось, что они сидят у костра, травя истории о привидениях. Вот только призраки были вполне реальными. И если бы на самой страшной ноте на них кто-то и прыгнул, то не какой-нибудь придурок в попытке испугать, а вполне реальное чудовище.

— Это было очень давно, — начала свой рассказ Энджела. Она говорила так тихо, что они тоже наклонились, чтобы не пропустить ни одного слова. — Задолго до того, как Клэм-бей получил свое нынешнее название. Тогда он назывался совершенно иначе. Так вот, люди заключили договор с древним богом, ожидающим в океанских глубинах.

— Чего он ожидал? — спросил Вэнс.

— Никто не знает, — ответила Энджела.

— Тогда откуда это известно? То, что он ожидал?

— Сейчас это совершенно неважно, — заметил Филип.

— Она сама об этом заговорила! — возмутился Вэнс.

— Да заткнись ты с этим ожиданием!

— И незачем повышать на меня голос, как будто я какой-то засранец! — взвился Вэнс.

— Ты прав. Извини.

— Если тут и есть засранец, так это ты. Если бы ты не придумал эту идею с гостиницей…

— Я знаю, — согласился Филип.

— Я всего лишь задал простой вопрос, пытаясь разобраться в ситуации…

— Проклятье, Вэнс, я же извинился! Какого черта ты еще от меня хочешь?

— А вы точно не пара? — поинтересовалась Энджела, переводя взгляд с одного из друзей на другого.

— Рассказывай дальше, — махнул рукой Филип.

— Да рассказывать особо больше нечего. Бестии явились сюда в качестве слуг морского бога. Они предложили секреты власти и бессмертия, и люди этим воспользовались. Я предпочла бы не вдаваться в подробности.

— Какие подробности? — встрепенулся Вэнс.

— Это не имеет значения, — помедлив, ответила Энджела.

— Может, в них содержится подсказка, чего хотят эти твари сейчас?

— Надеюсь, что нет, — еле слышно пробормотала она, но оба ее услышали. Застигнутая врасплох Энджела сконфузилась под их пристальными взглядами. — Ну хорошо, хорошо… Только предупреждаю, вам это не понравится. Они… э-э… Насколько я понимаю, использовался термин *смешивать кровь*.

— Ты хочешь сказать, они резали себя? — удивился Вэнс. — Как дети, когда хотят стать кровными братьями?

— Э-э… нет.

— О боже! Только не говори, что они съедали людей.

Она покачала головой.

— Тогда, как они…

— Люди трахались с рыбомонстрами.

— Что они делали? — воскликнул Филип.

— Угу, интересно, как это у них получалось? — поддержал друга Вэнс.

— Не знаю, — покачала головой Энджела. — Но они как-то решили этот вопрос. И ДНК бестий постепенно начала превращать людей в рыбо-

монстров. Все больше людей уплывало в море с тем, чтобы уже никогда не вернуться. Наверное, в конце концов это произошло бы со всеми, но тут вмешалось правительство. Оно приняло решительные меры, прочесав город под предлогом исполнения «сухого закона», и убило всех, в чьей внешности было слишком много рыбьего. Но они не тронули тех, в ком было больше от человека, чем от рыбы. Город отрекся от бестий и попытался забыть об этой истории. Большинство жителей разъехалось. Но остались те, в ком кровь бестий была слишком сильна и не позволяла им покинуть бухту и море. Они попытались жить обычной жизнью, но все время ожидали возвращения бестий. Они предвкушали это возвращение, хотя сама мысль об этом приводила их в ужас.

— И вот они вернулись, — заключил Филип.

— Чтобы заняться с нами сексом, — уточнил Вэнс.

В подвале воцарилась зловещая тишина.

— Мы все об этом подумали, — начал защищаться Вэнс.

— Это не означает, что надо было произносить это вслух, — отрезал Филип.

Люк подвала скрипнул и отворился. Друзья

попытались спрятаться, но скрыться было негде. По лестнице неуклюже спустились две бестии. Они шаркали и переваливались с ноги на ногу, как это делали жители Клэм-бей. Свет фонаря и сияние глаз бестий смешались, наполнив подвал отвратительным гнилостным мерцанием. Филип наконец-то смог разглядеть монстров во всех ужасающих подробностях. Сходство с жителями Клэм-бей было более чем очевидным. От походки до тупого выражения лица с отвисшей челюстью и лишь немногим более чешуйчатой кожи — все было подобным. Бестии показались ему даже менее отталкивающими, потому что были законченными чудовищами, а не каким-то генетическим недоразумением.

Он отчаянно сопротивлялся желанию взглянуть на пах чудовищ, но проиграл эту битву. Опустив глаза, он убедился в отсутствии оснастки, необходимой для смешивания крови. По всей видимости, эти монстры были скорее рыбами, чем людьми. Он не считал себя по этой части экспертом, но привык думать, что рыбы производят потомство, откладывая икру, после чего является самец и осуществляет свой вклад. Если все было устроено именно таким образом, то, пожалуй, он мог бы с этим смириться.

Раскат грома сотряс дом. Первый раскат за все время, проведенное им в Клэм-бей. И, возможно, последний. Снова вспыхнул свет, представив взглядам парней и Энджелы бестий во всей их рассольной пятнисто-зеленой красе.

Вэнс схватил бутылку и обрушил ее на голову главаря. Посыпались осколки. По телу бестии заструились красные потоки, но это было вино, а не кровь. Твари этот удар, похоже, не причинил ни малейшего вреда. Она даже не шелохнулась. Потом медленно, градус за градусом, повернула голову к Вэнсу.

Он улыбнулся и нервно засмеялся, как будто пытаясь перевести все в неудачную шутку.

Бестия открыла рот, и из ее горла с бульканьем вырвалась ужасная отрыжка. Спазм сотряс ее тело, жабры задрожали. Тварь рыгнула, с ног до головы обдав Вэнса черным рагу из морских водорослей и рыбьих костей.

Филип отчаянно надеялся, что это не любовная прелюдия. В последний раз ему хотелось заниматься сексом, будучи измазанным рвотными массами, еще в колледже. Сегодня он не был настолько пьян. Да он вообще не был пьян.

— Прошу прощения.

Бестия постучала по своей груди и откашля-

лась. Это был чудовищный, скрежещущий звук.

Люди замерли, пытаясь проанализировать слова жуткого создания. В его речи явно присутствовал акцент. Тот же самый, нисколько не причудливый и отдаленно новоанглийский акцент, присущий добрым гражданам Клэм-бей. Голос был хриплым, но слова прозвучали вполне отчетливо. Дело, в общем-то, было не столько в том, *что* именно произнесла бестия, сколько в том, что она вообще что-то произнесла.

Тело твари сотряс приступ кашля. Из ее открытого рта капала морская вода. Она отерла губы и сделала сиплый вдох.

— Клянусь Дагоном,[3] какой же сухой тут воздух! Вы не могли бы дать нам чего-нибудь выпить?

Филип сидел на крыльце, обращенном в сторону пляжа. Сеял мелкий, похожий скорее на густой туман дождь. Пляжный зонт частично защищал его от сырости, но с бухты тянуло холодным ветром, и он, поежившись, застегнул молнию на куртке.

— Привет! — окликнула его Энджела. — Вэнс

---

[3] Примечания: 3

Дагон, Даган — филистимский идол, с человеческими головой и руками, а туловищем рыбы.

сказал, что тебя можно найти здесь.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку, после чего устроилась на стуле рядом.

— Они скоро придут, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Пляж, — ответил Филип, беря ее за руку. — Когда песок становится похож на светло-коричневую грязь, это знак.

— Как идут переделки?

— Хорошо. Нам наконец-то удалось установить большие ванны. Теперь осталось сорвать оставшиеся ковры. — Он сделал глоток газировки. — С них течет. И очень сильно.

Гораздо легче вытереть пол, чем вести непрекращающуюся и безнадежную борьбу с плесенью.

Несколько мгновений они наблюдали за накатывающимися на пляж волнами, пока из этих волн не появились бестии. Филипу и самому казалось странным, как быстро он свыкся со зрелищем ковыляющих из океана чудовищ. Иногда была только одна бестия. Чаще две. Но никогда не было больше пяти. Тяжело ступая, они брели по пляжу к Филипу и Энджеле. Тварь, шедшая впереди, подала голос:

— Это Иннсмаут-Нук?

— Да, сэр, — кивнул Филип, по виду жабр определивший, что перед ним существо мужского пола. Жабры дам были более бахромчатыми.

— У нас забронированы номера на троих, — произнесла бестия.

— Эта дорожка приведет вас к дому. Мой партнер Вэнс уже ждет вас.

Вскочив на ноги, Филип небрежно помахал гостям рукой. Бестии не обменивались рукопожатиями, и его это нисколько не задевало.

Они сложили к его ногам горку свежей рыбы. Среди чешуи тускло поблескивали кусочки металла. Филип заметил пару дублонов и несколько драгоценных камней. Бестии заковыляли дальше.

Туристы наконец появились в Клэм-бей. В этом странном городке, где было холодно даже в солнечную погоду, уныло даже во время так называемого лета, которое здесь длилось ровно четыре недели, где росли деревья, на которых никогда не бывало листьев, и жили странные люди. Но для определенного типа людей, созданий из глубин, пытающихся изыскать возможность навестить родину, это место было не лишено определенного очарования.

Клиент есть клиент. И не считая капающей с их

тел воды и хриплых голосов, бестии были весьма вежливыми и непритязательными. Они приносили еду с собой, и готовить им было несложно. Достаточно было бросить на тарелку кусок тунца, украсить его водорослями и подать с высоким бокалом морской воды. По большей части бестии вели себя тихо и скромно. Единственная опасность таилась в излишней говорливости некоторых из них. Они могли долгими часами превозносить великолепие Р'льеха[4] и чудесное забытье, которому было предначертано подняться из океана, захлестнув мир на суше. Но вытерпеть их было гораздо легче, чем саентолога, который однажды заночевал под их крышей.

Дела в гостинице явно шли в гору. Это было не то, что представлял себе Филип, замышляя это предприятие, но жизнь вынуждает проявлять гибкость, приспосабливаться к новым, порой неожиданным условиям. Гостиница процветала, и Клэм-бей, хотя и не перестал быть унылым, мокрым и холодным, в плане возможностей для

[4] Примечания: 4

Р'льех — вымышленный город, впервые упомянутый Говардом Филлипсом Лавкрафтом в рассказе «Зов Ктулху» (1928). С тех пор Р'льех стал неотъемлемой частью мифологии Лавкрафта и мифов Ктулху. Р'льех — город, созданный Древними в незапамятные времена. В настоящее время он затоплен и находится на дне Мирового океана. В Р'льехе погребен под толщей воды Ктулху. Когда звезды займут нужное положение, Р'льех поднимется со дна.

бизнеса превзошел все ожидания друзей.

Филип обнял Энджелу и прижался к ее губам долгим, глубоким поцелуем.

— Отлично! — улыбнулась она, оторвавшись от него. — Убедил. Ты не гей.

Они рассмеялись.

— Как ты смотришь на то, чтобы немного… смешать кровь? — спросил он.

— Я думала, ты уже никогда не предложишь.

Она улыбнулась и, взяв его за руку, повела к дому.

Перевод: Е. Боровая
2013

Фрэнк Белнап Лонг
ТЕМНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Фрэнк Белнап Лонг. «Dark Awakening», 1980. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Это было подходящее место для встречи с чаровницей. Длинная полоса пляжа с песчаной дюной, возвышающейся поодаль, высокий белый шпиль и отражающие солнце крыши маленькой деревеньки в Новой Англии, которую я только что покинул, чтобы окунуться в море. У меня был отпуск — это всегда хорошее время, чтобы задержаться в гостинице, которую ты сразу полюбил, поскольку ни одно неприятное замечание не сопутствовало твоему прибытию с изношенным и потрепанным чемоданом, а ты сразу увидел дубовые панели, которым был век или даже больше.

Деревня казалась сонной и неизменной; это было просто потрясающе посреди лета, когда ты насытился шумом города, дымом, суетой и невыносимыми посягательствами бригады «сделай одно», «сделай другое».

Я увидел ее во время завтрака, она была с двумя своими маленькими детьми, мальчиком и девочкой, которые занимали все ее внимание до тех пор, пока я не сел за соседний столик и не посмотрел прямо на нее. Я не мог не сделать этого. На дефиле гламурных моделей все взгляды были бы прикованы к ней. Вдова? — думал я. Разведенная? Или — я отгонял эту мысль — счастливая замужняя женщина, которую не волнуют случайные взгляды?

Конечно, это было невозможно выяснить. Но когда она подняла взгляд и увидела меня, она слегка кивнула и улыбнулась, и на мгновение все показалось неважным, кроме страха, что она слишком красива и что мой взгляд откроет мои сокровенные мысли.

Вновь прибывших в маленьких деревенских гостиницах часто приветствуют благожелательной улыбкой и кивком, только чтобы успокоить их и заставить почувствовать, что они совсем не чужаки. Я не обманывался на этот счет. Но все же…

Встретив ее сейчас, между дюной и морем, опять вместе с детьми, я был не готов к продолжению знакомства; разве что еще одна улыбка и кивок ожидали меня. Я появился из-за дюны, воз-

никнув так внезапно, что она могла испугаться и поприветствовать меня просто от удивления.

Она подняла руку, махнула мне и окликнула:

— О, привет! Я не ожидала увидеть никого из гостиницы здесь так рано. Вы мне можете помочь.

— Каким образом? — спросил я, стараясь выглядеть не столь взволнованным, каким я был на самом деле; я преодолел разделявшее нас расстояние, сделав несколько не слишком поспешных шагов.

— Я только что довольно глубоко порезала руку об острую, как бритва, раковину, — ответила она, — Но меня это мало волнует. Просто… огромная глупость с моей стороны, что у меня нет носового платка. Если у вас есть…

— Конечно, — сказал я, — Мы сейчас же перевяжем рану. Но сначала вам лучше дать мне на нее посмотреть.

Ее бархатно-нежная рука лежала в моей руке — такая прекрасная, что вначале я едва заметил порез на ладони. Он немного кровоточил, но не сильно, хотя это была не совсем царапина. В одно мгновение я дважды обернул платок вокруг ее ладони и туго завязал узел чуть ниже запястья.

— Должно помочь, — сказал я. — На первое время. Если вскоре вы не вернетесь в гостини-

цу, то можете снять повязку, когда остановится кровотечение, и облить рану морской водой. Она — лучший антисептик. Ржавый гвоздь и морская раковина — с точки зрения антисептики несходны.

— Вы мне очень помогли, — сказала она, казалось, не обращая внимания, что я не спешил отпускать ее руку. — Я вам так благодарна, что даже не могу сказать.

Дети ерзали, повернув носки внутрь, укоризненно смотря на мать, на меня и снова на нее. Нет ничего, что возмущает детей больше, чем полное пренебрежение, когда знакомство — дело нескольких секунд. Пропасть, которая зияет между ребенком и взрослым, иногда может расшириться до невероятной степени из-за одного-единственного жеста, и большинство детей довольно умны, чтобы понять, когда их лишают полезного опыта без особой на то причины.

Казалось, внезапно она поняла, что она не смогла даже представиться, и она быстро исправилась.

— Меня зовут Хелен Ратборн, — сказала она. — Когда мой муж умер, я не думала, что когда-нибудь снова окажусь в гостинице. Я чувствовала, что приезд сюда вернет… что ж, очень многие

вещи. Но я действительно люблю это место. Здесь все неотразимо очаровательно. Дети тоже его обожают.

Она похлопала сына по плечу, подхватила прядь развевающихся на ветру волос дочери и накрутила их на палец.

— Джону восемь, а Сьюзен шесть, — сказала она. — Джон маленький исследователь. Когда он отправляется на поиски приключений, все земли очень далеки; не важно, как близки они географически.

Она улыбнулась.

— Он предпочитает простое оружие. Лук и пучок стрел прекрасно ему подходят. Он убил несколько невероятных зверей только благодаря своей меткости.

— Я не сомневаюсь в этом ни на секунду, — сказал я. — Привет, Джон.

Казалось, он немного застеснялся, но от стеснительности не осталось и следа, когда мальчик гордо протянул мне руку. Как будто в каких-то тайниках своего разума он верил каждому слову из тех, которые его мать только что произнесла.

— Сьюзен же совсем другая, — продолжала она; в уголках ее глаз появились совершенно очаровательные морщинки. — Большинство ее

приключений происходит «на крыльях яркого воображения», как некоторые поэты выражались когда-то в прошлом, возможно, в викторианскую эпоху. Я не очень хорошо помню такие строки.

— Уверен, вы ошибаетесь, — сказал я ей. — Я прочитал огромное количество поэзии, как традиционной, так и авангардной, и не могу припомнить, что когда-либо сталкивался с этими словами.

— Спотыкались о слова — так лучше, — сказала она.

— Это немного пышно, — признался я. — Но когда вы говорите это, звучит совсем не так. Я точно знаю, что вы хотите сказать. Сьюзен любит часами мечтать, сидя на подоконнике, когда комнатная герань немного заслоняет обзор — морской пейзаж или холмы с виднеющимися вдали снежными горами.

— Спасибо, — сказала она. — Я могу подстрелить такой комплимент, вооружившись всего лишь одной стрелой Джона. Но когда вы говорите это…

Мы оба засмеялись.

— Сьюзен не девчонка-сорванец, — задумчиво добавила женщина. — Но она не станет терпеть пустую болтовню Джона или кого-то из его дру-

зей. Вам следовало бы посмотреть, как быстро она только что бежала по пляжу, обгоняя брата на несколько секунд. Они оба — дети, которыми можно гордиться, вы так не считаете?

— Определенно, — заверил я ее. — Я сразу это почувствовал. Но об этом даже не нужно лишний раз говорить.

— Еще раз спасибо, — сказала она. — Должна признаться, в редких случаях меня одолевают некоторые сомнения. Но удивительно, как быстро дети могут заставить взрослого изменить о них мнение, когда прощение становится первостепенно значимым…

Мне следовало знать: если то, что она сказала об исследовательском духе ее сына, было правдой — и у меня не было причин в этом сомневаться — будет невозможно успокоить его на секунду или несколько мгновений. Но я не был готов к тому, как он прервет нашу беседу, как раз когда она достигла плодотворного этапа. Он повернулся и побежал так стремительно, что беспокойство за его безопасность вытеснило все остальные мысли из ее головы.

— Джон, вернись сюда! — закричала она. — Сейчас же. Я…

Она последовала за ним по пляжу, почти бе-

гом, пока я не увидел, что ее встревожило. Он не просто преодолел линию прибоя и направился к участку пляжа, усыпанному обломками после недавнего шторма. Он забрался на гнилые доски разрушенного штормом волнореза, смытые на берег, и посмотрел вниз на поток бурлящей темной воды, который почти рассекал пляж напополам именно там. Чуть ниже того места, где он застыл на одной из досок в сомнительной безопасности, вода превращалась в омут, который ветер не покрывал рябью. Омут казался глубоким, черным и чрезвычайно зловещим. Еще большую опасность представляло то, что из воды тут и там торчали обломки, края которых были такими зазубренными, что вилы показались бы менее угрожающими.

Я догнал женщину прежде, чем она сделала то расстояние, которое ее сын преодолел с поистине чудесной скоростью. Нельзя понять, как быстро маленький мальчик может перемещаться с места на место, если какая-то дикая навязчивая идея пускает корни в его сознании.

— Не волнуйся, — убеждал я ее, семеня рядом. — Дети в его возрасте иногда делают безрассудные вещи просто потому, что они не думают. Но мы думаем, и потребуется всего минуту, чтобы спу-

стить его вниз.

— Он не слушает меня! — возражала она. — Это меня тревожит. Я никогда не видела его таким упрямым.

— Он послушает меня, — заверил я ее. — Может быть, ему уже нужно поговорить с суровым отцом. Если ребенку приходится обходиться без этого, что он достаточно долго знал…

— Я не хочу, чтобы он упал! — сказала она так, как будто меня не слышала. — Я так ужасно волнуюсь.

— Можете не волноваться, — заверил я ее. — Он спустится вниз, как только я повышу голос.

Я совсем не был уверен, что он спустится. Но я не просто говорил пустые слова, чтобы впечатлить ее. Я искренне беспокоился о безопасности мальчика; тому, что он сейчас делал, не было оправданий. Он мог, я думал, по крайней мере, ответить на почти отчаянные призывы своей матери. Отказ подчиняться — это одно, но полное пренебрежение к ее беспокойству — совсем другое.

Когда я подошел к куче обломков, мальчик придвинулся еще ближе к краю разрушенного мола, и доска, на которой он стоял, казалась крайне шаткой. Местами она прогнила насквозь; за ее

деформированным и почти отвесным дальним краем были видны клубящиеся темные волны, бушевавшие прямо за неподвижным омутом. В его форме было что-то такое, что заставило меня испугаться. Опорные балки в виде виселицы (скорее всего просто случайное сходство), вертикальные и горизонтальные линии — все это было как-то туманно и пугающе.

Проявлять родительскую строгость — это для меня сложно, потому что я всегда чувствовал: протесты юных часто оправданы, и чаще всего я находился на их стороне. Но сейчас я был очень зол и не чувствовал не малейшего сочувствия к мальчику, который причинял своей матери столько совсем не нужных страданий.

— Джон, слезай! — кричал я ему. — Тебе должно быть стыдно!

Внезапно я понял, что кричать не надо, и продолжал довольно громким голосом, чтобы быть уверенным, что он услышит каждое мое слово.

— Я понял, я ошибался, веря всему, что твоя мать говорила о тебе. Я никогда не видел смелых исследователей, которые бессмысленно рискуют своими жизнями. Тебе надо подумать и о других людях. Как ты можешь быть таким жестоким, таким беспечным? Твоя мама…

Я резко остановился, в первый раз заметив, что у него был отсутствующий взгляд, и что он не слушает меня. Он что-то сжимал в правой руке, внезапно он разжал пальцы и посмотрел на них, как будто только этот предмет имел значение, а все, что я сказал, прошло незамеченным.

И тогда это случилось. Я совершил ужасную ошибку — не забрался наверх и не схватил его молча. Но, возможно, это ничего бы не дало. Даже если бы он не боролся… Один мой по доскам — и они могли обрушиться.

Доска рухнула с ужасным треском. Деформированная и перевернутая, почти сгнившая часть первой упала в темный канал, пересекающий пляж, сразу за ней последовала та часть, на которой стоял мальчик. Он исчез в воде так быстро, что ни малейшего звука не доносилось из-под обломков почти десять секунд. Затем я слышал только бульканье воды, а когда оно утихло, раздался чуть слышный всплеск. Несмотря на этот шум, я был уверен: если бы мальчик закричал, прежде чем исчезнуть, я бы это услышал.

Моей первой, непреодолимой реакцией был ужас, смешанный с недоверием и внезапной благодарностью. Благодарностью за одно то, что я пришел на пляж поплавать, поэтому под легким

летним халатом я был облачен в одни только плавки.

Сначала я скинул тапочки и отбросил халат, почти одновременно с этим поднявшись на оставшиеся обломки исчезнувшего мола. Я понятия не имел, насколько могло быть глубоко в этом конкретном месте, но там, где узкий канал переходил в омут, воды, вероятно, гораздо больше, и я на девять десятых был убежден, что там совсем не мелко.

Мгновение я стоял, глядя в черный омут, пока не убедился, что там не видно головы мальчика — это зрелище могло бы меня ободрить. Медлить больше не следовало.

Прыгнуть вниз было бы рискованно, так как можно было удариться головой о нагромождение обломков, которые торчали из омута в разные стороны. Поэтому я медленно и осторожно спустился, прежде чем поплыть в слабо движущимся потоке.

Я прекратил грести руками, чтобы опуститься на глубину примерно в том месте, где, вероятнее всего, упал мальчик. Чем глубже я опускался, тем скорее становилось течение, и вскоре меня хаотично мотало туда-сюда.

Это была моя первая попытка спасти кого-то

из воды, и мне недоставало тех качеств, которые могли бы сделать такую попытку спасения удачной.

Я начал опасаться, что мне придется всплыть, чтобы глотнуть воздуха, и нырнуть второй раз, но тут я увидел его сквозь размытую пелену темной воды. Сначала смутно, потом более четко — мальчик медленно вращался, как будто на какой-то маленькой подводной беговой дорожке, от которой никак не мог оторваться.

К счастью, он не сопротивлялся, когда я добрался до него — я слышал, что тонущие люди могут вырываться, почувствовав прикосновение спасателя. В следующее мгновение я схватил мальчика за руку и поднялся с ним с глубины, которая, казалось, достигала по крайней мере двадцати морских саженей.

Пятью минутами позже он лежал, вытянувшись на песке у обломков; мать наклонилась над ним. Она тихо плакала и смотрела меня, ее глаза сияли благодарностью.

Ни один семилетний мальчик не мог бы так быстро восстановить жизненные силы, использовав ресурсы очень молодого и сильного тела. Румянец снова возвратился на его щеки, его глаза, трепеща, открылись — и я заметил все тот же

упрямый, решительный взгляд юного исследователя, который отказывается сдаваться, несмотря на самые тяжелые удары, которые может нанести судьба.

Я полагал, что не почувствую ничего, кроме облегчения и сочувствия. Но я был все еще зол, и первые слова, которые я ему сказал, были такими грубыми, что я почти мгновенно пожалел о них.

— Тебе следовало подумать получше и не подвергать свою маму таким испытаниям. Хорошо, что ты не мой сын. Если бы ты был моим сыном, то лишился бы бейсбола и всего остального на целый месяц. Ты бы просто сидел у окна и кричал то-то своим друзьям. Возможно, они такие же плохие, как и ты. Непослушные, эгоистичные, абсолютно недисциплинированные дети, которые бегают как свора волчат.

Когда я остановился, его глаза широко открылись, и он посмотрел на меня без малейшего следа враждебности или обиды. Как будто он осознал, что я говорю как человек, которым не был и никогда не мог быть.

— Я не мог удержаться, — сказал он. — Там было что-то… Я знал, что найду это, если осмотрюсь. Я не хотел это найти. Но ничего не поделаешь, когда ты видишь сон о чем-то, чего ты не хочешь

найти, и не можешь проснуться вовремя…

— Ты это видел во сне?

— Не так, когда я сплю. Я просто думал о том, как все будет, когда я это найду.

— И поэтому ты убежал, не предупредив мать о том, что собирался сделать что-то опасное?

— Я ничего не мог поделать. Как будто что-то тянуло меня.

— Ты смотрел на это, когда я говорил с тобой, — сказал я. — Поэтому, должно быть, ты это нашел. Жаль, что ты потерял свою находку, когда упал в воду. Если бы она еще осталась у тебя — та вещь, в существование которой мы должны поверить — это бы кое-что прояснило. Не все — но немногое.

— Я ничего не потерял, — сказал он. — Оно у меня в руке.

— Но это невозможно.

— Нет, возможно, — сказала его мать, впервые прервав нас. — Посмотрите, как плотно сжата его правая рука.

Я едва мог в это поверить, только потому, что было бы разумнее предположить, что руки мальчика, упавшего с рухнувших досок, будут открываться и сжиматься много раз в отчаянном подобии захвата, сначала в попытках сжать воздух, а затем — удушающую стену воды, которая

на него обрушилась. Я не мог понять, как в такой необычной ситуации кто-то мог удержать такой маленький предмет — камешек или раковину, — который только что подобрал, даже в плотно сжатой руке.

Там могло оказаться нечто большее. Не только мужчины и женщины, но и некоторые дети переживали невыносимые муки, не отказываясь, даже под угрозой смерти, от каких-то маленьких предметов, драгоценных для них или таких, которых они боялись из-за какой-то ужасной тайны. Крестовый поход детей…

Мне было сложно представить, что могло вложить такие мысли мне в голову: я только мельком видел предмет, который Джон, по-видимому, нашел очень быстро. Определенно, его слова можно было считать детским лепетом. Принуждение, похожее на сон, внезапно подчинило его и заставило отправиться на поиски, как будто мальчика притягивало магнитом. Он был беспомощен, не мог сопротивляться принуждению, не способен преодолеть это мистическое влияние. Он вовсе не хотел отыскать эту вещь, но осознавал, что у него нет выбора. Он не хотел…

Сьюзен присоединилась к нам у обломков, не обращая внимания на жесты матери, которая по-

казывала, что девочка должна вернуться обратно и не отвлекать нас от спасения жизни Джона. Еще один маленький ребенок, бегущий по песку, помешал бы ей разобраться в том, о чем мы говорили с ее сыном.

Но сейчас она смотрела на меня, как будто я добавил новое неожиданное осложнение, умолкнув на пару минут.

— Дай ему посмотреть на то, что ты подобрал, Джон, — сказала она. — Просто открой руку и покажи это ему. Ты делаешь из этого какую-то странную тайну. Я тоже хочу на это посмотреть. Тогда мы все будем счастливее.

— Я не могу, — ответил Джон.

— Не можешь что? — спросил я, пораженный удивлением и болью, которые отразились в его глазах.

— Я не могу шевелить пальцами, — сказал он. — Я только что понял. До этого я не пробовал.

— О, это чепуха, — сказал я, — Послушай меня, прежде чем скажешь что-нибудь еще более глупое. Ты должен был, по крайней мере, попытаться пошевелить пальцами дюжину или боле раз, прежде чем я спас тебя. И после этого столько же.

Он покачал головой.

— Неправда.

— Это должно быть правдой. Это твоя правая рука. Ты все время ее используешь. Как и все.

— Я не могу шевелить пальцами, — повторил он. — Если бы я разжал руку, это бы выпало…

— Все это я знаю, — сказал я. — Но ты мог, по крайней мере, раньше выяснить, можешь ли ты шевелить пальцами. Это было бы вполне естественно.

Мне было сложно думать о его матери очень особым образом, так как она очень утомилась с тех пор, как я бросился спасать мальчика. Но какие-то черты прежней пляжной соблазнительницы вернулись, когда ее сын открыл глаза, и казалось, избежал трагедии, которая могла случиться. Но теперь она вновь выглядела безумной. Внезапно страх вспыхнул в ее глазах.

— Может быть… истерический паралич? — спросила она. — Мне говорили, такое может случиться с маленькими детьми.

— Не думаю, — ответил я. — Просто постарайтесь оставаться спокойной. Мы скоро все узнаем.

Я взял руку ее сына, поднял и осмотрел повнимательнее. Он не сопротивлялся. Пальцы были сжаты очень плотно Я подумал, что ногти, должно быть, впились в кожу на ладони. Суставы

посинели.

Я начал работать над его пальцами, пытаясь силой разжать их. Сначала я не преуспел. Затем, постепенно они как будто стали более гибкими, и прежняя жесткость исчезла.

И вдруг внезапно вся его рука расслабилась, как будто мои судорожные усилия разрушили какие-то чары.

Маленький предмет, который лежал на ладони мальчика не был ни раздавлен, ни поврежден. Сначала я подумал, что он металлический — так ярко он блестел в солнечном свете. Но когда я взял эту вещицу и рассмотрел, то увидел, что она сделана из какого-то эластичного вещества блестящего, как металл.

Никогда раньше я не разглядывал неодушевленный предмет с таким ужасом. На первый взгляд он напоминал маленького осьминога со множеством щупалец, но что-то отличало его от морских тварей — самое уродливое морское чудовище по сравнению с этим показалось бы всего лишь обычной рыбой. У этого существа было лицо какого-то сморщенного старого утопленника, которое вряд ли стоило называть человеческим. На самом деле оно было абсолютно бесчеловечным, но в его злобной природе сохранялся по

крайней мере некий намек на человекоподобный интеллект. Но чем дольше я изучал изображение этого существа, тем менее человечным оно казалось, и потом я начал чувствовать, будто увидел в нем нечто, чего в действительности не было. Интеллект, да — сознание особого рода, но настолько противоположенное человеческому, что мой разум содрогнулся, когда я попытался представить, каким бы был интеллект, если бы он оказался таким же холодным, как темная бездна космоса, и смог бы проявить всю безжалостную власть над одушевленными объектами в звездной вселенной.

Я посмотрел на Хелен Ратборн, и увидел, что она дрожит и бледнеет. Я опустил руку, чтобы она не могла ясно рассмотреть находку, и понял, что ее сын снова увидел эту вещь. Он ничего не сказал, просто посмотрел на меня, будто мысль о том, что у него в руках такая находка, заставила его почувствовать себя каким-то странным образом запачканным.

— Ты взял его, ничего не понимая, — хотел я закричать ему. — Забудь это, дитя — вычеркни это из памяти. Я отнесу его к омуту, в котором ты едва не утонул, и брошу туда, и мы позабудем все, что увидели.

Но прежде, чем я успел сказать хоть слово Джону или его матери, с моей рукой начало что-то происходить. Это началось даже до того, как я понял, что предмет соединен с ржавой металлической цепью и явно предназначен для ношения в качестве амулета на шее.

Мои пальцы сомкнулись вокруг него, сжимая сильнее и сильнее, пока я не ухватил его так же крепко, как недавно Джон. Казалось, я не больше не смогу разжать пальцы или отшвырнуть предмет, что мне внезапно захотелось сделать.

Затем произошло и еще кое-что. Казалось, все вокруг меня незаметно изменилось, контуры ближних предметов стали нечеткими силуэтами на фоне неба, а более дальние предметы не только утратили форму, но, казалось, почти растворились. В ушах зашумело, и странное, пугающее ощущение необъятности и пустоты — я больше никак не могу это описать — охватило меня.

На самом деле ничего не испарилось и не исчезло, но у меня было чувство, что я нахожусь в двух местах одновременно — подвешен в какой-то обширной бездне, больше, чем вселенная, и одновременно остаюсь на пляже у обломков, рядом с Хелен Ратборн, Джоном и Сьюзен, и все они тревожно на меня смотрят.

Они смотрели на меня с беспокойством, потому что я двигался, похоже, как-то странно, почти неестественно, как не двигаются люди. Как какой-то бездумный автомат, возможно, как робот, который не может сохранить равновесие, потому что его синтетические мозги взорвались, и он может только шататься в тисках безумия, которое заставляет его упасть.

Затем мое восприятие немного восстановилось; я присмотрелся и обнаружил, что изменения не коснулись, по крайней мере, моего физического тела. Но я покачнулся и зашагал прямо к линии прибоя.

Я подходил к ней ближе и ближе, и внезапно я оказался не один. Джон поднялся на ноги, и дети последовали за мной. Их мать шагала за ними, обезумевшая от беспокойства, но не способная нагнать их, потому что они бежали очень быстро, чтобы догнать меня, прежде чем я зайду в волны, которые пенились в нескольких футах от берега.

В миг, когда они добежали до меня, моя рука протянулась к Сьюзен, и ее маленькие дрожащие пальчики сплелись с моими. Я не мог протянуть Джону вторую руку, но ему не нужна была поддержка. Он вновь стал сильным и самостоятельным и очень быстро зашагал ко мне. Вода

кружилась вокруг моих щиколоток, и Сьюзан слегка споткнулась, потому что вода доходила ей до коленей; и тут я произнес слова, которые возникли не у меня в голове, голосом, который я сам не узнал:

— Те, кто в глубине, ждут своих последователей, и мы не потерпим неудачи, присутствуя при Великом Пробуждении. Написано, что все должны восстать и объединиться. Мы, носившие их печать и узревшие ее. Со всех концов земли доносятся призывы и вызовы, и мы не должны медлить. В бездне Р'лье пробуждается Великий Ктулху. Шуб-Ниггурат! Йог-Сотот! Йа! Козел с Тысячью Младых!

* * *

— Теперь он будет в порядке, — говорил молодой доктор. — Уверен, с ним все будет в порядке. Ваш сын заслуживает похвалы, так как с трудом выхватил пропавший амулет из его руки как раз тогда, когда он собирался уйти под воду, подхватив вашу дочь.

Я четко слышал голоса, хотя моя голова все еще кружилась. Хрустящие белые больничные простыни были так сильно накрахмалены, что врезались мне в горло, когда я попытался поднять

голову. Поэтому я прекратил попытки, и вместо этого продолжал слушать.

— Странно, — произнес голос, который я бы узнал, даже если бы от меня ничего не осталось, кроме пустой оболочки. — Как быстро дети привязались к этому незнакомцу. Сьюзен рисковала жизнью, чтобы спасти его, как и мой сын. Когда он забрал ту отвратительную вещь из руки моего сына, я думала, что упаду в обморок. Не могу сказать вам, как это было тяжело.

— Он не знал о…

— Как он там оказался? Очевидно, нет. Он прибыл в гостиницу только сегодня утром. С тех пор, как случилась трагедия, прошло две недели, все перестали о ней говорить. Такая ужасная вещь — и меня это совсем не удивило.

— Мужчина был участником эзотерического культа, как я понимаю. Полусумасшедший, неотесанный мужик с бородой до пояса. Таких человек восемь или десять шатались здесь одно время, но теперь они все исчезли. После того, что случилось, это не удивительно, как вы и сказали.

— Я не могу об этом думать, особенно сейчас. Его тело расчленили и ужасно изрезали. Одна из его ног пропала. Его нашли именно в том месте, где мой сын взял амулет, поэтому, должно быть,

он принадлежал ему. Конечно, у каждого есть готовое объяснение таких ужасов. Шериф Уилкокс полагает, что там, где разрушенный волнорез разделяет канал, достаточно глубоко для акул. И если он споткнулся и упал…

— Вы думаете, так и было?

— Вы можете думать так же или считать, что он намеренно бросился в воду. Вы знакомы с работами Г.Ф. Лавкрафта? Он в своем роде гений. Он жил в Провиденсе до самой смерти в 1937 году.

— Да, я читал несколько его историй.

— Те бородатые неотесанные участники культа, которых вы упомянули, должно быть, прочитали все. Возможно, именно поэтому они исчезли. Возможно, они совершили ошибку, приняв истории всерьез.

— Вы не можете верить в это.

— Я не совсем понимаю, во что я верю. Просто полагаю — Лавкрафт не вкладывал в свои рассказы все, о чем знал или подозревал. Это оставляло бы довольно широкое поле для будущих исследований.

— О да, — сказал доктор. — Именно это он утверждал до того, как я ввел ему вторую инъекцию секонала. Уверен, он почувствует себя по-другому, когда проснется.

— Надеюсь, он не забудет о героизме Сьюзен, похожем на настоящее самопожертвование. Любовь к абсолютному незнакомцу. Забавно, но вы знаете… я понимаю, почему Сьюзен чувствует это.

Именно это я и хотел услышать. Я закрыл глаза и начал тихо мурлыкать себе под нос, ожидая, когда начнется действие второй дозы секонала.

Но когда это случилось, лекарство уже как будто стало водой. Что-то похожее на сморщенное лицо выплыло из-за неизмеримого далека, и я вспомнил свои собственные слова: «Написано, что все должны восстать и объединиться… Мы, носившие печать и узревшие ее…»

Перевод: А. Цицилина

2016

Джойс Кэрол Оутс
ВЕЧЕРНИЕ ТЕНИ

Джойс Кэрол Оутс. «Shadows of the Evening», 1988. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

1

В конце зимы 1928 года шестнадцатилетняя девушка Магдалена Шён, моя бабушка по материнской линии, впервые отправилась в путешествие одна. Ей предстояло проехать поездом пятьсот миль, отделяющих Буффало, штат Нью-Йорк, от морского порта под названием Эдмундстон, штат Массачусетс. Никогда прежде этой застенчивой неопытной девочке не доводилось ездить самостоятельно; да и вообще она крайне редко выбиралась из района Блэк-Рок, где жили преимущественно выходцы из Германии и Венгрии. И где родилась она у иммигрантов с юга Германии. По-английски Магдалена до сих пор говорила с акцентом и страшно стеснялась в присутствии незнакомцев, словно страдала заиканием или имела какой-то физический недостаток. И очень боялась уезжать из дома, но выхода не было. В семье было семеро детей, столько ртов не прокормить, и где напастись на всю эту ораву одежды. К тому же скоро на свет должен был появиться восьмой ребенок, а потому родители решили отправить Магдалену в Массачусетс, к пожилой тетушке, сестре отца.

Бездетная вдова, она после удара осталась прикованной к постели и мучительно страдала от одиночества и отсутствия семейной заботы. *Но почему именно я должна ехать, почему* я? Так возражала Магдалена, и тогда ее мать с улыбкой заметила, точно это все объясняло: *Твоя тетушка Кистенмахер была замужем за богатым человеком, она оставит нам деньги.*

И вот в состоянии шока, ошибочно принимаемого за уступчивость, Магдалену посадили в трамвай, идущий до центрального вокзала, из багажа у нее при себе были лишь обшарпанный чемоданчик с вещами да сумочка с сандвичами, питьевой водой, молитвенником и четками. И предупредили: *В разговоры ни с кем не вступай, особенно с мужчинами в поезде. Просто отдай билет кондуктору и молчи.*

Напряженно выпрямив спину, Магдалена сидела у закопченного окошка и, сжав зубы, старалась побороть отвратительное ощущение тошноты от рывков, толчков и раскачивания поезда. Она избегала смотреть на кого бы то ни было, в особенности — на громогласного и бесцеремонного кондуктора в униформе, который забрал у нее билет. Большую часть первого дня Магдалена просидела, глядя в окно или просто с закрыты-

ми глазами, а губы шевелились в беззвучных молитвах Деве Марии, которые, как она поняла, проехав первую сотню миль, были совершенно бесполезны. Она не плакала, нет, но время от времени на щеке блестела яркая слезинка, напоминавшая дождевую каплю. Плакать тоже было бесполезно.

Она думала: *Моя мать от меня отказалась! Мама просто выгнала меня из дому!*

Из миллионов фактов всей долгой последующей жизни Магдалены Шён один всегда казался ей самым жестоким и непреложным, и она никогда об этом не забывала: *Мама меня не любила, она выгнала меня из дому.*

В вагоне было неудобно, жарко, полно разного народа, и большую часть пассажиров составляли мужчины. Все они с интересом поглядывали на Магдалену. Некоторые — совершенно неосознанно, будто дремали с открытыми глазами; взгляды других были преисполнены какого-то особого значения. Магдалена, конечно, не подавала виду. Она уже давно, лет с двенадцати, усвоила железное правило: ни в коем случае не встречаться взглядом с незнакомцами.

Она была привлекательной девушкой среднего роста. Кожа светлая, здоровая, в еле заметных

веснушках; глаза чудесного темно-синего цвета широко расставлены и опушены густыми ресницами. Вьющиеся волосы цвета спелой ржи, густые, словно лошадиная грива, аккуратно заплетены в косы, уложенные двумя кренделями вокруг ушей, отчего напоминали наушники телефонного оператора. На коленях лежала сумочка, в которую Магдалена часто заглядывала проверить, не пропало ли чего. Есть ей не хотелось, и еда, которую собрала мать, начала попахивать кислым. Лишь время от времени она отпивала по глотку противно теплой воды из бутылочки — во рту почему-то все время было сухо. И вдруг она подавилась и разразилась приступом кашля, напоминавшего громкие рыдания. На Магдалене было платье ржаво-коричневого цвета, слишком просторное и явно с чужого плеча, на ногах старомодные кожаные ботинки на шнурках. Словно на дворе был 1918-й, а не 1928 год. В школе она принадлежала к числу детей иммигрантов, таких забитых и неуверенных в себе, что они считались умственно отсталыми; дома ей всячески давали понять, что у нее не все в порядке, и она постоянно вызывала раздражение. На лице, казалось, навеки застыло разочарованно-смущенное выражение. И когда кто-то из домашних, обычно

сестра, пытался за нее вступиться и говорил: *Оставьте Магдалену в покое, она не виновата, что такая,* — девушку переполняло чувство благодарности и стыда одновременно.

Мужчина, сидевший напротив, не разговаривал с ней, но когда поезд, замедляя ход, подъехал к станции Олбани, неожиданно спросил, не хочет ли она пообедать с ним в вагоне-ресторане. Магдалена сидела, уставившись в окно невидящим взором, шевеля губами и перебирая четки, и, казалось, не слышала вопроса. На коленях по-прежнему лежала нелепая сумочка. Она перестала размышлять о случившемся и в тумане полузабвения позволяла поезду уносить себя все дальше и дальше на восток, в сгущающиеся ночные сумерки, где ее ждала совершенно непредсказуемая и непостижимая разумом судьба. Так бывало с ней в школе, когда она решала задачку по геометрии и вдруг, поняв, что справиться не в силах, переставала думать, предоставляя решать ее более сообразительным однокашникам, с чем они с легкостью и справлялись. Лишь одна мысль неотступно преследовала ее под стук колес: *Она меня отослала. Она меня выгнала. Моя мать меня не любит, она меня выгнала.*

На рассвете Магдалена с онемевшей от неудоб-

ного сидения шеей и пересохшим ртом очнулась от тревожного сна и, к своему изумлению, увидела, как светлеет небо над горизонтом, а совсем рядом поблескивает в полутьме какая-то неизвестная широкая, как Ниагара, река. Поезд промчался над рекой по высокому мосту. Магдалена видела его скелетообразную конструкцию на сваях. В отдалении, на полуострове, виднелся город, должно быть, это Эдмундстон, цель ее путешествия. Небо над головой еще не совсем посветлело, низко нависали грозно зазубренные облака. Поезд сильно раскачивался, как казалось Магдалене, от ветра. В панике она прикусила губу — или то было возбуждение? Никогда еще не доводилось ей быть так далеко от дома. И ни за что не найти ей дороги обратно. Справа, вдали, вдруг резко оборвалась горная гряда, и за ней открылось огромное водное пространство, все в мелких искрящихся волночках. Магдалена протерла глаза — в жизни она не видела такой красоты. И ей вдруг показалось, что весь этот прекрасный светлый мир раскинулся перед ней и ждет. Впереди будущее, оно зовет и манит, оно прекрасно и удивительно, А позади остался убогий и угрюмый мир Блэк-Рока с его душными темными квартирками, холодными и бесконеч-

ными зимами, заваленными снегом улицами, вонью фабрик, закопченными стенами домов и постоянным смогом в воздухе, от которого люди кашляли и кашляли, пока по щекам не начинали катиться слезы. Все это теперь позади, быстро сужалось и уменьшалось в размерах — точно туннель. Когда в него попадаешь — страшно, а как только вырвался на волю и под солнце — сразу забыл.

Солнце вставало над горизонтом, пробивая лучами плотную массу облаков. Столбы света косо ударили в землю. Справа от Магдалены прежде почти бесцветное водное пространство вдруг налилось изумительным зеленовато-голубым цветом, и даже издали было видно, как прозрачна и чиста вода, будто стекло. И Магдалена в детском изумлении воскликнула:

— О, что это?

Мужчина, сидевший напротив, ответил с гордостью, словно это чудо принадлежало ему:

— Это, мисс, Атлантический океан.

Атлантический океан! Родители не сказали Магдалене, что Эдмундстон находится на берегу океана. Впрочем, об Атлантическом океане Магдалена знала совсем немного, разве что родители рассказывали страшные истории о том, как в

штормовую погоду пересекали его, но то было еще до ее рождения. Мать была беременна и едва выжила после этого ужасного плавания. Всем братьям и сестрам Магдалены с детства внушали страх перед океаном, а о его красоте никто не упоминал. Теперь же Магдалена смотрела и не могла насмотреться на Атлантический океан. Как он прекрасен и огромен! Ничего подобного прежде не видела. Магдалена надеялась, что дом тети находится недалеко от берега и можно будет любоваться им до бесконечности.

2

Настало время сюрпризов. Теперь Магдалена не переставала удивляться, как ребенок, оказавшийся в сказочной стране.

Первым сюрпризом был вокзал в Эдмундстоне. Заранее было оговорено, что встретит там ее шофер тети, и Магдалена, выйдя из вагона и судорожно вцепившись в чемодан и сумочку, нервно озиралась по сторонам. Сумятица и толчея, царившие на вокзале — Господи, сколько же людей, и все незнакомцы! — повергли ее в панику, А если ее никто не ждет? *Если произошла какая-то ошибка? Если меня захотят отослать обратно, избавиться от меня?* Наконец она заметила мужчину в темной униформе и кепи с козырьком. Он спокойно стоял на платформе и держал в руке картонку с надписью «Кистенмахер». Магдалене понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: Кистенмахер, эта странная фамилия, имеет к ней непосредственное отношение.

Она подошла к мужчине в униформе, и тот приветствовал ее:

— Мисс Шён?

Он взял из ее рук чемоданчик и сумочку,

подхватил с такой легкостью, будто они были невесомы, и быстро зашагал сквозь толпу на перроне, а затем — через зал ожидания, к черному блестящему, похожему на катафалк автомобилю, припаркованному у входа. Магдалена, испытывая невероятное чувство облегчения, едва поспевала за ним. Мисс Шён! Этот мужчина назвал ее мисс Шён! Она заметила, с каким любопытством и уважением посмотрели на нее прохожие, когда шофер распахнул заднюю дверцу лимузина и помог ей сесть. Никогда Магдалена не видела такой роскошной машины, только на фотографиях; подушки на заднем сиденье были обтянуты мягким серым бархатом, окна чистые и прозрачные, в меру затемненные, и сквозь них так все хорошо видно, будто никаких окон нет вовсе.

Бесшумно и плавно, как во сне, скользили они по оживленным улицам Эдмундстона, долго ехали по широкой, открытой всем ветрам авеню, а затем — через парк с пожухлой от морозов травой. И вот, наконец, поднявшись по склону холма, оказались в районе, сплошь застроенном особняками, с чисто подметенными каменными тротуарами и большими красивыми старинными домами за изгородями из сварного железа. Магдалена любовалась всем этим как заворо-

женная. Ловила воздух судорожными глотками, точно после долгого бега. Ей хотелось задать шоферу массу вопросов, но она была слишком застенчива и просто не осмеливалась. Да и шофер держался очень официально. Заговорил с ней всего раз, как только они отъехали, спросил, удобно ли ей. И Магдалена пробормотала в ответ: о да, да, спасибо. Да ей в жизни не задавали подобных вопросов! Водитель сидел за стеклянной перегородкой, и она видела лишь его затылок да кепи. Над ветровым стеклом было зеркало заднего обзора, но лицо водителя в него не попадало.

Когда поезд подъезжал к вокзалу в Эдмундстоне, прекрасный океан скрылся из виду; казалось, они проезжают через бесконечный туннель из фабрик, складов, старых домов и унылых многоквартирных зданий — ну в точности как у них, в Блэк-Роке. Скорость еще уменьшилась, поезд уже почти полз, прижимаясь к земле, подобно огромному зверю, а затем проехал над каналом с водой цвета ржавчины. Все кругом заволакивала туманная дымка, и Магдалена уже знала, каков этот воздух на вкус — слегка прогорклый, словно подгорелый. Но здесь, на холме, где проживала ее тетя по фамилии Кистенмахер, воздух был чист и свеж, будто промыт дождем. Даже в облачном

небе вдруг открылась голубая прогалина, когда шофер неторопливо вел лимузин по мощенной булыжником улице под названием Чартер.

Магдалена продолжала глазеть на длинные и блестящие черные лимузины, которые бесшумно въезжали в ворота, отмеченные каменными колоннами не меньше десяти футов в высоту, на одних она заметила дату: «1792». Дом Кистенмахеров оказался не самым большим и не самым роскошным из всех. То было узкое в фасаде трехэтажное здание из старого кирпича розоватого оттенка, немного поблекшего от времени; в фасад были вделаны гранитные блоки, потемневшие от дождя. Крыша странно пологая, из побитой черепицы, а сбоку, будто башенка, красуется большая каминная труба. Покрытые черным лаком ставни нуждались в ремонте и покраске. Побитый холодами плющ жался к кирпичам, растопырив когтистые ветви, а из щелей между камнями, которыми была вымощена дорожка к элегантному входу, пробивался мох. Вход являл собой портик с высокими и изящными колоннами, но и здесь были заметны следы разрушений. И тем не менее Магдалена почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, — в жизни она не видела, тем более так близко, столь замечатель-

ного и красивого дома.

Неужели я буду жить здесь?

Я, Магдалена Шён?…

Девочка, которую не любила мать, девочка, которую она отослала из дома.

Следующим сюрпризом для Магдалены стало знакомство с Эрикой Кистенмахер.

Женщина в темном платье и белом накрахмаленном фартуке показала ей комнату на третьем этаже, где она должна была жить, и через несколько минут приказала спуститься вниз, познакомиться с тетушкой.

— Миссис Кистенмахер, — тихо заметила она, — ждет вас с раннего утра, мисс Шён. — В голосе звучал легкий упрек.

Магдалена пробормотала извинения, но женщина, похоже, вовсе не слушала, даже не смотрела на девушку. Магдалена никак не могла понять, сколько же лет этой женщине. Во всяком случае, старше, чем мать, тонкие седые волосы подхвачены сеткой, фигура плотная, приземистая, но не полная, движения быстрые и точные. Она провела Магдалену по длинному коридору, даже ни разу не обернувшись. Магдалене говорили, что тетушка ее очень одинока и нуждается в компаньонке, из чего она сделала вывод, что

дом Кистенмахеров абсолютно пуст и в нем никого, кроме тетушки. Но теперь она поняла, как заблуждалась. Богатые люди нуждаются в прислуге, ей тоже предстоит стать здесь прислугой. Женщина постучала в дверь; через несколько секунд ее открыли, но вовсе не тетушка, как наивно предполагала Магдалена, а другая мрачная и неулыбающаяся женщина средних лет, тоже плотного телосложения, с красным лицом, в белом халате и с белой накрахмаленной шапочкой на свинцово-серых волосах. По всей видимости, сиделка. И никаких приветствий, а скорее упрек в адрес взволнованной и смущенной девушки:

— Ну наконец-то, мисс Шён! Входите поскорее, сквозняки нам здесь совершенно ни к чему. И не утомляйте миссис Кистенмахер, она и так сегодня вся на нервах.

Магдалена шагнула в комнату, и в лицо ей ударил такой спертый и жаркий воздух, что стало нечем дышать, а сиделка быстро затворила за ней дверь. То была просторная спальня с высокими потолками, так тесно заставленная мебелью, вазами, статуэтками, подсвечниками, разбросанными повсюду книгами, завешанная коврами и старинными мутноватыми зеркалами, слегка искажающими изображение, что Магдалена не

сразу увидела тетушку. Пока та не прошептала:

— О моя дорогая! Подойди же!

На диване, в пятне падающего из окна света, лежала прикрытая шелковым стеганым одеялом странно белокожая и похожая на куклу старуха. Одна рука была приподнята и указывала дрожащими пальцами на Магдалену, лицо искажено радостным нетерпением.

Отец и мать Магдалены много рассказывали о молодой женщине по имени Эрика Шён, которая приехала в Бостон с юга Германии работать нянькой в богатой семье. В девятнадцать лет она вышла замуж за мужчину намного старше ее, к тому же вдовца. И они переехали жить в Эдмундстон, штат Массачусетс. Довольно долго Эрика Шён не общалась со своей семьей; она пренебрегла традициями и вышла замуж, не обвенчавшись в католической церкви. Потому Магдалена знала тетушку лишь по старой фотографии, где ее отец был снят еще мальчиком, а рядом стояла ее молодая тетушка. Но та девушка на снимке с вьющимися волосами, почти хорошеньким лицом, длинным носом и умными прищуренными глазами ничуть не походила на женщину на диване. Магдалена даже растерялась — она не ожидала, что тетушка так стара. Пробормотав

слова приветствия, она дотронулась до протянутой к ней руки — какая тоненькая! а пальцы просто ледяные! — и подумала: *Это совершенно чужой человек. Это какая-то ошибка. Сейчас она выгонит меня из дому, как выгнала мама.*

Но старуха, похоже, была просто счастлива видеть Магдалену и говорила хриплым свистящим голосом, что сразу же узнала ее, что у Магдалены «типичное лицо Шёнов», личико сердечком. «Но только ты куда более хорошенькая, чем большинство из нас!» И хотя хмурая сиделка вертелась поблизости, Магдалену попросили присесть на табурет рядом с диваном — и поближе! — и старуха продолжала смотреть на нее голодным, истосковавшимся взглядом и крепко сжимала ее руку в своей. Только сейчас Магдалена с ужасом и отвращением заметила, что левый глаз тети затянут белой пленкой и незряче устремлен куда-то в сторону; вся левая сторона ее лица окаменела в напряженной болезненной гримасе, а левая рука лежит вяло и неподвижно, и по-детски тонкие пальчики на ней скрючены. *Твоя тетя Кистенмахер перенесла удар, должно быть, страшно боится умереть. Если сумеешь угодить ей, она оставит нам деньги.*

Однако же Магдалена имела самое смутное

представление о том, что это такое, удар, да и родители так толком ничего и не объяснили. Зато теперь она уже через несколько минут поняла, что бедная женщина почти ослепла и на «здоровый» глаз, к тому же очень плохо слышит. И вряд ли может ходить без посторонней помощи, если вообще может. Даже голос потеряла, бедняжка, говорит еле слышным хриплым шепотом. Особое замешательство вызывал тот факт, что она постоянно и, наверное, неосознанно вставляла в речь отдельные бессмысленные словечки и слоги («а-а», «й-и»). Пахло от нее тальком и еще чем-то острым и кислым, наверное, лекарством. Как же бледна ее кожа, просто как бумага. И как тонка — Магдалена видела, как просвечивают сквозь нее тонкие синие вены. Лицо в мелких морщинах, будто его много раз сминали, а потом разглаживали, как шелк. Однако она вся дрожала от возбуждения и радовалась Магдалене, как девочка, к которой пришла поиграть подружка.

Магдалена понимала далеко не все из того, о чем говорила тетя, но общий смысл был ясен. Она расспрашивала ее о доме, семье, больше всего об отце. Но когда Магдалена начинала говорить, сразу ее перебивала, улыбалась половинкой лица и не сводила яркого глаза с лица девушки. А по-

том принялась гладить Магдалену слабой правой рукой по волосам, заплетенным в толстые косы и уложенным вокруг головы. Из ее неразборчивой речи девушка поняла, что у тетушки некогда были такие же красивые волосы. И еще все время твердила, что у Магдалены «личико Шёнов», и пробегала холодными пальцами по ее губам. Магдалена с трудом подавляла брезгливую дрожь, хотя в комнате было очень тепло, даже жарко.

— Ты ведь слышала обо мне, дорогая? Я твоя тетя Эрика, — говорила она. — Так и называй меня, просто тетя Эрика.

И Магдалена неуверенно произнесла:

— Тетя Эрика. — Слова прозвучали фальшиво, словно с неверным ударением.

А тетя Эрика поднесла сложенную чашечкой ладонь правой руки к уху и зашептала:

— А? А? Что?

И тогда Магдалена с пылающим от смущения лицом повторила уже громче:

— Тетя Эрика.

Хмурая сиделка в белом встала за диваном и смотрела на Магдалену с нескрываемой враждебностью. Но тетя Эрика все сжимала пальцы девушки и улыбалась половинкой рта, и во взгляде ее светилась такая мольба, что Магдалена

вдруг почувствовала, как сердце ее пронзило жалостью и любовью.

Примерно те же ощущения испытывала она при виде калек, по большей части мужчин, которых так часто встречала на улицах Блэк-Рока, то были жертвы несчастных случаев на литейном заводе, где работали и ее отец и братья. Тем временем старуха продолжала еле слышно шептать:

— Я знала, что однажды ты приедешь ко мне, дорогое мое дитя. Знала, что не бросишь меня, как все остальные Шёны. — И на середине этой речи пронзительный возглас «й-и!», точно крик боли; и Магдалена, испуганная, лишь кивала в ответ на эти слова, ибо что здесь можно было ответить. Тонкие пальчики тети впились в ее ладонь с удвоенной силой, и странный сладковато-кислый запах стал уже почти невыносимым. Тетя Эрика вдруг расплакалась, рыдания так и сотрясали ее хрупкое тело, и, видя это, Магдалена заплакала тоже. Она обладала нежным сердцем и при виде плачущих людей тоже пускала слезу.

— Я… я б-буду счастлива здесь, тетя Эрика… с-спа-сибо за то… что пригласили меня…

В этот момент сиделка быстро шагнула вперед, словно ждала такого развития событий. Поправила шелковое одеяло и с упреком заметила:

— Ну вот видите, миссис Кистенмахер, я же вас предупреждала! Спали скверно, нервы расшатаны вконец, и вот теперь расстраиваетесь из-за этой девчонки, которую даже не знаете.

Еще один сюрприз для Магдалены Шён. Впервые в жизни у нее появилась собственная комната.

На третьем этаже старинного и красивого особняка в федералистском стиле на Чартер-стрит в городе Эдмундстон, с видом на реку, которая находилась приблизительно в полумиле к югу. Если высунуться из окна и изогнуть шею, в нескольких милях к востоку был виден океан — светлая полоска воды, приобретающая то серебристый, то сине-зеленый, то сиреневатый оттенок. Магдалена знала, что это и есть тот самый сказочный Атлантический океан, хотя и ни разу не видела его прежде, не считая того раннего утра в поезде, когда подъезжала к Эдмундстону. Того волшебного, похожего на сон утра, которое торопливо уходило в прошлое.

Выдавались часы, когда Магдалена сидела в своей аккуратной, чистенькой и нарядной комнате совершенно одна, но она совсем не скучала по прежнему дому. Да и как можно было скучать по тесным убогим комнатушкам и Блэк-Роке.

Иногда вечерами при свете настольной лампы она читала молитвенник, подарок от родителей на день конфирмации, и губы ее беззвучно и усердно шевелились. Иногда она засыпала с четками, обвившимися вокруг руки, и, проснувшись поутру, с удивлением смотрела на прозрачные хрустальные бусинки.

Ее тетя Эрика не посещала церкви под тем предлогом, что она инвалид. «Если Богу угодно меня видеть, Он знает, где меня искать», — шепнула однажды старуха Магдалене и подмигнула здоровым глазом. Магдалена засмеялась, но в глубине души была немного шокирована.

Возможно, отсылая ее так далеко, в Эдмундстон, родители втайне побаивались, что она отойдет от веры Шёнов. И не раз предупреждали ее, что по прибытии следует подыскать церковь, где можно посещать мессу. *Да, но оба они меня не любили, они избавились от меня, выгнали из дому.* Однако почему глаза Магдалены сухи? А сердце бьется часто и взволнованно, словно в предвкушении небывалого счастья?…

Самое замечательное в комнате Магдалены это окна — высокие, узкие, впускающие солнце с раннего утра, когда оно только начинает вставать над рекой. Даже во сне она чувствовала прикос-

новение теплых лучей, слышала зов: *Проснись! Проснись! Скорее! Вставай же!* И этот голос был похож на новую неизвестную ей песню; был не женским и не мужским, прозрачным, как стекло, и невыразимо прекрасным. *Магдалена, вставай!*

Она вскакивала с постели и босая, в отделанной кружевом хлопковой ночной рубашке, подаренной тетей, с длинными распущенными волосами, небрежными локонами спадавшими на спину и плечи, подходила к окну. В весенние дни небо было ослепительно голубым, или же по небу бежали тонкие серебристые облачка; грело солнце, или шел мелкий теплый дождик. Но бывало, что дождь расходился не на шутку и лил стеной, и все это сопровождалось сильным ветром и сверканием молний. Каким новым и свежим казалось Магдалене каждое утро, она смотрела в окно и не могла налюбоваться! И ей совершенно не хотелось вспоминать о той прежней жизни в Блэк-Роке, в пятистах милях к западу отсюда, где ей приходилось делить постель с одной, а то и сразу двумя сестрами. А окна той жалкой квартирки на первом этаже, где проживали Шёны, было просто невозможно держать в чистоте, и выходили они на побитую непогодой глухую стену соседнего дома, или же на грязную в рытвинах улицу, или

на помойку, заваленную мусором. Там не на что было смотреть, но Магдалена все равно подолгу простаивала у этих окон, научившись не видеть, не замечать ничего этого.

Здесь же, в доме Кистенмахеров, ей ни с кем не приходилось делить свою славную спаленку. То была очень милая, типично девичья комната с воздушными белыми занавесками на окнах, белыми стенами и белыми шелковыми покрывалами. И мыслями своими Магдалена тоже не была обязана ни с кем делиться. Здесь ее никто не осуждает, никто не унижает и не бранит, ее не наказывают, она не является объектом жалостливой снисходительности — *Оставьте Магдалену в покое, она не виновата, что такая!*

Под каким углом ни встань у окна солнечным утром, отовсюду открывается прекрасный вид, или какое-нибудь занимательное зрелище, или же интригующая сценка. Магдалена смотрела на мощенные булыжником улочки, убегающие вдаль, — ну в точь улицы на картинке из детской сказки; булыжник блестел от прошедшего ночью дождя. Однажды утром в начале апреля Магдалена увидела стайку малиновок, купающихся в луже, и услышала звонкое мелодичное пение других птиц, которых не знала, с хохолками на

изящных головках и оливково-серым оперением; она слышала пронзительные и требовательные крики чаек. Магдалена рассматривала крыши соседних домов, таких же старых, как и дом Кистенмахеров, вот только многие из них были значительно больше и содержались в лучшем состоянии. И она гадала, кто же живет в этих домах с высокими и красивыми каминными трубами из камня и кирпича.

А взгляд продолжал скользить дальше — вон те изящные деревья с набухшими зелеными почками, должно быть, вязы; а совсем неподалеку, вниз по холму от Чартер-стрит, виднеются несколько церковных шпилей, ярко сверкают на солнце и даже в пасмурные дни словно светятся изнутри. А еще там были река, и мост, перекинутый через эту реку, частично скрытый за домами; этот мост постоянно притягивал взгляд Магдалены. Река, как она узнала, называлась Мерримак, а мост — Мерримакский; за ним, по ту сторону реки, находился район под названием «нижний город», застроенный доходными домами, совсем уже старинными зданиями (типа старой таможни), возведенными еще в колониальные времена, складами и рыбацкими домиками. Там были доки и пристань, там стояли суда всех размеров,

начиная от маленьких рыбацких лодок и кончая океанскими грузовыми кораблями. Вся женская половина дома на Чартер-стрит, даже больная тетушка, говорили о «нижнем городе» с оттенком презрения и плохо скрытого беспокойства, словно он был населен какими-то опасными людьми. Но Магдалена так толком и не понимала, что представляют собой эти люди, поскольку ни один из них никогда не заходил к ним в дом.

(Хотя муж тети Эрики, мистер Кистенмахер, скончавшийся уже восемнадцать лет назад, вроде бы вел в качестве брокера какие-то дела с тамошней пароходной компанией. Из скудных сведений, известных Магдалене об этом человеке, этот факт почему-то интриговал ее больше остальных.)

Среди ожидавших ее в доме тети сюрпризов самым удивительным и одновременно вызывающим некоторое замешательство казалось Магдалене то, что на нее в качестве племянницы и компаньонки не было возложено почти никаких обязанностей.

— Но, тетя Эрика, я могу это сделать! — воскликнула Магдалена во время их первой трапезы в маленькой столовой, когда служанка Ханна принялась собирать со стола посуду.

Но тетя Эрика похлопала ее по руке и выдавила категоричное «нет».

— Но, тетя Эрика, дома…

Старуха сжала запястье Магдалены, делая знак замолчать, чтобы мрачная Ханна в черном платье и белом накрахмаленном фартуке ее не слышала. И хриплым крякающим голосом почти сердито пролаяла:

— Теперь это твой дом, дорогое дитя, и у нас здесь свои правила.

Магдалена была потрясена тем фактом, что ей, оказывается, не придется быть здесь служанкой.

Нет, конечно, она, как и родители, предполагала, что будет помогать тете. Из всех детей Шёнов Магдалена была самой усердной и безропотной помощницей в домашних делах. Счастливейшие ее воспоминания о доме были связаны с кухней, где она помогала матери готовить еду — раскатывать тесто и нарезать лапшу, печь хлеб. Даже дни большой стирки, связанные с тяжким многочасовым трупом, от которого после ныла спина, особенно с развешиванием на заднем дворе тяжелого мокрого белья, мужских комбинезонов и курток из плотной ткани, клетчатых рубах, простыней, покрывал и одеял, ее не раздражали. Магдалена еще совсем ребенком была умелой

и спорой работницей; ей нравилось получать приказания от матери и старших сестер, потому что то был способ потрафить им. Что в каком-то смысле заменяло любовь.

Теперь же в доме на Чартер-стрит она была для прислуги «мисс Шён». И у нее не было никаких дел и обязанностей по дому, не считая уборки собственной комнаты и стирки своей одежды (на последнем пришлось настоять), кроме как быть компаньонкой тети, что занимало всего лишь несколько часов в день в зависимости от самочувствия и расположения духа престарелой родственницы. Магдалена сидела и болтала с ней или же слушала несвязные и невнятные речи тетушки. Иногда Магдалена читала ей вслух стихи, в основном разных поэтесс, о которых прежде никогда не слышала, или же Библию. При этом тетя Эрика, добродушно поглядывающая на нее здоровым глазом, скоро засыпала с вяло приоткрытым влажным ртом и обмякшим лицом — и почему-то напоминала ребенка. Магдалена не знала, что делать, продолжать читать или же удалиться на цыпочках. Но догадывалась, что ее присутствие действует на тетушку успокаивающе и что, даже уснув, та слышит ее голос. *Если бы в моей власти было сделать тетю Эрику*

счастливой! — часто думала она. Однажды, когда Магдалена читала стихи, тетушка задремала. А потом она вдруг начала мурлыкать себе под нос какую-то песенку, и правая сторона ее бледного морщинистого немного кукольного лица осветилась нежностью. И, не открывая глаз, еле слышно прошептала:

— Музыка твоего голоса, дорогое дитя. Я узнаю в ней свое детство.

Магдалена усомнилась: ведь она родилась в Америке. И уж немкой ее никак нельзя назвать.

В такие моменты сиделка с кислым лицом по имени Хельга оставалась поблизости, сидела в соседней комнате и вязала; чуткое ухо Магдалены улавливало тихое звяканье спиц. За исключением нескольких часов в неделю, Хельга не покидала своего поста; была страшно предана пациентке, хотя та часто выводила ее из терпения. И относилась к миссис Кистенмахер как к капризному и своенравному ребенку, за которым нужен глаз да глаз. Хельга поселилась в доме Кистенмахеров сразу после того, как у тети Эрики случился удар, то есть два года назад. К Магдалене она относилась с нескрываемой ревностью и всячески давала понять, что не одобряет ее присутствия в доме. Та заняла ее место

в сердце пожилой леди, и Магдалена не могла упрекать сиделку за ревность. Хельга не улыбнулась девушке, ни разу не назвала ее Магдаленой, как та просила. А тетя Эрика часто приводила в смущение их обеих, спрашивая сиделку хриплым шепотом:

— Ну скажи, разве она у нас не хорошенькая, а, Хельга? Она приехала ко мне, я знала, так оно и будет. Тебе нравятся ее волосы? Красивые, правда?... Вот и у меня в молодости тоже были такие же.

Узкие как щелки глаза сиделки на секунду останавливались на Магдалене; она морщила нос и лоб, не в силах придумать, что же ответить, и, наконец, говорила важно и не теряя достоинства:

— Что ж. Пора бы вам немного отдохнуть, миссис Кистенмахер. Уж больно вы разволновались, а это не на пользу. Следует сообщить доктору Мейнке.

Между сиделкой и больной вечно фигурировал грозный доктор Мейнке, раз в десять — двенадцать дней приходивший в дом на Чартер-стрит осмотреть миссис Кистенмахер.

Иногда Магдалена завтракала с тетей, иногда в два часа дня делила с ней трапезу под названием «обед». Еду подавали в меньшую из столовых на

первом этаже или же, если тетя Эрика чувствовала себя плохо, в ее душную спальню на втором. Тетя Эрика передвигалась по дому с помощью тросточки, а также Хельги и Магдалены и даже в моменты недомогания настаивала на том, чтобы «встать, встать и одеться». Нет, по лестнице, разумеется, подняться она не могла, но в доме имелся лифт. Это была довольно странная, напоминавшая клетку конструкция, жалобно и тревожно поскрипывающая при подъеме и вмещавшая не более двух человек. Магдалена, которой было приказано ехать с тетей, в то время как Хельга мрачно трусила следом по лестнице, всякий раз замирала от страха и испытывала приступ удушья. *А если мы застрянем здесь вместе? Что, если лифт вдруг упадет? То* был первый лифт, которым довелось пользоваться Магдалене, и она наслышалась немало ужасных историй о несчастных случаях, происходивших там с людьми, о том, как лифты застревали между этажами или срывались вниз, в шахту, насмерть давя при этом своих пассажиров. И ко времени когда маленькая клетка со скрипом останавливалась и Магдалена просовывала сквозь решетчатую дверцу пальцы, чтобы отпереть ее, бедняжка была вся в поту от страха и дрожала мелкой дрожью.

А тетя Эрика шептала:

— Спасибо, дорогая! Ты так добра! — И сжимала руку Магдалены своими когтистыми пальчиками.

Эти трапезы с тетей постоянно вызывали у Магдалены чувство неловкости, старуха ела очень медленно. Обеды всегда подавались горячие, сытные блюда в немецком духе, и продолжалось все это больше часа. За это время тетя умудрялась съедать несколько каких-то крошек. В такие моменты Магдалена особенно остро ощущала присутствие Хельги за дверью и Ханны в буфетной, ожидавшей, когда хозяйка позвонит в маленький серебряный колокольчик и призовет ее. (Ханна также готовила еду и относилась к этому занятию крайне серьезно и ответственно. И всякий раз, когда Магдалена предлагала свою помощь, отказывалась со словами: «Что вы, мисс Шён. Это я повариха у миссис Кистенмахер».)

По понедельникам в дом на Чартер-стрит приходила энергичная рыжеволосая женщина лет сорока по имени Мейвис, она занималась стиркой и большой уборкой и дружила с Ханной, которая ее наняла. Магдалена часто слышала, как эти две женщины перешептываются и смеются, ничуть не стесняясь ее присутствия. Однажды за

обедом Магдалена увидела, что Ханна с Мейвис подглядывают за ней через щелку в двери буфетной, — и ей стало страшно обидно и больно. Под предлогом, что хочет принести тете стакан свежей холодной воды, она поднялась из-за стола, ворвалась в буфетную и напустилась на своих растерявшихся мучительниц:

— За что вы меня так не любите? Что я вам сделала? — В глазах девушки закипали слезы, а женщины отвернулись и промолчали.

С того случая отношения Магдалены со штатом домашней прислуги стали еще более напряженными.

Тетя Эрика, знавшая об обстановке в доме куда больше, чем можно было предположить, учитывая ее немощь, плохие зрение и слух, выбранила Магдалену за ее поведение: «Дорогая, девушке это не подобает». Впрочем, упреки ее были скорее игривы и сопровождались легкими похлопываниями по руке племянницы, что, возможно, превратилось бы в чувствительные шлепки, если бы здоровье ей позволяло.

На второе воскресенье после прибытия Магдалены в дом на Чартер-стрит тетя пригласила нескольких человек на чай. Магдалена удивилась, узнав, что у Эрики Кистенмахер столько

друзей и знакомых. Сколько лиц, имен и рукопожатий! Большую часть гостей составляли дамы в возрасте тети, тоже вдовы, как и она. Но были и мужчины, в основном партнеры покойного мистера Кистенмахера по бизнесу, а также юристы и финансовые советники самой миссис Кистенмахер. Ну и разумеется, грозный доктор Мейнке, седовласый и болтливый старик. Был среди гостей и один молодой человек лет двадцати семи, младший помощник бухгалтера миссис Кистенмахер. Его пригласили как потенциального жениха Магдалены Шён, и бедняжка так смутилась, что в первый момент даже не расслышала его имени и не разглядела лица. А вскоре и вовсе забыла его, как, впрочем, и всех остальных, посетивших их дом в тот день.

3

День на исходе,
Близится ночь,
Рисует вечерние тени…

Магдалена не уставала любоваться загадочным городом Эдмундстоном из окна своей комнаты на верхнем этаже кирпичного дома на Чартер-стрит. Особенно часто привлекала ее внимание река Мерримак, блестящая, словно змеиные чешуйки, поверхность, а также Мерримакский мост — они так и манили к себе. Погода с каждым днем становилась все теплее, вечера дольше, и Магдалена распахивала окна настежь и высовывалась из них, полном грудью вдыхая упоительный аромат сирени, смешанным с острым прохладным запахом океана, что доносили порывы ветра. Глаза ее расширялись, зрение обострялось Начинало казаться, что она видит вдали затянутый серым смогом Блэк-Рок, где воздух напоен дымом и парами сталелитейного завода, хотя на самом деле видела она не дальше чем на четверть мили. И с какой живостью и остротой доносились до нее разные звуки, через многие мили!

Хрустальный перезвон церковных колокольчиков и других больших колоколов, чей глубокий гулкий звон походил на мощное биение огромного сердца.

И другая, более ритмичная музыка — аккордеон?

И чей-то прекрасный высокий голос, выводивший песню. С расстояния невозможно было определить, мужской он или женский. *День на исходе, близится ночь…* Голос приносили порывы ветра, и он то звучал громко, то таял вдали. Магдалена опасно далеко высовывалась из окна, подносила к уху руку — ну в точности глухая тетя Эрика. Как изысканна и прекрасна эта музыка, как она манит к себе: *Магдалена, приди! Скорее!*

И все эти звуки доносились с Мерримакского моста, оттуда, где находился «нижний город».

«Только прогуляться. Всего на часок».

Так сказала себе Магдалена однажды днем, когда от смешанного аромата сирени и моря кровь прихлынула к лицу, а сердце, казалось, вот-вот разорвется от тоски и желания. И хорошенькая беленькая комнатка на третьем этаже вдруг показалась ей тесной и душной, как коробка. Как клетка…

«Не буду заходить далеко, обещаю. И нет, я не

потеряюсь…»

Это был ее первый выход на улицу за несколько недель пребывания в доме на Чартер-стрит. Прочь отсюда, от этих выстроившихся на холме старинных особняков и элегантных мощеных улочек, обсаженных деревьями. Прощай, чистый, напоенный ароматом цветов воздух верхнего Эдмундстона, здравствуй, солоноватый и густой воздух нижнего Эдмундстона! В тот день Магдалена провела больше времени, чем обычно, с тетей Эрикой, сидела с ней с утра да и потом тоже, после обеда. И вот теперь была наконец свободна, и ей не терпелось пуститься в эту маленькую авантюру. Она накинула на плечи красно-коричневую шелковую шаль, один из многочисленных подарков тети, голову оставила непокрытой, несмотря на то что погода была неустойчивой, день выдался довольно ветреный, а в небе то ярко сияло солнце, то набегали дождевые облака. Она понимала, что могла бы дождаться и лучшего дня, но нетерпение просто сжигало ее. Она ждала и не могла дождаться — вот только чего?…

«Нет, правда, просто прогуляться. Обещаю, что не потеряюсь».

Как провинившийся ребенок, объясняла она тете Эрике все про себя. Которая, если бы слыша-

ла, наверняка не одобрила бы. *Не подобает, дитя мое! Не подобает леди даже одной ногой ступать в этот «нижний город»!*

Но тетя Эрика удалилась до конца дня к себе в спальню с плотно задернутыми шторами, насквозь пропахшую тальком, лекарствами и чем-то заплесневелым, и дремала там. Даже когда Магдалена читала ей из Библии, книги псалмов, старая женщина погружалась в легкую дремоту, лежала, тихонько похрапывая, а ее бледное кукольное лицо было лишено какого-либо выражения. В такие моменты Магдалена взирала на тетю с жалостью и одновременно неким ужасом. Вообще-то она высчитала, что тетя Эрика не так уж и стара — ей, должно быть, где-то под семьдесят. И сразу было видно, что совсем еще недавно она была довольно привлекательной женщиной с выразительными глазами и красивым ртом. И Магдалена передергивалась словно от озноба в этой жаркой комнате, и думала: *Я никогда не буду старухой! Никогда не буду такой, как вы, тетя Эрика!*

Старомодные дедовские часы в холле пробили пять, и Магдалена бесшумно, как кошка, спустилась по лестнице с третьего этажа на второй, а потом со второго на первый. Правда, внизу

она столкнулась с неожиданным препятствием — никак не удавалось отпереть замок входной двери. Заметив прошмыгнувшую в прихожую Магдалену, Ханна окликнула:

— Мисс Шён! Куда это вы, интересно, собрались? На что девушка виновато ответила:

— Просто прогуляться, Ханна. Тут где-нибудь, неподалеку.

Ханна подошла, руки сложены на жестко накрахмаленном белом фартуке. Нахмурилась, будто собралась сказать что-то еще, но промолчала. Щеки у Магдалены пылали. Впервые Ханна заговорила с ней так открыто, впервые смотрела прямо в глаза. И Магдалена добавила:

— Я не потеряюсь, обещаю. И не буду заходить далеко.

Ханна колебалась, покусывая нижнюю губу, затем пробормотала:

— Вот что, мисс. Ключ от замка у меня. Так что когда будете возвращаться, придется позвонить. К тому же дверь запирается изнутри еще и на задвижку.

Магдалена выскользнула из дома на Чартер-стрит и быстро двинулась вниз по холму, вдыхая опьяняющий аромат сирени, целиком доверившись инстинкту, который должен был вывести

ее к Мерримакскому мосту. И вскоре заметила, что дома вокруг становились все менее «историческими»; по обе стороны от дороги тянулись ровным строем небольшие оштукатуренные бунгало, магазины и лавки. Магдалена вышла на широкую улицу с очень оживленным движением под названием Файетт, посреди которой были проложены трамвайные пути и грохотали трамваи. Эта улица и вывела ее к мосту, на который Магдалена ступила не без некоторого колебания, потому что здесь пришлось идти по узенькой пешеходной дорожке в виде сетчатой металлической решетки — такого она никогда не видела прежде. Внизу, прямо под ногами, неслась река, и вода в ней не сверкала на солнце, а была темно-графитного цвета и отливала маслянистыми пятнами. И как неприятно пахло от этой реки — никакого аромата сирени. И как шумела она мелкими волночками, что лизали каменные опоры моста.

Магдалена прошла по мосту с бешено бьющимся сердцем, сама себе удивляясь, зачем это ей понадобилось уходить так далеко от красивого старого дома на Чартер-стрит и от своего окошка на третьем этаже, где она была в полной безопасности. Она понятия не имела, как широка,

грозна, продуваема всеми ветрами эта река. Из окна Мерримакский мост казался изящным, даже хрупким, а вертикальные его формы напоминали кружева; только сейчас, при ближайшем рассмотрении, она заметила, как они толсты, грубы и сильно проржавели. А мимо с грохотом несся непрерывный поток машин — тяжелые грузовики, фургоны и легковые автомобили. И из них на Магдалену глазели совершенно незнакомые люди. Смотрели, как она шагает по продуваемой ветрами пешеходной дорожке, с непокрытой головой, в накинутой на плечи коричнево-красной шали. *Эй! Девушка! Подвезти?* Но Магдалена не слышала или не желала слышать и не сводила глаз с сетчатой металлической решетки под ногами и убегающей вдаль, словно судьба, мутной воды.

На мосту было так шумно, что Магдалена уже не слышала больше звуков музыки, а ко времени, когда, задыхаясь и вытирая от пыли глаза и поправляя встрепанные ветром волосы, достигла противоположного берега, и думать забыла о ней. Но, едва свернув на улочку с длинным рядом домов и маленьких магазинчиков, вновь услышала ее. Сразу обрадовалась и воспрянула духом. Причем слышала Магдалена не одну мелодию, а сразу

несколько, и над всеми остальными звуками превалировал торжественный рокот органа. Он-то и привел ее в район, тесно застроенный домами красного кирпича, из окон которых выглядывали люди и перекликались веселыми голосами. Кругом бегали и шумно играли чумазые и темноволосые, но очень красивые ребятишки; на ступеньках лавок сидели и курили мужчины в рубашках с короткими рукавами И собирались на углу, возле таверны. До чего ж все это похоже на Хейвесс-стрит в родном ее Блэк-Роке!

Магдалена улыбнулась, увидев зеленную лавку, а потом мясную, булочную и маленькое ателье. Проходя мимо мясной, она закрыла глаза и вдыхала такие знакомые запахи парной говядины, крови, опилок. Дома ее часто посылали к мяснику, где ей приходилось выслушивать его грубые шуточки, и при виде острых блестящих окровавленных ножей и топориков ей всегда становилось не по себе, и она отворачивалась.

Однако язык, на котором говорили в этом районе, был ей не знаком. Не английский, и не немецкий, и не венгерский тоже, хоть и напоминающий все эти языки. И люди здесь попадались не белокожие, как она, а смуглые и черноглазые, с блестящими и выразительными темными

глазами. А как они смотрели на нее, особенно мужчины! Так и ловили взглядом каждое движение. За столиками у входа в кафе тоже сидели мужчины, играли в карты, курили, пили и громко болтали. Но когда Магдалена проходила мимо по тротуару, понижали голоса, перешептывались или просто молчали. А потом принимались жарко что-то обсуждать. И еще она заметила, как открыто, никого не стесняясь, ходят здесь пары, обняв друг друга за талии, — в Блэк-Роке такого никогда не увидишь.

Источник звучной, так и подмывающей пуститься в пляс рокочущей органной музыки находился на боковой улочке, совсем узенькой, как аллея. На ступеньке сидел седовласый старец и играл на ручном органе, вокруг столпилась кучка слушателей, в основном дети. Какая же она веселая и зазывная, эта музыка — ничего подобного в Блэк-Роке тоже не было!

Но Магдалена продолжала неустанно шагать все вперед и вперед, влекомая запахом воды, и вскоре оказалась в районе, сплошь застроенном складами и доками. У причалов покачивались на воде рыбацкие лодки; в течение нескольких минут Магдалена как завороженная следила за тем, как мужчины разделывают большую ры-

бу, и дивилась тому, что ей было нисколько не противно смотреть на это; кругом витал пронзительно острый и свежий запах рыбы. Но она, дойдя до самого края причала и вглядываясь в бесконечную даль, вдруг подумала: *Да здесь же просто нечем дышать.*

Однако Магдалена продолжала идти дальше, и в ее ушах звучали загадочные слова: *День на исходе, близится ночь…* Их доносили порывы ветра. Вскоре она оказалась среди очень старых, по большей части брошенных домов с полуобвалившимися крышами, где все вокруг заросло сорняками, а кое-где пробивались сквозь камни молодые деревца. На одной из улиц, загибавшихся под крутым углом, бродили какие-то обезьяноподобные фигуры, завидев Магдалену, они разразились громким хохотом, криками и свистом. Мгновенно пропали, неизвестно куда. Дети?

Магдалена растерянно озиралась по сторонам, и неожиданно к ее ногам упала горстка камней. Одна надежда, что целились все же не в нее.

Магдалена торопливо зашагала дальше, поднялась по склону холма, на котором стояла старая церковь, сложенная из грубых потемневших от непогоды камней. Она заглянула во двор: спутан-

ные плети дикой вьющейся розы, вереск, а среди них — покосившиеся от времени темные надгробия. На них выбиты какие-то слова, но прочесть невозможно, буквы стерлись. А вот цифры сохранились — 1712, 1723, 1693. Магдалена смотрела и изумлялась. Какая древность! Сама она родилась в 1912-м. Она пыталась представить огромный провал во времени, разделяющий существование этих людей и момент ее появления на свет, и голова у нее закружилась. Так бывало, когда она сталкивалась со сложной геометрической задачей, казавшейся ей неразрешимой.

А пение тем временем становилось все ближе и слышнее — высокий чистый голос просто разрывал сердце. Тенор. Поет какой-то церковный гимн, очевидно, протестантский, неизвестный Магдалене. *День на исходе, близится ночь…* Там, где стены полуразрушенной церкви соприкасались с каменной оградой, образовалось нечто вроде темного углубления в форме треугольника; а может, когда-то здесь был вход в церковь. И певец находился где-то там, внутри, в темноте, практиковался, репетировал. Какой-нибудь молодой человек, подумала Магдалена. Она не стала подходить, но вытянула шею, стараясь разглядеть его, а сердце билось часто-часто. *Вечерние*

тени на небе… Настала пауза, послышалось чье-то хриплое дыхание, и голос снова запел, в той же тональности и темпе. *День на исходе…* Теперь в голосе певца слышалось напряжение и даже легкое раздражение, хотя от этого он не стал хуже, а возможно даже, звучал еще более прекрасно. Магдалена вся обратилась в слух. Она была уверена, что певец молод и красив, и непременно темноволос, как большинство мужчин, которых она видела в «нижнем» Эдмундстоне, с выразительными черными глазами под длинными ресницами. И еще она почему-то страшно боялась, что он может увидеть ее, даже если она сделает вид, что просто прогуливается по церковному двору и заглянула сюда совершенно случайно. Он может сразу перестать петь, если вдруг поймет, что его подслушивают. Да и что делать ей, Магдалене, во дворе старой протестантской церкви?

Затаившись среди высоких надгробий, она слушала его еще довольно долго, а потом потихоньку, крадучись, вышла на улицу, в сгущающиеся сумерки.

По пути к дому тетушки на Чартер-стрит, что возвышался над городом на холме, и к его массивным дверям, где следовало позвонить

в колокольчик, чтобы ее впустили, Магдалена размышляла: *Кто он? Как он выглядит? Почему я не попыталась взглянуть на него хоть одним глазом?..*

4

Вот так и получилось, что Магдалена Шён влюбилась, хотя и сама не подозревала и ни за что бы не признала этого.

Соблазнительный голос певца слышался ей, не только когда она стояла у раскрытого окна, подставляя лицо свежим порывам ветра, но и когда спала в своей белоснежной постели под белым шелковым одеялом. Да и днем тоже, причем в самые, казалось, неожиданные и неподходящие моменты, порой даже в присутствии тети Эрики, неугомонно болтавшей о чем-то хрипловатым бездыханным голоском. Слабое, еле слышное пение, но это, несомненно, он. *День на исходе… Вечерние тени…*

Магдалена, никогда не скучавшая по Блэк-Року, по тесным комнатушкам своего родного дома, даже по родителям, братьям и сестрам, которых, как ей казалось, искренне любила, начала вдруг испытывать жгучую душераздирающую тоску по «нижнему» Эдмундстону, реке Мерримак и мосту через нее. А также по докам и древней полуразрушенной церкви, ее дворику с покосившимися надгробиями. И безликому и безымянному певцу

с поразительно красивым голосом, звуки которого преследовали ее повсюду, навеки вошли в плоть и кровь. Он вновь и вновь выводил безыскусные слова своей песни: *День на исходе… День на исходе…*

Однажды тетя Эрика вдруг оборвала свой несвязный монолог, улыбнулась Магдалене здоровой половинкой рта и воскликнула:

— Ты вспоминаешь свою семью, дорогое мое дитя? Ты скучаешь о них?

На что Магдалена, словно очнувшись от сна, с рассеянной улыбкой ответила:

— Ах, тетя Эрика! У него такой высокий чистый и сильный голос! Мужской голос, но особенный, какого вы наверняка никогда не слышали!

День на исходе, близится ночь.

Магдалена, приди!..

В другой раз, ветреным и пасмурным днем, Магдалена, заслышав вдали знакомую музыку, снова выскользнула из дома на Чартер-стрит и направилась в «нижний» Эдмундстон, к старой церкви. И там снова пел невидимый певец. На этот раз Магдалена разглядела церковь получше: ни единого признака, говорившего о ее принадлежности, лишь крест на крыше, грубо

вырезанный из камня и накренившийся от ветров, но наделенный при всем этом своеобразной примитивной красотой. Он частично разрушился и напоминал букву «Т». На крыше из щелей между полусгнившей черепицей пробивались пучки мха. В здании оказалось всего одно окошко, глубоко врезанное в грязную каменную стену. Видно, эта церковь очень бедна, нет денег, чтобы привести ее в порядок. Но тенор пел, даже более старательно и искусно, как если бы твердо вознамерился отточить свое мастерство. *День на исходе, близится ночь, вечерние тени на небе…*

Магдалена различала в голосе певца неподдельное волнение и страсть, и когда он умолк, услышала частое затрудненное дыхание. Набравшись смелости, она приблизилась к темному алькову в стене. Сердце колотилось как бешеное, и с большим трудом Магдалена все же различила внутри смутные очертания фигуры. Это действительно был молодой человек, красивый или казавшийся красивым в неверном свете. Он стоял перед алтарем, тело напряжено, руки сжаты в кулаки, на шее вздулись жилы. Магдаленой вдруг овладели страшная тоска и жгучее желание одновременно, головокружительное, прежде незнакомое ей чувство, от которого, казалось,

земля поплыла под ногами, а из тела выкачали всю силу и волю. И ее пронзила мысль: *Я должна помочь ему!*

Молодой человек запел снова, слегка покачивая головой и проводя рукой по волосам. А волосы, как и предвидела Магдалена, оказались у него черные. Густые роскошные черные кудри и смуглая кожа. Но несмотря на прекрасный мощный голос, в нем чувствовалось нечто болезненное. Он часто моргал глазами, точно пытался разглядеть что-то и не мог.

Магдалена подошла поближе, ожидая, что вот сейчас, сию секунду он увидит ее. Сердце билось так бешено, что, казалось, вот-вот разорвется и она замертво рухнет на пол. Но пути к отступлению уже не было. *Я должна, должна, должна помочь ему! Затем и пришла.* В церкви стояли тяжелые запахи гнили и разложения, сырой земли и плесени, резко контрастируя со свежим весенним воздухом на дворе. Когда молодой человек умолк и облизал пересохшие губы, Магдалена выдавила еле слышно:

— Простите меня, но… какая красивая песня. Никогда прежде не слышала ничего прекраснее.

Певец обернулся и посмотрел на Магдалену, вернее, в ее направлении. Сразу было заметно, как

он смущен. Он-то думал, что здесь один, и вдруг появилась она. На секунду Магдалене показалось, что он попросит ее уйти или развернется в гневе и уйдет сам. Но вот на его губах промелькнула еле заметная слабая улыбка, и он вновь запел. Он стоял у алтаря, такой одинокий, подбородок приподнят, голова слегка откинута назад, жилы на высокой стройной шее напряглись, руки сжались в кулаки. Магдалена видела, как мелкая дрожь сотрясает все его тело, когда он выводил: *День на исходе, близится ночь, рисует вечерние тени…* Магдалена подошла еще ближе, теперь она уже отчетливо видела, как певец не спускает с нее глаз, поет и смотрит прямо на нее сквозь густые длинные ресницы. И ей показалось, что сейчас он поет только для нее, говоря с ней загадочными и прекрасными словами песни. Он пел несколько минут, а Магдалена стояла как завороженная и слушала. Теперь песня показалась ей еще более прекрасной и преисполненной сладострастного томления, она тоже крепко сжала кулаки, на левом виске, как и у певца, пульсировала жилка, горло перехватило от волнения.

Перед тем как отправиться в «нижний» Эдмундстон, Магдалена плотнее стянула на плечах коричнево-красную шелковую шаль, но сильный

ветер так и стремился сорвать ее и растрепал аккуратно уложенные волосы. Певец тоже откинул волосы со лба, а когда закончил петь, Магдалена увидела, что и лоб, и все его измученное лицо блестит от пота, а побледневшая кожа кажется почти прозрачной. Магдалена поспешила к нему, к незнакомцу, встала на цыпочки и вытерла это прекрасное лицо платочком. То был свежо пахнущий лавандой льняной носовой платок, который подарила ей тетя. Затем Магдалена аккуратно сложила его и убрала в карман.

— Спасибо, — еле слышно пробормотал молодой человек; но не улыбнулся, а запел снова и завершил куплет на странно напряженной ноте.

Во всяком случае, именно так показалось Магдалене, которая не спускала глаз с его лица и заметила, как на нем промелькнула тень неудовлетворения. Неожиданно рассерженным и нетерпеливым жестом певец показал на свое горло, словно давая понять, что оно пересохло и он испытывает страшную жажду. Магдалена сразу поняла его и, пролепетав «Сейчас!», выбежала из церкви искать питьевую воду. На пути в церковный двор она еще раньше приметила торчащую из заросшей травой каменной стены маленькую медную трубочку, а под ней — дере-

вянный кувшин. Магдалена без труда отыскала родник, наклонилась, принюхалась к воде, пришедшей из-под земли с такой глубины, что, как ей показалось, в ней ничего не отражалось. Какой же чистой и ледяной была эта вода, как чудесно пахло от нее свежестью. С какой радостью наполнила Магдалена кувшин и поспешила обратно в церковь напоить жаждущего певца.

Он приник к кувшину и долго жадно пил с полузакрытыми от наслаждения глазами. Потом протянул его Магдалене и жестом дал понять, что и она тоже может отпить из кувшина, поскольку вода в нем еще осталась. Она так и сделала, и ей показалось, что никогда прежде она не пила столь необыкновенно вкусной и свежей воды! Как же она счастлива! Счастливее, чем когда-либо в жизни, чем в Блэк-Роке, когда на кухне ей удавалось заслужить похвалу матери. Магдалена заметила, что певец смотрит на нее с благодарностью и любопытством, а потом услышала, как он тихо-тихо пробормотал:

— Спасибо.

Магдалена залилась краской смущения, хотела что-то сказать, но ничего лучше не придумала, как спросить, запинаясь от робости:

— Вы поете здесь… по воскресеньям? Готови-

тесь к воскресной службе?

Молодой человек грустно улыбнулся и пожал плечами. Он был высок, статен, но страшно худ, ключицы так и выпирают. А потом вдруг заговорил хриплым шепотом, словно боялся, что их кто-то подслушивает:

— Я должен петь. Просто у меня нет другого выбора.

Магдалена вовсе не была уверена, что расслышала его правильно, но переспросить не решилась. А он отвернулся от нее и снова запел, расхаживая перед алтарем, более уверенным и окрепшим голосом: *День на исходе, близится ночь, в небе рисует вечерние тени…* Нет, на этот раз он пел просто превосходно! И сейчас перейдет к следующему куплету. Но нет, молодой человек снова раздраженно пожал плечами, резким жестом откинул волосы с глаз. А потом произнес «нормальным» голосом, таким невыразительным, плоским и хриплым, будто у него болело горло:

— Я счастлив, только когда пою. Но пение меня изнуряет.

Магдалена очнулась и увидела, что сидит на скамейке у входа в церковь. Сидит, не замечая того, что скамья сломана и вся покрыта липкой

паутиной. И в состоянии полного экстаза слушает, как певец продолжает свое мучительное занятие, решительно и мрачно. Страсть звенела в его голосе, глаза расширились и стали совсем черными, приобрели какой-то стеклянный блеск, и смотрел он, казалось, внутрь себя. Наконец он снова умолк, пот заливал бледное лицо, и Магдалена поспешила отереть его. Он поймал ее за запястье и произнес:

— Как вы добры! Как ваше имя?

Магдалена сказала ему, в ответ на что он заметил:

— Замечательно красивое имя. А меня зовут… — И произнес какое-то слово, сплошь состоящее из свистящих звуков.

Магдалена не разобрала его и постеснялась переспросить. Она лишь спросила:

— Где вы живете?

Молодой человек, слегка скривив рот, ответил:

— Живу? Я живу здесь.

Магдалена так и не поняла, где именно, потому что разве можно жить в старой церкви?… А может, он просто подшучивал над ней? Потом спросил, где она живет, и Магдалена, прикусив нижнюю губку, ответила:

— Вообще-то у меня нет дома. Мать выгнала

меня, она совсем меня не любит.

Странно, но Магдалена всецело и полностью доверилась этому незнакомцу. А тот смотрел на нее с состраданием. Глаза девушки наполнились слезами, и она услышала собственный голос:

— Там, дома, слишком много ртов, всех не прокормить. Кому охота умирать с голоду? — И поразилась своим словам. Как можно такое говорить?

Однако молодой человек, похоже, ничуть не удивился. Лишь нахмурился и заметил:

— Да, так уж устроено в природе… слишком много ртов. Вот почему я пою, Магдалена.

И снова Магдалена не поняла его, и снова побоялась спросить. А молодой человек спросил:

— Можете остаться со мной, Магдалена? Только вы можете мне помочь.

Магдалена с готовностью воскликнула:

— Помочь? Но как?

И он ответил:

— Просто остаться со мной! Я ведь протяну недолго, поймите это правильно.

Он запел снова, еще более страстно, чем прежде, и Магдалена слушала как завороженная. Ей показалось, он усовершенствовал стих. Ничего прекраснее просто представить было невозмож-

но. Но вот он умолк, грустно покачав головой, и Магдалена предложила ему кувшин, где, как ей казалось, еще осталась вода. Она забыла, что и сама пила из этого кувшина. Но певец лишь отмахнулся, и в его жесте сквозила безнадежность. Он сказал:

— Я начал петь, потому что мне просто этого хотелось. А теперь в пении вся моя жизнь. Я понял, что создан для этого. Я должен.

Магдалена наивно воскликнула:

— Как это создан? И кто вас заставляет? — Поблизости не было ни души. Никого, кто бы мог заставить его. В церкви никого, кроме нее и певца; на церковном дворе тоже ни души, и он выглядит таким заброшенным и запущенным. За частично обрушившейся каменной оградой терялись вдали, в туманной дымке, пологие холмы, доносился плеск волн. Океан? Так близко? Но ни единого признака, что место это обитаемо. Лишь чайки кружили над головой, испуская пронзительные голодные крики.

Певец расхаживал у алтаря и, похоже, не обращал внимания на то, что его окружало. Несколько раз натыкался на скамью и кафедру, слепо обходил препятствие, хмурился, его рот странно кривился. А потом пробормотал:

— Мой отец пел, и его отец тоже. У них была в точности такая же судьба. Они умерли совсем молодыми. Я, разумеется, не помню ни того, ни другого. Оба умерли от разорвавшейся в горле артерии. — И он провел ладонью по своему бледному горлу с синеватыми жилами, которые так страшно набухали во время пения. — Говорят, это проклятие. Но я не верю в проклятия.

Магдалена содрогнулась, но может, это было вызвано порывом холодного ветра? Она заметила, что на улице уже почти стемнело, хоть теперь и весна и дни стали длиннее. И тогда она спросила:

— Чем же я могу помочь?

Молодой человек вдруг улыбнулся веселой мальчишеской улыбкой и ответил:

— Просто пойте со мной, Магдалена!

Магдалена изумилась. Петь? С таким одаренным певцом?

— Но…

— Да, вы должны! Обязательно. Тогда силы мои удвоятся.

И застенчиво, нехотя Магдалена запела. Она, которая никогда прежде в жизни не пела, разве что себе под нос или вместе с сестрами, пела теперь с этим молодым человеком, а он сжимал ее

руку в своей и смотрел ей в глаза. *День на исходе… Близится ночь…* Голос Магдалены был слишком слаб; тогда молодой человек прервался и сказал, что лучше начать сначала. *День на исходе… Близится ночь…* Но нет, что-то не ладилось. Щеки у Магдалены горели — она стыдилась своего тоненького девичьего голоска. Ничего не получалось, хотя Магдалена пыталась петь изо всех сил и правильно. Просто голос не был поставлен, лишен звучности и красоты. О, больше всего ему не хватало именно красоты! Молодой человек поморщился, словно ему причиняли боль звуки ее голоса, перестал петь и оттолкнул ее руку. А потом с упреком заметил:

— Ты не стараешься, Магдалена!

Расстроенная, она принялась по-детски оправдываться:

— Но я… я стараюсь! Я очень стараюсь!

Молодой человек отвернулся и мрачно заметил:

— Шла бы ты отсюда. Оставь меня. Ты просто смешна!

Так Магдалену, обиженную и удрученную сверх всякой меры, снова выгнали. Она выбежала из церкви, а потом — и из церковного дворика, в «нижний» Эдмундстон, и слезы градом катились

у нее по щекам.

Магдалена бежала и слышала за спиной тишину — гулкий вибрирующий звук, какой издают волны, накатывающие на берег; тишина невыносимо давила на барабанные перепонки, угрожала оглушить, затопить ее. И сквозь эту тишину пробивался голос певца, уже не такой сильный и громкий, но по-прежнему невыразимо прекрасный. *День на исходе, близится ночь… вечерние тени…* Уже в сумерках Магдалена подбежала к дому на Чартер-стрит, и ей пришлось позвонить в звонок (что было странно и глупо). И в ожидании, когда Ханна откроет и впустит, она рыдала в полный голос.

5

— Что… что это такое? Эта вечная обуза, она всегда со мной!

Магдалена читала девяносто шестой псалом, и вдруг тетя Эрика перебила ее и бешено заколотила правой рукой по безжизненной левой. Ею овладела невиданная прежде ярость, будто пламя обуяло ее маленькое хрупкое кукольное тельце. Мало того, что заколотила, она еще громко пронзительно и сердито зарыдала. Хельга, вязавшая в соседней комнате, со звоном отбросила спицы и поспешила в спальню. Магдалена, сидевшая рядом с диваном, со страхом и удивлением взирала на тетю. Хельга начала успокаивать:

— Да будет вам, миссис Кистенмахер! Не надо. Вы прекрасно знаете, что это такое и почему.

В ответ на что тетя Эрика прорыдала:

— Не знаю! Я не знаю!

И тогда Хельга сказала:

— Знаете, миссис Кистенмахер. Ну-ка, скажите вслух «моя рука».

И тетя Эрика взвизгнула:

— Нет! — И, опираясь на правую руку и судорожно двигая ногами, отчаянно пыталась

приподняться и облокотиться на спинку дивана, напоминая в этот миг раненое, бьющееся в агонии животное. От этих беспомощных стараний глаза у нее вылезли из орбит.

Магдалена с ужасом наблюдала эту сцену. Что она должна делать? Чем может помочь? Хельга схватила тетю за правую руку и пыталась успокоить, затем похлопала по левой, безжизненной, вытянутой вдоль тела. И сказала:

— Вот, видите? Это тоже ваша рука, миссис Кистенмахер. И эта тоже. Все это ваше.

В ответ на что тетя Эрика сердито прошептала:

— Нет! Не мое! — А потом прекратила борьбу, и Хельга мягко заметила:

— Вы не должны оборачивать гнев против себя, миссис Кистенмахер. Доктор Мейнке все время так говорит.

На секунду показалось, что бедняжка пришла в себя. Она часто дышала и не сводила глаз с левой руки, торчавшей из рукава розового шерстяного халата, затем убрала здоровую руку и бессильно откинулась на подушки дивана. А потом вдруг ее маленький влажный и розовый ротик приоткрылся, точно птичий клюв, а правый здоровый глаз превратился в узенькую щелочку, и она пронзительно закричала. Она кричала и кри-

чала, а Магдалена с Хельгой взирали на нее в немом ужасе.

6

Магдалена думала: *Он меня прогнал. Я никогда больше не смогу прийти и увидеть его. Я его подвела, теперь он меня презирает.*

Магдалена думала, вертя в пальцах гладкие блестящие бусины четок: *Господи, дай мне силы. Не позволяй больше приближаться к нему. Верни мне мою гордость, Господи.*

На протяжении нескольких дней Магдалена закрывала и зашторивала окна своей комнаты, не позволяя ворваться в них ни солнечному свету, ни весеннему шуму. И все время проверяла, крепко ли закрыты и заперты рамы, плотно ли задернуты шторы. На протяжении всего дня избегала по мере возможности подходить к другим окнам в доме, уж не говоря о том, что на улицу не ступала и ногой. По ночам плохо спала, крепко прижималась ухом к подушке, хотя слышать было особенно нечего — кроме биения крови в висках. Но Магдалене все время казалось, что она необычайно ясно слышит голос певца, словно он находится не в милях отсюда, в заброшенной церкви, а стоит рядом, прямо под окном. *День на исходе… Близится ночь…*

И Магдалена яростно шептала себе:
— Нет!

* * *

Ветер с реки, дующий резкими порывами, был влажным, прохладным и имел солоноватый металлический привкус. Невидимая пыль въелась в лицо Магдалены, щипала глаза. Как безобразна сейчас река, цвета расплавленного олова от отражающихся в ней тяжелых свинцовых туч. А лодки и доки кажутся такими хрупкими, жалкими. Магдалена торопливо шла по Мерримакскому мосту и вся дрожала от волнения и холода. И несмотря на шум движения и плеск воды о сваи моста, отчетливо различала голос молодого человека. Он пел, звал ее. И еще казалось, что в его песне звучит больше страсти — или отчаяния? И разве не к ней он когда-то взывал: *Ты должна мне помочь, Магдалена!*

На сей раз Магдалена твердо вознамерилась не подводить его.

Куда ты собралась, дитя мое! — спросила тетя Эрика, игриво похлопывая девушку по руке. *Мысли твои витают где-то далеко отсюда, где?* В ответ Магдалена смущенно пробормотала, что хочет выйти погулять. Просто на прогулку, здесь,

поблизости, ведь сегодня такой прекрасный майский день (тогда в «нижнем» Эдмундстоне погода тоже была прекрасная). И да, она обещает, что не будет уходить далеко от дома. Тетя Эрика рассмеялась и заговорщицки подмигнула здоровым правым глазом: *Я тоже ухожу не слишком далеко, в этом смысле мы с тобой похожи.*

Магдалена прошла по узким прибрежным улочкам, оказалась в старом заброшенном районе и поднялась по холму к церкви. И, к своему удивлению, заметила, что церковь стала казаться еще более запущенной, а сад заросшим, будто над ними пронесся ураган. Среди могил валялись сухие ветки, урны и памятники перевернуты, могильные плиты сдвинуты с места и многие из них в трещинах. Магдалена приблизилась к полуразрушенной каменной ограде и увидела за ней, как и прежде, полупрозрачную дрожащую пелену тумана, которая все время меняла очертания и, казалось, жила своей отдельной жизнью. А что же там, за этой пеленой — океан? Великий Атлантический океан, некогда так напугавший ее родителей и тех, кто переплывал его вместе с ними, после чего они не желали ни вспоминать, ни говорить о нем. Магдалена не видела воды, лишь слышала пробивающийся сквозь голос

певца ритмичный и гулкий шум. Вот так всегда — фоном для голоса человека служит шум великого океана. И еще — пронзительные и жадные крики чаек над головой, неустанно кружащих в поисках добычи.

Еще один сюрприз ждал Магдалену у бывшего заднего входа в церковь — только сейчас она заметила, что это уже не церковь, а лишь ее развалины. Груды камней и мусора, большая часть крыши провалилась внутрь, все поросло мхом и сорняками. И все же остался один узкий проходик, напоминавший покрытую паутиной дыру в пещере, где взрослый человек среднего роста мог выпрямиться с трудом. Пение тем временем продолжалось. Вот пауза, певец закашлялся, и Магдалена различила его частое напряженное дыхание. А затем снова: *День на исходе… Близится ночь…*

Магдалена вся дрожала от возбуждения и страха: вдруг молодой человек снова прогонит ее? Причем сразу же, как только увидит? *Вечерние тени…* Безупречное, как и прежде, пение, преисполненное небывалой красоты и тоски.

Она подобралась как можно ближе к входу и смутно различила фигуру певца. Он был примерно на том же месте, бродил возле разрушенного

алтаря, то попадая в пятно света с улицы, то вновь скрываясь во тьме. Руки сжаты в кулаки, плечи горбятся от напряжения. И все же… с ним было явно что-то не в порядке. Он уже не был так молод и красив. Когда певец повернулся на звук ее шагов, Магдалена с ужасом увидела, что он превратился в ходячий скелет. Лицо морщинистое, болезненно бледное и состарившееся, как у тети Эрики; тощая шея торчит из воротника, и на ней резко выступают вены. А глаза сужены и превратились в щелочки, как у испуганного и разъяренного зверя. *Он меня не узнает!* подумала Магдалена. *Он меня просто не видит.*

Но дальше случилось уже нечто совсем невообразимое, о чем Магдалена молчала потом всю свою долгую жизнь, лишь много десятилетий спустя поведав эту тайну любимой внучке. Отбросив страх и гордыню, она собралась подойти к певцу, как вдруг из тени выступила чья-то фигура… То оказалась женщина довольно странной внешности, сразу и не поймешь, старуха или молодая, с морщинистым обезьяньим личиком, на котором светилось обожание. Она проворно приблизилась к певцу, который, ослабев, стоял, облокотившись о разбитую скамью, и стала отирать его влажно блестевший лоб обрывком

белой ткани. А затем поднесла к его губам кувшин и, придерживая трясущиеся руки, помогла напиться. О, как жадно он пил! Костлявая грудь вздымалась и опускалась при каждом глотке. Слепой и пустой взгляд прекрасных глаз обратился в ту сторону, где стояла Магдалена, но в них не мелькнуло и тени узнавания.

Похожая на ведьму женщина продолжала гладить его исхудавшие руки, нашептывая слова хвалы и восхищения. Он услышал ее, бескровные губы скривились в подобии улыбки. И вот, наконец, он гордо откинул голову, тряхнул копной поседевших и поредевших спутанных волос и снова запел. *День на исходе…* Сначала голос дрожал и плохо слушался и совсем не был похож на голос молодого человека. Жилки на горле безобразно вздулись; но постепенно голос набирал силу, становился богаче, громче, звучнее, словно черпал источник жизни из глубины души. Магдалене вспомнились загадочные слова певца, лишенные хвастовства или желания спорить, а просто подтверждающие простую и очевидную для него истину: *Я должен петь. У меня нет выбора.*

Он все пел и пел дальше: *День на исходе, близится ночь. Рисует вечерние тени на небе…*

Во второй и последний раз Магдалена поняла, что ее присутствие здесь нежелательно, и выбежала со двора, испытывая такую тоску и смятение, что даже плакать не было сил. В лицо ей бил резкий и холодный ветер с моря.

7

— Пожалуйста, впустите! Это я, Магдалена!

Она отчаянно жала кнопку звонка, но из дома не доносилось ни звука. Может, звонок сломался? Сумерки на улице быстро сгущались, дом на Чартер-стрит был погружен во тьму. Еще никогда Магдалена не возвращалась так поздно, поэтому почти не узнавала дома тети. Она окончательно выбилась из сил: давали о себе знать долгие мили ходьбы вверх по холму, по скользкой булыжной мостовой, под сильными порывами ветра. Магдалена отчаялась дозвониться и заколотила в дубовую дверь кулачками, бешено, сильно, рыдая, как испуганное дитя.

— Пожалуйста! Впустите же! Это я, Магдалена!

На крыльце вспыхнул свет, и через стекло она различила суровое лицо Ханны, которая смотрела на нее, словно не узнавая. Неудивительно… Длинные густые волосы Магдалены, прежде всегда аккуратно заплетенные в косички и уложенные вокруг головы, растрепались и развевались по ветру; позже она с изумлением обнаружила, что они утратили золотистый пшеничный цвет, их словно пригасили, как гаснет и обесцвечивается

все вокруг во время солнечного затмения. А юное и цветущее прежде лицо выглядит постаревшим и вконец изможденным. Одежда в полном беспорядке, в нескольких местах порвана.

— Ханна! Ханна! Пожалуйста! Имей сострадание! Пожалей меня, впусти!

Наконец Ханна узнала Магдалену, видно, по голосу; щелкнула замком и медленно приоткрыла тяжелую дубовую дверь.

— Мисс Шён! А я никак не думала, что это вы! — сказала Ханна, и в ее взгляде отразилось удивление.

Перевод: Н. Рейн
2002

Майкл Чейбон
БОГ ТЕМНОГО СМЕХА

Майкл Чейбон. «The God of Dark Laughter», 2001. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Через тринадцать дней после того, как цирк братьев Энтуистл-Илинг отправился в дальний путь на свою зимнюю базу в Перу, штат Индиана, двое ребят, охотившиеся на белок в лесу близ Портуайн-роуд, обнаружили мертвое тело в сумасшедшем костюме из пурпурно-оранжевого велюра. Они наткнулись на него в конце грязной гравийной дороги, которая начинается в пяти милях от города и идет к западу, — на карте округа Юггогени она значится под аббревиатурой A22. Еще бы на полмили восточнее — и тогда не мне, а моим коллегам из округа Файетт пришлось бы искать ответ на вопрос, кто застрелил этого человека и освежевал его голову с подбородка до макушки и от ключицы до ключицы, хладнокровно сняв уши, веки, губы и скальп в один прием, точно кожуру с апельсина. Меня зовут Эдвард Сат-

терли, и вот уже двенадцать лет я честно служу обитателям Юггогени на посту окружного прокурора, занимаясь делами, в которых чересчур много изуверского и эксцентричного. Я привожу нижеследующий отчет, хорошо понимая, что у многих возникнут сомнения в его истинности и моей правдивости, и прошу читателя рассматривать его, по крайней мере отчасти, как мое заявление об отставке.

До того, как найти труп, подростки несколько часов кромсали убитых белок длинными ножами — это жестокая забава, и неудивительно, что поначалу члены следственной бригады заподозрили в совершении преступления их самих. Кровью были испачканы рукава мальчишек, полы их рубах и козырьки их серых саржевых кепок. Но и окружные детективы, и я быстро исключили Джои Матушака и Фрэнки Корро из числа потенциальных убийц. При всем своем близком знакомстве с хрящами, сухожилиями и ярко-багряной внутренностью распоротого тела ребята прибыли в участок бледными и ошеломленными, и вдобавок у нас имелись убедительные доказательства того, что страшная находка вынудила их расстаться со значительной долей содержимого своих желудков.

Далее, хотя я твердо намерен изложить все обстоятельства этого дела, насколько они подвластны моему разумению, не боясь показаться читателю лжецом или ненормальным, я не вижу смысла в том, чтобы приводить дальнейшие *анатомические* подробности преступления, — скажу лишь, что наш медицинский эксперт доктор Соэр, выполнивший свою задачу со всем тщанием и печальной решимостью, выразил абсолютную и непреклонную убежденность в том, что жертва рассталась с жизнью прежде, чем ее убийца принялся орудовать своим очень длинным и очень острым ножом.

Как я уже упоминал, мертвец был облачен в весьма странный костюм — сильно поношенные штаны и куртку из пурпурного велюра и ярко-оранжевую жилетку, все это с огромными заплатами из материи самых невообразимых, вызывающе контрастных цветов. Именно эти заплаты наряду с многочисленными трещинами на подошвах ботинок погибшего и общим плачевным состоянием его одежды позволили первому прибывшему на место убийства детективу — человеку, не способному видеть глубже самой верхней оболочки мира (я должен признаться, что в нашем унылом уголке на западе

Пенсильвании нет ровно ничего привлекательного для лучших мастеров сыска), — опознать в нем бродягу, хоть и с необыкновенно большими ногами.

— Дурень ты, Ганц! Скорее всего, это не настоящие его ботинки, — мягко заметил я. Позвонив мне в пансион с той жуткой лесной поляны, он оторвал меня от ужина — брунсвикского рагу (коронного блюда моей хозяйки), приготовленного, по крайне неприятному совпадению, из свинины и *беличьего мяса*. — Он носил их, чтобы смешить публику.

— Они и правда смешные, — сказал Ганц. — Если подумать. — Детектив Джон Ганц был крупным детиной — широкий костяк, облеченный в румяную плоть. Он дышал ртом, ходил, понуро сутулясь, как часто ходят люди высокого роста, и пять раз на дню совершал один и тот же ритуал: доставал расческу и приклеивал свои редеющие светлые пряди к макушке, предварительно мазнув их бриллиантином.

Когда я добрался до поляны, прервав свой одинокий ужин, труп лежал в той же позе, в какой его застали молодые охотники, — навзничь, вскинув руки по обе стороны от своего освежеванного лица. В этом жесте читалось удивление, сразу

подогревшее надежду бедного доктора Соэра на то, что смерть несчастного от пистолетного выстрела предшествовала надругательству над его телом. Ганц или еще кто-то из полицейских милосердно прикрыл изуродованную голову куском замши. Довольно было на одно мгновение заглянуть под него, чтобы узнать о состоянии головы все, что могло бы понадобиться мне или читателю, — я никогда не забуду этой чудовищной безгубой улыбки, — и заметить необычный галстук, на котором бродяга остановил свой выбор. Это была гигантская обвисшая бабочка, белая в оранжевый и пурпурный горошек.

— Черт побери, Ганц, — сказал я, хотя в действительности мой вопрос вовсе не был адресован этому увальню, который — я знал — едва ли сможет ответить на него в относительно скором времени. — Что делает в моем лесу мертвый клоун?

Мы не нашли при трупе ни бумажника, ни какого бы то ни было удостоверения личности. Мои люди вместе с лучшими силами полицейского управления Эштауна вновь и вновь прочесывали лес к востоку от города, ежечасно увеличивая радиус своих поисков. В тот день, в минуты, свободные от исполнения прочих моих обязан-

ностей (тогда я пытался покончить с шайкой Дашника, занимавшейся контрабандой и сбытом сигарет в наших краях), цепочка умозаключений привела меня к цирку братьев Энтуистл-Илинг, который, как я вскоре припомнил, недавно останавливался у восточной окраины Эштауна, на опушке леса, где было обнаружено тело.

На следующий день мне удалось связаться с зимней базой цирка в Перу и переговорить с его главным управляющим, человеком по фамилии Онхойзер. Он сказал мне по телефону, что труппа покинула Пенсильванию и сейчас направляется в Перу, и я спросил, не поступало ли от ее директора сигналов о внезапном исчезновении одного из клоунов.

— Об исчезновении? — переспросил он. Я пожалел, что не вижу его лица, ибо мне послышалась в его голосе какая-то напряженная, фальшивая нотка. Может быть, он просто нервничал, разговаривая с окружным прокурором. Все данные свидетельствовали о том, что цирк братьев Энтуистл-Илинг — сомнительное предприятие, и его деятельностью наверняка уже не раз интересовались представители судебной системы. — Да нет, по-моему, ничего такого.

Я объяснил ему, что в сосновом бору близ Эшта-

уна, Пенсильвания, найдено тело мужчины, который, судя по всему, был при жизни цирковым клоуном.

— Нет-нет, — сказал Онхойзер. — Я искренне надеюсь, что это не наш, мистер Саттерли.

— Не могло ли случиться так, что один из ваших клоунов отстал от труппы, мистер Онхойзер?

— Клоуны — особый народ, — ответил Онхойзер таким тоном, словно хотел оградить себя от дальнейших нападок с моей стороны. — Они любят свою работу, но иногда она начинает, как бы это выразиться, немного их угнетать. — Выяснилось, что сам он в молодости выступал клоуном в цирке, который теперь перешел под его управление. — Для клоуна нет ничего необычного в том, чтобы на время отойти от дел и позволить себе месяц-другой честно заслуженный отдых в каком-нибудь тихом городке, — это позволяет им, так сказать, снова обрести форму. Не то чтобы это *принято*, но так бывает. Я позвоню директору труппы — они сейчас в Кантоне, в Огайо, — и попробую что-нибудь выяснить.

Из подтекста нашей беседы я извлек, что клоуны — люди нервные и порой срываются в неожиданный загул. Наверное, этот бедняга бросил здесь якорь пару недель назад и залечивал душев-

ные раны, хлеща горькую, покуда не повздорил с кем-то очень опасным и, возможно, не питающим большой любви к клоунам. Честно говоря, внутренний голос нашептывал мне — хотя пока факты этого не подтверждали, — что простые жители Эштауна и его окрестностей могут спать спокойно, не боясь разгуливающего на свободе убийцы. В очередной раз я вынул листок бумаги, который положил утром под пресс-папье. Это была справка, врученная мне доктором Соэром: «Коулрофобия — болезненный, иррациональный страх перед клоунами или отвращение к ним».

— Кхм… послушайте, мистер Саттерли, — снова заговорил Онхойзер. — Надеюсь, вы не будете против, если я спрошу. Надеюсь, это не входит в число конфиденциальных подробностей, которые нельзя разглашать, или чего-то подобного. Но я знаю, что когда дозвонюсь до них, до моих людей в Кантоне, они захотят узнать.

Я почему-то догадался, о чем он хочет меня спросить. За его любопытством ощущался свербящий страх; в его голосе звучала нотка ужаса. Я ждал продолжения.

— Как он… было ли что-нибудь… как он умер?

— Его застрелили, — сказал я, на минуту откладывая самую интересную часть ответа, словно

натягивая эту слабую ниточку страха. — Пуля попала в голову.

— А было ли… простите. И ничего… больше никаких повреждений? Кроме огнестрельной раны, разумеется.

— Да, его голову действительно очень жестоко изуродовали, — бодрым тоном ответил я. — Вы об этом спрашиваете?

— Ох! Нет-нет, я…

— Убийца или убийцы удалили всю кожу с черепа. Это было сделано весьма умело. А теперь расскажите-ка мне все, что вам об этом известно.

Последовала новая пауза; через несколько секунд по соединяющей нас линии хлынул поток возбужденных электронов.

— Я ничего не знаю, господин окружной прокурор. Мне очень жаль, но у меня срочное дело. Я позвоню вам немедленно, как только…

В трубке раздался гудок. Мой собеседник так торопился дать отбой, что даже не успел закончить фразу. Я встал и подошел к полке — в последние месяцы там, за бюстом Дэниэла Уэбстера, у меня всегда стояла наготове бутылка виски. Захватив ее и пыльный стакан, я снова уселся в кресло и попробовал примирить себя с мыслью, что столкнулся — увы, не в первый раз за время сво-

его пребывания на посту главного блюстителя закона в округе Юггогени — с убийством, в основе которого лежит не обычный сплав глупости, низости и редкостной неосмотрительности, а непостижимые планы существа, злого по самой своей природе. Однако обескураживало меня не то, что преступление, совершенное по наущению некоей злой силы, априори представлялось мне более трудным для раскрытия, нежели деяния глупцов, неудачников или людей с необузданным нравом. Наоборот, зло частенько проявляет себя на удивление понятным образом, посредством несложных схем и силлогизмов. Но присутствие зла, будучи учуяно хоть однажды, нередко пробуждает в воображении публики все, что в нем есть иррационального и неподконтрольного. Это катализатор для возникновения самых абсурдных теорий, псевдонаучных домыслов и не знающих критики космических нагромождений истерии.

В этот момент ко мне в дверь постучали, и вошел детектив Ганц. Раньше я пытался прятать стакан с виски за пишущей машинкой или фотографией моей жены и сына, но теперь это казалось мне напрасной суетой. Я бы все равно никого не обманул. Ганц отреагировал на стакан

в моей руке поднятием брови и ханжеским поджатием губ.

— Ну? — спросил я. Был краткий период, сразу после смерти моего сына и последующего самоубийства моей дорогой жены Мэри, когда я черпал утешение в сочувствии, проявляемом ко мне подчиненными. Затем я обнаружил, что сожалею о своей прежней слабости. — Ну что? Нашли что-нибудь новое?

— Пещеру, — ответил Ганц. — Этот чудак жил в пещере.

Вся гряда низких холмов с лощинами, отделяющая Юггогени от соседнего округа Файетт, изъедена пещерами. В течение многих лет — я тогда был мальчишкой — человек по имени полковник Эрншоу устраивал грошовые туры с демонстрацией переливчатых органных труб и острых каменных клыков Нейборсбургских пещер, пока их не завалило во время таинственного землетрясения 1919 года, похоронившего полковника и его сестру Айрин и положившего конец многочисленным странным слухам об этой эксцентричной пожилой паре. Иногда, блуждая по лесу, мы с приятелями натыкались на опутанный корнями зев какой-нибудь из пещер, чувствовали на себе его прохладное плутоническое дыхание и

подзадоривали друг друга, не решаясь покинуть солнечный свет и вступить в этот мир теней, — мне всегда казалось, что передо мной вход в само легендарное прошлое, где, наверное, доныне тлеют кости индейцев и французов. Именно в одном из этих вестибюлей погребенного прошлого луч фонарика, принадлежащего заместителю шерифа из Планкеттсбурга, блеснул на серебристой крышке банки из-под свинины с бобами. Кликнув своих спутников, полицейский продрался через завесу паутины и очутился в гостиной — она же спальня и кухня — убитого клоуна. Здесь было немного консервов (рагу из говядины с чилийским перцем), примус, переносной фонарь, постельная скатка, походный столовый набор и заряженный старый кольт армейского образца, из которого относительно давно не стреляли. Была даже крошечная библиотека: пособие для скаутов, собрание сочинений Блейка и еще пара книжек, древних и потрепанных. Одна из них, написанная на немецком языке неким Фридрихом фон Юнцтом, называлась «Über das Finstere Lachen» и была то ли религиозного, то ли философского содержания; в другой, маленьком томике в переплете из черной кожи, я увидел вязь неизвестного мне алфавита — плавные строчки,

ощетинившиеся диакритическими значками.

— Шибко он грамотный для клоуна, — сказал Ганц.

— По-твоему, Джек, они только и умеют что толкаться да поливать друг дружку сельтерской из сифона?

— А разве нет?

— Нет. В душе клоунов кроются неизведанные глубины.

— Я тоже начинаю склоняться к такому мнению, сэр.

У самой ровной стены пещеры, прямо за фонарем, стояло большое зеркало с погнутыми металлическими скобками, на которых, догадался я, оно когда-то висело в мужском туалете на какой-нибудь бензозаправке. Около него был найден предмет, убедивший детектива Ганца (а теперь, когда я осмотрел его, и меня тоже), что в пещере действительно проживал размалеванный цирковой клоун, — большой деревянный ящик с набором гримировочных принадлежностей, снабженный замком и имеющий довольно сложную конструкцию. Я велел Ганцу пригласить питтсбургского криминалиста, который негласно помог нам во время расследования ужасного дела Примма, напомнив ему, что до прибытия мистера

Эспая и его черного чемоданчика с кисточками и светящимися порошками никто не должен ничего трогать.

Воздух в пещере был едкий и солоноватый, с примесью затхлого мускусного аромата животного происхождения, странным образом напомнившего мне запах под шатром передвижного цирка.

— Почему он жил здесь? — сказал я Ганцу. — У нас в городе есть вполне приличная гостиница.

— Может, денег не было.

— А может, он думал, что те, кто его ищет, первым делом отправятся в гостиницу.

На честном простоватом лице Ганца появилось смущение, смешанное с легким раздражением, будто он считал, что я нарочно говорю загадками.

— *Кто* его искал?

— Не знаю, детектив. Может быть, и никто. Я просто думаю вслух.

Ганц нетерпеливо поморщился. Он понял, что я прислушиваюсь к своей интуиции, а интуиция была одним из тех орудий, которые детектив Джон Ганц решительно и бесповоротно исключал из арсенала судебного расследования. Надо признаться, что она и впрямь порой меня подво-

дила. В деле Примма ее подсказка едва не привела нас с Ганцем к гибели. А что касается закадычного дружка моей матери Таддеуса Крейвена и его намерения бросить пить — думаю, я до конца жизни буду жалеть, что послушался тогда своего капризного внутреннего голоса.

— Ты извини, Джек… — сказал я. — Что-то эта вонь меня допекла.

— Я сначала подумал: может, он держал здесь свинью, — отозвался Ганц, склонив голову набок и еще раз для пробы потянув носом воздух. — По-моему, пахнет похоже.

Прикрыв рот ладонью, я поспешил наружу, под сень влажного и прохладного соснового бора. Там я несколько раз вдохнул полной грудью. Тошнота отступила; тогда я принялся набивать трубку, расхаживая перед пещерой туда-сюда и пытаясь связать вместе наше новое открытие и мою беседу с руководителем цирка Онхойзером. Он определенно подозревал, что смерть этого клоуна сопряжена с особыми жуткими обстоятельствами. Мало того — он знал, что и его товарищи-циркачи будут питать те же подозрения, словно в их умах существовал какой-то сумасшедший коулрофоб с ножом, входящий в комплекс профессиональных суеверий наряду с

запретом свистеть в гримерке или оборачиваться во время циркового шествия.

Раскурив трубку, я углубился в лес в направлении поляны, где мальчишки наткнулись на мертвеца, — туда вела найденная полицейскими тропинка. Это была даже не тропинка, а след из примятой травы и сломанных веток, ведущий сложным извилистым маршрутом вниз по склону холма от пещеры к поляне. Видимо, его оставили несколько дней назад жертва и ее преследователь; ближе к концу, где деревья расступались и голубело чистое небо, на земле были заметны борозды, без сомнения, пропаханные каблуками гигантских башмаков клоуна: эксперты обнаружили на них засохшую почву соответствующего состава. Должно быть, у края поляны преследователь настиг клоуна, который в панике, оскальзываясь, бежал вниз, и протащил его то ли за волосы, то ли за ворот рубахи последние двадцать пять ярдов. Отпечатки ног предполагаемого убийцы имелись повсюду в изобилии — судя по ним, он был в длинных туфлях с заостренными носами. Но самую большую загадку представляли следы третьей разновидности, рассеянные там и сям вдоль холодной и черной глинистой тропы. Казалось, их оставил

босоногий ребенок лет восьми-девяти. И провалиться ему на этом месте, воскликнул Ганц в заключение своего отчета, если этот босоногий ребенок не танцевал!

Я вышел на поляну, чуть запыхавшись, и стоял там, слушая, как шумит ветер в соснах и рокочет отдаленная автомагистраль, пока моя трубка не погасла. День выдался прохладный, но небо с самого утра оставалось чистым, и в напоенном ароматами лесу царили тишина и покой. Тем не менее, стоя на подстилке из прелых листьев, где было обнаружено тело, я чувствовал, как в душу ко мне закрадывается беспокойство. Я не верил в привидения тогда и не верю сейчас, однако, пока солнце опускалось за верхушки деревьев, удлиняя и без того длинные тени вокруг, во мне окрепло непреодолимое убеждение, что за мной кто-то наблюдает. Вскоре это чувство стало еще сильнее и, так сказать, локализовалось: теперь я был уверен, что увижу неизвестного наблюдателя, стоит мне только оглянуться. Решительно — от природы я не слишком отважен, но в тот раз действовал так, будто отвага у меня в крови, — я вынул из кармана спички и снова раскурил трубку. Затем повернулся. Я знал, что, обернувшись, увижу не Джека Ганца или кого-нибудь из других

полицейских, поскольку любой из них уже давно заговорил бы со мной. Нет — там либо вовсе ничего не будет, либо окажется нечто, чего у меня не хватает духу даже вообразить.

Так оно и вышло: это оказался бабуин, который сидел на корточках посреди тропы и смотрел на меня близко посаженными оранжевыми глазами, держа у бока одну лапу, сжатую в кулак. У него были пышные усы и длинная собачья морда. Широкая грудная клетка и густые бачки позволили мне предположить — как потом выяснилось, правильно, — что это самец. Несмотря на свои внушительные размеры, бедняга представлял собой довольно жалкое зрелище. Его свалявшаяся шерсть была заляпана грязью, а на ноги толстым слоем налипла хвоя. В глазах его застыло до боли грустное, потерянное, почти умоляющее выражение, хотя мне почудилось, что в этой немой мольбе сквозит намек на оскорбленное достоинство. Возможно, причиной тому была шляпа, которая сидела у него на голове, — конической формы, раскрашенная оранжевыми и пурпурными ромбами, да еще с большим ярко-оранжевым помпоном. Завязанная у него под подбородком черной ленточкой, она съехала с макушки и торчала вбок под забавным углом. Пожалуй, мне

самому захотелось бы убить того, кто нацепил на меня такую шляпу.

— Так это был ты? — спросил я, вспомнив рассказ По о свирепом орангутанге, размахивавшем бритвой в парижской квартире. Имела ли эта история реальные основания? Мог ли клоун принять смерть от рук своего любимца и товарища, который — на что теперь ясно указывал животный запах в пещере, еще недавно поставивший меня в тупик, — делил с ним тяготы его отшельнического существования?

Бабуин отказался отвечать на мой вопрос. Тем не менее спустя минуту он поднял свою длинную, скрюченную левую руку и показал себе на живот. Смысл этого жеста был очевиден, а заодно я получил и нужный мне ответ: если он не мог вскрыть банку сосисок с фасолью, разве в его силах было подвергнуть тело своего владельца или партнера столь изощренной и жестокой хирургической операции?

— Ну ладно, старина, — сказал я. — Давай-ка раздобудем тебе чего-нибудь перекусить. — Я сделал шаг по направлению к нему, слегка опасаясь, что он пустится наутек или, еще того хуже, бросится на меня. Но он по-прежнему сидел, тоскливо сгорбившись, сжимая что-то в своей правой

лапе. Я приблизился к нему. От его отсыревшей шерсти нещадно воняло. — А тебе не мешало бы помыться, верно? — машинально сказал я, будто обращаясь к чьей-то усталой старой собаке. — У вас с приятелем не было привычки вместе принимать ванну? Ты был здесь, когда это случилось, дружище? Не подскажешь, чьих рук это дело?

Животное смотрело на меня снизу вверх, и в глазах его светилась та пронзительная и мудрая печаль, которая придает мордам человекообразных обезьян и мандрилов выражение братского упрека, словно люди изменили святым принципам нашего общего рода. Я осторожно потянулся к нему. Он сжал мои пальцы своей сухой кожаной лапой и в следующий миг внезапно прыгнул прямо ко мне на руки, точно ребенок, ищущий утешения. Его невыносимый смрад — помесь скунса с помойкой — ударил мне в нос. Я задохнулся и едва не упал, а бабуин завозился, стараясь обхватить меня всеми четырьмя лапами. Должно быть, я испустил невольный крик; мгновенье спустя меня будто дважды грохнули по голове железной крышкой; грузное животное обмякло и с ужасным, почти человеческим вздохом разочарования соскользнуло наземь у моих ног.

Ганц и двое полицейских из Эштауна подбе-

жали ко мне и оттащили в сторону мертвого бабуина.

— Он не… он просто… — я был в такой ярости, что это мешало мне говорить связно. — Вы же могли попасть *в меня*!

Ганц закрыл животному глаза и вытянул его лапы вдоль туловища. Правая была до сих пор сжата в косматый кулак. Не без некоторых усилий Ганцу удалось разжать его. И тут с губ моего помощника сорвалось непечатное восклицание.

На ладони у бабуина лежал человеческий палец. Мы с Ганцем переглянулись, тем самым подтвердив без слов, что у мертвого клоуна имелся в наличии полный комплект соответствующих единиц.

— Проследи, чтобы этот палец отдали Эспаю, — сказал я. — Возможно, мы узнаем, кому он принадлежал.

— Женщине, — отозвался Ганц. — Посмотрите, какой ноготь.

Я взял у него палец, держа его за изжеванный, окровавленный конец, чтобы ненароком не испортить улики, которые могли прятаться под длинным ногтем. Хоть и твердый, он оказался до странности теплым — наверное, благодаря тому, что провел несколько дней в лапе животного,

пусть в малой степени, но все-таки отомстившего убийце своего хозяина. Похоже, это был указательный палец с аккуратно подпиленным, заостренным ногтем длиной чуть ли не в три четверти дюйма. Я покачал головой.

— Он не накрашен, — сказал я. — Даже без лака. Многие ли женщины ходят с такими?

— Может, краска стерлась, — предположил один из полицейских.

— Может быть, — сказал я. Потом опустился на колени рядом с телом бабуина. У него на шее, сзади, я заметил рану — длинную, глубокую, под коркой грязи и запекшейся крови. Перед моим мысленным взором встала эта картина: бабуин, как босоногий ребенок, танцует вокруг убийцы и его жертвы, в борьбе прокладывающих свой путь к поляне. Отогнать такого зверя мог лишь достаточно сильный мужчина. — Поверить не могу, что вы прикончили нашего единственного свидетеля, детектив Ганц. Бедняге просто захотелось меня обнять.

Это сообщение, похоже, не только озадачило, но и изрядно позабавило Ганца.

— Он был обезьяной, сэр, — сказал Ганц. — Сомневаюсь, что…

— Он умел подавать знаки, дуралей! Он объяс-

нил мне, что голоден!

Ганц заморгал, пытаясь, по-видимому, добавить в свою персональную инструкцию параграф о потенциальной полезности цирковых обезьян при полицейских расследованиях.

— Если бы в моем распоряжении была дюжина таких бабуинов, — сказал я, — у меня никогда не возникло бы нужды покидать кабинет.

В тот вечер перед возвращением домой я заглянул на склад для хранения вещественных доказательств на Хай-стрит и взял оттуда две книги из тех, что были найдены нынче утром в пещере. Когда я вышел обратно в коридор, мне померещился какой-то странный запах — странный, во всяком случае, для этого унылого царства линолеума и зудящих ламп дневного света. Это был запах моря — свежий, резкий, солоноватый аромат. Я решил, что здесь, должно быть, вымыли пол каким-то новым дезинфицирующим средством, но это напомнило мне и запах крови, исходящий от пакетов с образцами и закрытых контейнеров, которые хранились на складе. Я повернул в замке ключ, сунул книги в скользких защитных конвертах к себе в портфель и зашагал по Хай-стрит в сторону Деннистон-роуд, где расположена публичная библиотека. По средам она

закрывалась поздно, а если я со своим университетским немецким хотел сколько-нибудь близко познакомиться с герром фон Юнцтом, мне был необходим немецко-английский словарь.

Библиотекарь Люси Бранд ответила на мое приветствие с осторожным видом человека, который надеется быть вознагражденным за свое терпение двумя-тремя интригующими новостями. Сообщение об убийстве, не обремененное излишними подробностями, было опубликовано в эштаунском «Сплетнике» накануне утром, и хотя я предупредил незадачливых охотников за белками, чтобы они не распускали языки, по округе уже поползли слухи, полные нелепых догадок и откровенной лжи; я же достаточно хорошо знал свой родной город и понимал, что дело необходимо закрыть как можно скорее, иначе ситуация легко выйдет из-под контроля. Прецедент 1932 года — я имею в виду появление в наших краях таинственного Зеленого человека и связанные с этим события — как нельзя лучше продемонстрировал, что у моих земляков есть досадная склонность ударяться в панику чуть ли не по любому поводу.

Найдя на полках словарь Кёлера, я под влиянием внезапного импульса свернул к каталогу,

чтобы поискать в нем Фридриха фон Юнцта. Ни одной карточки с работой этого автора в ящиках не оказалось — пожалуй, это едва ли заслуживало удивления, поскольку городок у нас маленький и библиотека сравнительно небогата. Тогда я обратился к полкам со справочной литературой и полистал энциклопедии по философии и сравнительной филологии, но и там не нашлось никакого упоминания о фон Юнцте (хотя на титульном листе его книги значилось, что он имеет дипломы Тюбингенского университета и Сорбонны). Складывалось впечатление, что Фридрих фон Юнцт безжалостно вычеркнут из пыльных анналов тех научных дисциплин, коим он себя посвятил.

Лишь когда я закрывал «Энциклопедию археоантропологических исследований», мне в глаза вдруг бросилось одно название — я заметил его буквально за миг до того, как книга со стуком захлопнулась. Это название я уже видел в книге фон Юнцта: Урарту. Я едва успел сунуть между страниц кончик большого пальца; еще полсекунды, и драгоценное место было бы безвозвратно утеряно. Обнаружилось, что имя фон Юнцта также спрятано (вернее, захоронено) в саркофаге этой статьи, длинной и нудной, посвященной трудам

некоего оксфордца по имени Сент-Деннис Т. Р. Гладфеллоу, «крупного специалиста, — как говорилось в статье, — в области изучения верований древних, большей частью неизвестных народов, условно называемых ныне протоурартскими». Нужная мне ссылка была втиснута в столбец, изобилующий сравнениями обломков различных артефактов из обсидиана и бронзы:

> К анализу этих ритуальных орудий Г., возможно, подтолкнули недавние находки Фридриха фон Юнцта на раскопках бывшего храма Иррха в северной части центральной Армении, в том числе несколько жертвенных клинков, имеющих отношение к культу протоурартского божества Йе-Хеха, довольно выспренне (хотя, к сожалению, без всяких серьезных на то оснований) охарактеризованного немецким коллегой как «бог темного, или издевательского, смеха», — таким образом, можно признать, что работа этого печально известного путешественника и фальсификатора в данном случае оказалась небесполезной для науки.

После этого перспектива провести вечер в

компании герра фон Юнцта стала казаться мне еще менее соблазнительной. Одной из самых скучных личностей, с какими сводила меня судьба, была моя собственная мать, которая в пору моего раннего детства подпала под влияние мадам Блаватской и ее приверженцев и до самой своей кончины продолжала отравлять мое существование и истощать мое будущее наследство пристрастием к этой неудобоваримой каше, состряпанной из бессмыслицы и лжи. Мать заморочила голову нескольким местным простакам — среди них был несчастный старый пьяница Таддеус Крейвен — и испепелила их так же основательно, как земная атмосфера испепеляет угодившие в нее астероиды. Самыми приятными в моей карьере были эпизоды, связанные с разоблачением жуликов и шарлатанов, наживавшихся на чужом легковерии, и меня отнюдь не вдохновляла мысль о том, что мне придется скоротать вечер в обществе подобного персонажа, вдобавок ко всему прочему изъясняющегося на немецком языке.

Несмотря на все это, меня глубоко поразил самый факт знакомства убитого циркового клоуна с научными сочинениями — пусть и весьма сомнительного толка — о религиозных верова-

ниях протоурартских народов, и я никак не мог закрыть на него глаза. Взяв Кёлера, я отнес его к стойке, где Люси Бранд жадно ожидала от меня хотя бы малой толики животворной информации. Однако я ничем ее не порадовал, и тогда она заговорила сама.

— Он был немец? — спросила она с бесцеремонностью, какой прежде я за нею не замечал.

— *Кто* был немец, дорогая моя мисс Бранд?

— Убитый. — Она понизила голос до хрестоматийного библиотекарского шепота, хотя во всем здании, кроме нас, был один только Боб Сферакис, мирно похрапывающий в зале периодики над старым номером «Грита».

— Не… не знаю, — ответил я, слегка ошеломленный то ли простотой ее вывода, то ли тем, что он ускользнул от меня самого. — Полагаю, это возможно.

Она подвинула словарь ко мне.

— Сегодня приходил другой, — сказала она. — По крайней мере, сначала я подумала, что он немец. Хотя на самом деле, наверно, еврей. Он как-то умудрился найти единственную книгу на иврите, которая у нас есть. Одну из тех, что отошли к нам по завещанию усопшего мистера Форцайхена. По-моему, молитвенник. Крохотный

такой. В переплете из черной кожи.

Конечно, ее сообщение должно было вызвать в моей памяти ответную реакцию, однако этого не случилось. Я надел шляпу, пожелал мисс Бранд доброй ночи и медленно побрел домой со словарем под мышкой и портфелем, где лежали увесистый томик фон Юнцта и книжечка в черном кожаном переплете, крошечные листы которой были испещрены странными загогулинами.

Не стану утомлять читателя рассказом о том, как мучительно я продирался сквозь колючий кустарник неуклюжего и высокопарного текста фон Юнцта. Довольно будет сказать, что большая часть вечера ушла у меня на борьбу с предисловием. Было уже за полночь, когда я добрался до первой главы, и дело близилось к двум часам, когда я наконец накопил достаточно информации, каковую и выложу сейчас перед читателем без всяких иных подтверждений, помимо свидетельства этих страниц, а также без всякой надежды на то, что ее без обиняков примут на веру.

Ночь выдалась бурная; я сидел в кабинете на верхнем этаже круглой башенки, слушая, как дребезжат в рамах оконные стекла, точно в мой старый дом пытается ворваться разом целая тол-

па грабителей. Говорили, что в 1885 году именно в этой комнате под самой крышей Говард Эш, последний из живых потомков основателя нашего города, генерала Аннании Эша, запечатал в конверт пустой бланк своей жизни и отправил себя, должным образом оплатив почтовые расходы, своему Создателю. Под случайными порывами сквозняка время от времени шевелились страницы словаря Кёлера у моей левой руки. Я читал, и мне казалось, будто весь мир заснул и блаженно дремлет в неведении, тогда как меня оставили в «вороньем гнезде» нести одинокую вахту в когтях шторма, примчавшегося к нам с тропика ужаса.

Согласно рассказу ученого или шарлатана Фридриха фон Юнцта, земли, лежащие в окрестностях нынешней северной Армении, породили (вместе с целой уникальной космологией) два враждебных друг другу культа, уцелевшие и до наших дней; последователи одного из них поклонялись Йе-Хеху, Богу Темного Смеха, а приверженцы другого — Аи, Богу Беспредельной и Вездесущей Печали. Те, кто исповедовал культ Йе-Хеха, считали вселенную космическим трюком, розыгрышем верховного божества Иррха, придуманным им ради неведомых целей, юдолью, полной горя и жестокой иронии, единственный

возможный отклик на которую — злобный смех вроде того, каким, по их убеждению, смеялся сам Иррх. Чтобы выразить свое отношение к черной комедии жизни, смерти и всех человеческих потуг, поклонники бабуиноголового Йе-Хеха создали священный бурлеск, упоминаемый Павсанием и одним из путников в диалоге Плутарха «О крушении оракулов». Ритуал начинался со свежевания человеческой головы, снятой с плеч воина, погибшего в сражении, или иного деятеля, пожертвовавшего собой из каких-либо благородных побуждений. Затем клоун-священник надевал на себя эту бескровную маску и танцевал, изображая собой карикатуру на павшего героя. Поскольку поклонники Йе-Хеха в течение долгих веков заключали браки только внутри своей секты, они фактически превратились в своеобразный подвид homo sapiens, характеризуемый противоестественно широкой ухмылкой и белой как мел кожей. Фон Юнцт утверждал даже, что обычай гримировать цирковых клоунов возник после того, как непосвященные принялись неуклюже подражать этим древним мутантам.

Непримиримыми соперниками слуг Бабуина были, как я сказал выше, почитатели Аи, Вечно Скорбящего Бога. Этим мрачным фанатикам

мир представлялся таким же страшным и жестоким, как их заклятым врагам, но их реакцией на вселенскую несправедливость был более или менее постоянный траур. За долгое тысячелетие, минувшее с поры расцвета древнего Урарту, представители этой секты разработали сложную физическую дисциплину, нечто вроде джиу-джитсу или художественной гимнастики убийства, и практиковали ее в основном во время безжалостной охоты на поклонников Йе-Хеха. Ибо они верили, что Иррх, он же Ушедший, этот Молчаливый Завещатель, который целую вечность тому назад выбросил космос через плечо, словно обертку от съеденной селедки, и отправился восвояси, не оставив и намека на свои дальнейшие планы, может вернуться и открыть смысл своего необъяснимого и трагического творения лишь после того, как все племя обожателей Йе-Хеха вкупе со всеми экземплярами их священной книги «Хндзут Дзул», или «Непостижимый обман», будет стерто с лица земли. Только тогда Иррх возвратится после своего вековечного отсутствия, «и какой новый ужас или искупление принесет он с собой, — торжественно возглашал немец, — не дано знать ни единой живой душе».

Все это показалось мне лишь крайне отталки-

вающей разновидностью той самой зороастрийской белиберды, которой так щедро потчевала окружающих моя мать, и я уже подумывал махнуть на свои находки рукой и намекнуть Джеку Ганцу, что дело лучше всего спрятать под сукно и покрыть забвением, однако меня заинтересовали слова, коими Фридрих фон Юнцт завершал вторую главу своего утомительного труда:

> Хотя евангелие цинизма и насмешки, проповедуемое поклонниками Йе-Хеха, нашло широкое распространение во всех странах, сам культ практически исчез, отчасти по причине вражеских нападений, отчасти из-за хронических болезней, порожденных биологической замкнутостью. По некоторым данным, сегодня (книга фон Юнцта была помечена 1849 годом) во всем мире осталось не более 150 его представителей. Почти все они зарабатывают себе на жизнь работой в передвижных цирках. Хотя прочие цирковые деятели осведомлены об их существовании, они не торопятся раскрыть эту тайну рядовой публике. А сами несчастные ведут себя тихо, ежеминутно

находясь в ожидании поступи за ближайшим углом, тени на пологе шатра и безжалостного ножа, который, пародируя их собственный давно забытый ритуал жестокой пародии, отделит от черепа их мертвенно-бледные лица.

На этом месте я отложил книгу — руки мои уже дрожали от усталости — и взял другую, написанную на неведомом языке. «Непостижимый обман»? Едва ли, подумал я: у меня вовсе не было охоты принимать на веру нелепые измышления герра фон Юнцта. Скорее, маленький черный томик просто содержал в себе некие священные тексты на родном языке мертвеца — к примеру, отрывки из Библии. И все же я должен признаться, что кое-какие детали из отчета фон Юнцта пробудили в моей душе неясные, но скверные предчувствия.

Затем за окном вдруг раздался тихий скрип — словно кто-то бережно, почти любовно провел по стеклу пальцем с длинным ногтем. Но этим пальцем оказалась всего лишь качающаяся под порывами урагана ветвь старого тополя, росшего у моей башенки. Я вздохнул с облегчением, чуть пристыженный. Пора на боковую, сказал я себе.

Прежде чем улечься, я подошел к полке, отодвинул в сторону бюст Галена, доставшийся мне от отца, сельского врача, и как следует глотнул доброго теннессийского виски — вкус к нему тоже перешел ко мне по наследству. Подбодрив себя таким образом, я вернулся к столу и взял книги. Честно говоря, я предпочел бы оставить их на месте — а если уж быть совсем откровенным, я с удовольствием вовсе бы их сжег, — но моим долгом было сохранить их в неприкосновенности, покуда они находятся у меня на руках. Я положил их в казенные конверты, сунул к себе под подушку, лег в постель — и мне приснился самый плохой сон в моей жизни.

Это был один из тех снов, где вы точно муха на стене, бесплотный наблюдатель, не способный ни заговорить, ни вмешаться в происходящее. На сей раз меня угостили историей человека, сыну которого было суждено умереть. Этот человек жил в том уголке света, где ржаво-красная земля порой источала зло, словно горючие миазмы давным-давно захороненной в ней мертвечины. И все же год за годом он, верный своему кодексу чести, смело встречал атаки темных сил, вооруженный лишь юридическими справочниками, сводами законов и постановлениями окружного

совета, словно прикрывая тех, кто был вверен его попечению, жалким газетным листом, делая вид, что низвергающийся на них жгучий черный гейзер — всего только весенний дождик. Эта картина вызвала у меня смех, но соль шутки раскрылась позже, когда этот человек в порыве запоздалого сострадания к своей покойной безумной матери решил не карать за вождение в нетрезвом виде одного из ее бывших любовников, пьяницу по фамилии Крейвен. Вскоре после этого Крейвен поехал в неверном направлении по улице с односторонним движением, где его старенький «хадсон терраплейн» столкнулся — со всеми соответствующими такому случаю комическими звуковыми эффектами — с несущимся ему навстречу велосипедом, педали которого отчаянно крутил бесшабашный и горячо обожаемый сын того самого человека. Это было смешнее всего — смешнее забавных нелепостей, связанных с профессиональными хлопотами этого человека, смешнее его тайного пьянства и тоскливых одиноких ужинов, смешнее даже, чем сделавшее его вдовцом самоубийство: отец пережил сына. Это было до того смешно, что, глядя во сне на этого недотепу, я буквально задыхался от хохота. Я смеялся так буйно, что глаза мои выскочили из

орбит, а улыбка ширилась, покуда не разорвала моих ноющих щек. Я смеялся, пока оболочка моей головы не лопнула, развалившись, как стручок, — и тогда мой череп и мозги взмыли в небо белым невесомым пухом, облачком из эльфийских парашютиков.

Примерно в четыре часа утра я проснулся и заметил, что со мной в комнате кто-то есть. В воздухе витал отчетливый солоноватый запах моря. Я плохо вижу и потому не сразу различил пришельца в полумраке, хотя он стоял рядом с моей кроватью, а его длинная тонкая рука, точно змея, ползала у меня под подушкой. Я лежал абсолютно неподвижно, терпеливо снося близость изящных острых ногтей призрака и шорох его чешуйчатых костяшек, покуда он не выгреб все содержимое моего изголовья и не умчался с ним в окно спальни, оно же зев Нейборсбургских пещер, у которого продавал в будке билеты крошечный полковник Эрншоу.

Теперь я очнулся по-настоящему и сразу же полез под подушку. Книги все еще были там. В восемь часов утра я вернул их на склад вещественных доказательств. В девять поступил звонок от Долорес и Виктора Эбботов, хозяев мотеля близ Планкетсбург-Пайк. Один из их по-

стояльцев внезапно скрылся, оставив после себя зловещие следы. Я сел в машину вместе с Ганцем, и мы отправились туда. Эштаунская полиция уже рыскала по территории и домикам мотеля «Виста Долорес». Корзина для мусора в ванной номера 201 была переполнена окровавленными повязками. Похоже, что сбежавший гость держал в своем номере живую птицу: соседи показали, что слышали крики наподобие вороньих. По всей комнате был разлит солоноватый запах, который я тут же узнал; одним из нас он напомнил запах на берегу океана, другим — запах крови. Когда насквозь промокшую подушку отправили в Питтсбург на экспертизу к Эспаю, выяснилось, что она пропитана человеческими слезами.

Ближе к вечеру, вернувшись из суда, я обнаружил в своем кабинете записку от доктора Соэра. Он закончил аутопсию и предлагал мне зайти. Прихватив с собой бутылку, спрятанную за бюстом Дэниэла Уэбстера, я направился в окружной морг.

— Этот несчастный сын своей матери был уже мертв, когда его свежевали, — сегодня высокий, нескладный доктор Соэр выглядел не таким угрюмым, как во время нашего последнего разговора. Убежденный методист, Соэр старательно избегал

крепких выражений, однако — по крайней мере, на моей памяти — никогда не чурался крепких напитков. Я налил нам обоим по маленькой, а затем по второй. — Мне пришлось с ним повозиться, потому что у этого бедняги была одна особенность, которую я упустил вначале.

— А именно?

— Теперь я вполне уверен, что он страдал гемофилией. Так что мое определение времени убийства по сворачиванию крови оказалось неточным.

— Гемофилия, — повторил я.

— Да, — сказал доктор Соэр. — Иногда она появляется в результате перекрестных браков между родственниками, как у королевских семей в Европе.

Перекрестные браки. Мы постояли, глядя на печальный силуэт мертвого тела под простыней.

— Кроме того, я нашел татуировку, — добавил Соэр. — Голову скалящегося бабуина. На левом предплечье. Да, и еще одно. У него была какая-то разновидность витилиго. Все горло и шея сзади в белых пятнах.

Заметим кстати, что содержимое ящика с гримом, принадлежавшего жертве, включало в себя кольдкрем, помаду, гримировочную краску алого

цвета, пудреницу, несколько кистей и хлопчатобумажных тампонов и пять баночек грунта с этикетками «Мужской оливковый». Однако там не было и следа белой краски, которую мы столь часто видим на смеющихся лицах клоунов.

На этом я завершаю свой отчет, а с ним и свое пребывание в должности прокурора нашего невезучего, чтобы не сказать проклятого, округа. Я строил свою карьеру — да что там, всю свою жизнь, — опираясь на вещи, которые мог осязать, на истории, которым мог верить, и оценивал всякую прочтенную книгу с позиций разумного скептицизма. Двадцать пять лет, глядя, как люди вокруг вершат преступления, проливают кровь, наносят друг другу увечья и губят себя всеми возможными способами, я крепко сжимал в руках бритву Оккама, стараясь, чтобы мои суждения были непредвзятыми и свободными от праздных домыслов, всячески избегая любых интриг и гадания на кофейной гуще. Моя мать, сталкиваясь с каким-либо бедствием или личным горем, искала их подоплеку в космических эманациях, незримых империях, древних пророчествах и вселенских заговорах; я поставил целью своей жизни отвергать эти глупости и находить для всего более естественные причины. Но мы были

глупцами, она и я, высокомерными болванами, ибо не видели или не желали замечать самое простое объяснение: что мир есть непостижимая шутка и наша человеческая потребность объяснять его чудеса и ужасы, наши устрашающие успехи в изобретении таких объяснений — всего лишь звон оркестровых тарелок, сопровождающий очередной кувырок кривляющегося на арене паяца.

Не знаю, был ли тот безымянный клоун последним, но в любом случае при таких преследователях их едва ли осталось много. И если в мрачной доктрине этих охотников кроется какая-то правда, то возвращения нашего отца Иррха с его неисповедимыми намерениями долго ждать не придется. Но я боюсь, что, несмотря на все их усилия за последние десять тысяч лет, поклонники Аи сильно разочаруются, когда в конце всего, что мы знаем, в завершение всех наших утрат и фантазий стропила мира будут потрясены взрывом ужасного, оглушительного хохота.

Перевод: В. Бабков
2007

Том Корагессан Бойл
ТЫСЯЧА ТРИСТА КРЫС

Том Корагессан Бойл. «Thirteen Hundred Rats», 2008. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Источник текста:
The New Yorker, Jul 7-14 2008

Жил в нашей общине человек, который до смерти жены не держал в доме никакой живности. По моим подсчетам, Джерарду Лумису шел шестой десяток, когда Господь прибрал его Мариэтту, но на панихиде в часовне он выглядел таким исхудавшим и сломленным, будто был лет на десять, а то и двадцать старше. Джерард сидел на передней скамье, весь обмякший, одетый абы как, с неестественно раскинутыми, словно вывихнутыми горем, руками, как если бы грохнулся оземь с огромной высоты, подобно птице, на лету лишившейся оперения. Когда могилу засыпали и мы все разъехались по домам, предварительно выразив ему соболезнования, поползли слухи. Джерард совсем не ест. Не выходит из дома и не

меняет одежду. Кто-то видел, как он стоял в палисаднике, склонившись над мусорным баком, и швырял в огонь лакированные туфли, бюстгальтеры, юбки, парики и даже норковый палантин с взметнувшимися вверх мордой и лапками — покойная гордо дефилировала в нем на Рождество, Пасху и в День Колумба.

Народ, конечно, забеспокоился, да оно и понятно. Община у нас довольно сплоченная — плюс-минус сто двадцать душ, разместившихся в пятидесяти двух особнячках из камня и бревен, что возвел около века назад предприниматель Б.П. Ньюкров, мечтавший создать модель утопического сообщества. Сами мы не утописты (по крайней мере, старшее поколение), но склонны считать, что колонию нашу, затерянную на двухстах сорока гектарах дремучего леса в конце не обозначенного на картах шоссе милях в сорока от города, отличают крепость уз и общность мировоззрения, несвойственные более поздним поселениям, возникшим в непосредственной близости от торговых комплексов, галерей и

аутлет-центров[5].

«Собака ему нужна», — говорили у нас в общине. Я полностью поддерживал этот постулат. У нас с женой пара шелти (не считая двух лорикетов, мирно щебечущих по вечерам, когда мы уютничаем у камина, и одного разжиревшего атлантического леща в аквариуме на стойке в моем кабинете). Как-то за ужином, оторвавшись от чтения газеты и взглянув на меня поверх очков, жена сказала: «Вот, пожалуйста: согласно этой статье, девяносто семь процентов владельцев домашних питомцев говорят, что хотя бы раз в день улыбаются благодаря своим домашним питомцам». Наши шелти — Тим и Тим II — понимающе глазели из-под стола, поджидая, когда я вложу очередную порцию мясных объедков в их подвижные уемистые пасти.

— Ты полагаешь, мне следует с ним поговорить? — спросил я. — В смысле, с Джерардом…

— Это не повредит, — сказала жена. После чего уголки ее губ поползли к подбородку, и она добавила: — Бедняжка…

---

[5] Примечания: 5

Собранные на сравнительно небольшой территории (как правило, вдали от больших городов) магазины крупных фирм, продающих товары со значительной скидкой по сравнению с ценами на те же товары в фирменных магазинах.

Я отправился к нему на другой день, пришедшийся на субботу. Собаки просились гулять, и я прихватил обоих Тимов с собой, отчасти и для примера, но главным образом потому, что попадая домой (по работе мне приходится часто бывать за границей, отсутствовать неделями, а то и месяцами), стараюсь уделять им максимум внимания. Домик Джерарда от нас километрах в трех, и я успел вполне насладиться прелестью зимней поры: было начало декабря, близились праздники, свежий ветер покусывал щеки. Спустив собак с поводка, я шел, запрокинув голову, любуясь тем, как верхушки сосен, посаженных еще Б.П. Ньюкровом, обрамили и украсили небо. Первое, что бросилось в глаза на дорожке, ведущей к дому Джерарда: неубранные опавшие листья на лужайке и не укутанные от мороза кусты. Имелись и другие признаки нерадения: зимние рамы не вставлены; оба мусорных бака у ворот переполнены; ветвь сосны, рухнувшая на крышу во время последней бури, так и свисала с гребня, подобно оторванной лапище великана. Я нажал на кнопку звонка.

Джерард отозвался не сразу. А когда дошаркал-таки в прихожую и приоткрыл дверь, долго смотрел на меня в щелку, точно на чужака. (Ка-

ковым я отнюдь не являлся: знакомы были еще наши родители, многие годы мы с женой играли в бридж против него и Мариэтты, однажды вместе ездили в Хаянис-порт, не говоря уж о том, что каждое лето чуть ли не ежедневно встречались на озере или клубных фуршетах, где расточали взаимные похвалы за принятое некогда независимо друг от друга решение не усложнять свою жизнь обзаведением потомства.)

— Джерард, — сказал я, — здравствуй. Ты как?

Он не ответил. Но выглядел еще более похудевшим, осунувшимся. Выходит, слухи верны: не ест, совсем себя запустил, предался отчаянию.

— А я вот шел мимо, дай, думаю, зайду, — сказал я, вымучивая улыбку, хотя ситуация не располагала к веселью: конечно, мне следовало остаться дома, дать соседу спокойно скорбеть. Но выхода не было, и я сказал: — Гляди, нас тут целая компания: Тим и Тим II.

При звуке своих имен собаки вынырнули из прихваченных инеем кустов, подбежали к двери и, встав задними лапами на половичок, попытались просунуть в щель свои влажные заостренные морды.

— У меня аллергия на собак, — хрипло сказал Джерард.

Через десять минут, покончив с прелиминариями[6] и будучи усаженным на заваленный вещами диван напротив бездействующего камина (Тим и Тим II громко скулили на крыльце), я сказал: «А как насчет кошки?». После чего, не на шутку встревоженный тем, как низко он опустился (одет неопрятно, смердит, гостиная напоминает фойе дешевой ночлежки), привел вычитанную женой статистику про улыбающихся владельцев домашних питомцев.

— У меня и на кошек аллергия, — сказал он, неловко, точно на жердочку, присаживаясь на край сиденья накренившегося кресла-качалки и явно избегая встречаться со мной глазами. — Но я понимаю твою озабоченность и признателен за нее. Не ты первый. Уже человек шесть заходили: кто с макаронным салатом, кто с буженины, кто с профитролями. И питомцев приносили разных. Бойцовую рыбку, хомячков, котят. Мэри Мартинсон пристала на днях на почте, схватила за руку

[6] Примечания: 6

Предварительные, подготовительные переговоры, решения (редко употребляемый бизнес-термин).

и пятнадцать минут уговаривала завести эму[7]. Представляешь?

— А я-то хорош, — сказал я.

— Не кори себя. Ты прав. Вы все правы. Надо кончать с хандрой. И питомец в доме тоже нужен.

Он рывком поднялся с качалки, заходившей ходуном у него за спиной. В заляпанных белых шортах и футболке, едва прикрывавшей костлявые мощи, он напоминал старика из племени масаи, которого мы с женой сфотографировали во время сафари в Кении прошлой весной.

— Дай-ка я тебе кое-что покажу, — сказал он и двинулся в сторону коридора, лавируя между сталагмитами из газет и журналов, высившимися по всей комнате. Оставшись один, я испытал неловкость (вот, значит, что меня ждет, если жена умрет первой) и одновременно острое любопытство. И странным образом, радость. Джерард Лумис больше не одинок, у него завелся питомец: миссия выполнена.

Когда он вновь вошел в комнату, я подумал, что

---

[7] Примечания: 7

Птица отряда казуарообразных, представленного в настоящее время единственным видом — обыкновенным эму, Dromaius novaehollandiae. Ранее эму относили к страусообразным (классификация пересмотрена в 1980-е гг.). Распространен в Австралии и Тасмании.

на плечи ему наброшен яркий переливающийся пиджак, но присмотревшись, понял не без легкого содрогания, что принял за пиджак змею. Она была закинута за шею, и концы свисали вдоль его рук, волочась по полу.

— Питон, — сказал он. — Тигровый. Взрослые особи достигают в длину восьми метров, но мой еще совсем кроха.

Не помню, как я прореагировал. Не потому, что герпетофоб или там еще кто. Просто никто в общине не представлял в качестве питомца змею. Змеи не бегают за мячом, не запрыгивают в машину, пыхтя от радости, не лают, когда их дразнят сыромятной косточкой. Насколько я знаю, они вообще апатичные твари. Способны только ползать и жалить.

— Ну, как он тебе? — спросил Джерард. Правда, без всякого энтузиазма, точно ждал от меня поддержки.

— Красавец, — сказал я.

Не знаю, к чему я затеял этот рассказ. Конечно, участь, постигшая Джерарда, в теории грозит любому из нас: все мы стареем, и наши жены стареют, а в старости человека часто срывает с якоря. Но штука в том, что дальнейшее-то, по сути, вымысел (или художественное воспроизведение

реальных событий), ибо через два дня после моей знаменательной встречи с питоном (Джерард как раз решал, назвать ли его Джейсоном или Сидхартой) мы с женой отбыли в Швейцарию, где у меня клиент, и возвратились лишь спустя четыре месяца. За этот период произошло следующее.

На неделе перед Рождеством сделался сильный снегопад, и на двое суток прекратилась подача электричества. Утром первого дня Джерард проснулся в непривычной для дома прохладе и первым делом подумал про змею. Перед тем как ее купить, он выслушал длинную лекцию от хозяина зоомагазина в торговом центре.

— Змеи — отличные питомцы, — сказал он. — Дайте им пошастать по комнатам, и они облюбуют себе несколько уютных местечек. А главное, приползут к вам и свернутся в клубок на диване, поскольку ваше тело излучает тепло, вы понимаете?

Говорившему (если верить табличке на груди, его звали Бозман, лет сорока на вид, с тронутой сединой эспаньолкой и забранными в хвост облезлыми волосами) явно нравилось раздавать советы. Еще бы: в какой-нибудь Бирме таких рептилий как собак нерезаных, а тут одна змея — четыреста с лишним долларов.

— Но важнее всего (особенно в нашем климате) держать их в тепле. Это же тропическое животное, вы понимаете? Ниже двадцати пяти по Цельсию температура в доме опускаться не должна.

Джерард проверил лампу на ночном столике — не горит. Та же история в коридоре. Снаружи снег валил комьями, точно его формовали в снежки где-то высоко в тропосфере. В гостиной термостат показывал семнадцать градусов, и когда Джерард попробовал прибавить температуру, ничего не произошло. Тогда он скомкал газету и набросал в камин щепок, но куда подевались спички? Поиск ни к чему не привел, в доме разор (вот когда отсутствие Мариэтты пронзило болью, как укус кровососа), ящики комода забиты хламом, стопки тарелок, всё не на месте. Наконец, он наткнулся на старую зажигалку в кармане заляпанных краской джинсов (на полке, в самой глубине шкафа) и разжег огонь. Затем пошел искать Сидхарту. Свернувшись кольцом, змея лежала под кухонной раковиной, там, где труба горячей воды раздваивалась на патрубки, соединявшие ее с краном и посудомоечной машиной, но признаков жизни не подавала — такая же холодная и блестящая, как оставленный на морозе

садовый шланг.

Она была на удивление тяжелой, особенно для змеи, которая в последние две недели — с тех пор, как попала в дом, — ничего не ела, но Джерард выволок неподатливую и охладелую тушу из ее *cachette*[8] и положил перед камином. Пока заваривал кофе на кухне, смотрел на снегопад за окном, вспоминая о временах, когда даже в такую погоду — да, собственно, в любую погоду — ему приходилось идти на службу, и почувствовал укол ностальгии. Может, стоит попроситься обратно — пусть не на прежнюю должность, с которой его с почетом проводили на пенсию, а на другую, на полставки, просто чтобы быть при деле, выбираться из дома, делать что-нибудь полезное. Он схватил телефонную трубку, решив немедленно позвонить Алексу, своему бывшему шефу, обсудить варианты, но телефон отключили вместе со светом.

Он принес кофе в гостиную, сел на диван и стал смотреть, как змея постепенно возвращается к жизни: мелкая дрожь бежала вдоль всего ее туловища, от головы к хвосту, точно рябь от легкого ветерка на поверхности неподвижного водоема.

---

[8] Примечания: 8
Укрытие (фр.).

К тому времени, когда он допил вторую чашку и сварил на газовой плите яйцо, кризис (если можно так выразиться) миновал. Сидхарта как будто оправился. Хотя разве его поймешь? Он и раньше не отличался особой подвижностью, несмотря на раскаленные батареи и специально купленное Джерардом электрическое одеяло, наброшенное поверх плексигласового террариума, в котором Сидхарта любил лежать, свернувшись кольцом. Джерард просидел долго, подбрасывая в огонь поленья, наблюдая за переливом змеиных мускулов, за возникавшим из пасти темным раздвоенным язычком, покуда ему в голову не пришла мысль, что, возможно, Сидхарта проголодался. Когда Джерард спросил у хозяина зоомагазина, чем его кормить, Бозман ответил: «Крысами». Видимо, на лице Джерарда выразилось сомнение, ибо хозяин добавил:

— Нет, конечно, можете и кроликов ему давать, когда подрастет, — сбережете и время, и силы, не так часто придется кормить, но вообще вы увидите, насколько змеи и другие пресмыкающиеся экономичнее нас. Им в топку не надо постоянно подбрасывать филе-миньон и пломбир с шоколадным сиропом и одежда и шубы им, кстати, тоже ни к чему.

Он сделал паузу, чтобы посмотреть на змею, неожившуюся в террариуме под лучами рефлектора.

— Я только вчера скормил этому оглоеду целую крысу. Он на ней, по меньшей мере, неделю продержится, а то и две. А потом подаст знак.

— Как? — спросил Джерард.

Пожатие плеч.

— Может быть, цветом — заметите, что раскраска поблекла. А может, просто станет малость заторможенным.

Тут они оба посмотрели на змею — на глазки-бусины, на туловище, казавшееся частью сука, на котором оно лежало. Змея была похожа на неодушевленный предмет, и Джерард не понимал, как может кто-либо, пусть даже эксперт, утверждать, что она живая. Затем он выписал чек.

Теперь эта мысль не давала ему покоя: змею пора кормить. Конечно, пора. Прошло две недели, как он раньше не подумал? Забросил животное, а это непростительно. Он встал с дивана, чтобы закрыть дверь и подбросить в огонь дровишек, затем вышел на улицу расчистить от снега площадку перед гаражом, затем сел в машину и по длинной петляющей проселочной дороге поехал к шоссе, ведущему к Ньюкрову и торговому

центру. Поездка была кошмарной. Грузовики обстреливали ветровое стекло очередями талой жижи, от мельтешения «дворников» кружилась голова. Доехав, Джерард вздохнул с облегчением: в торговом центре был свет — все вокруг сияло и переливалось, как на предрождественской распродаже в Лас-Вегасе, а благодаря нескольким искусным маневрам ему даже удалось втиснуть свой драндулет у самого входа, между горой снега, наваленной снегоуборочной машиной, и местом стоянки для инвалидов.

В зоомагазине пахло первозданной природой: казалось, каждая тварь в каждой клетке и стеклянном кубе испражнилась, салютуя его появлению. Было страшно натоплено. И ни одного покупателя. Бозман стоял на подставной скамеечке, шуруя в одном из аквариумов пылесосом.

— Здрасьте-здрасьте, — нараспев сказал он. — Джерард, да? Знаю, зачем пожаловали.

Привычным движением, точно поглаживая кошку или хорька, он расправил хвост на затылке.

— Крыса нужна. Я прав?

Крыса (он ее не видел; Бозман держал крыс в подсобном помещении) была выдана ему в картонной коробке с ручкой из штампованной

проволоки — в ресторанах в такие обычно кладут еду «на вынос». Зверь оказался тяжелее, чем Джерард предполагал, и тяжесть эта была подвижна, мигрировала внутри коробки, пока он нес ее к машине и ставил на переднее сиденье. Запустив двигатель, Джерард сразу включил обогрев, чтобы животное не простыло, но потом подумал, что оно теплокровное, с шерстью, да и вообще зачем. Все равно его скоро съедят. Дорога была скользкая. Видимость — нулевая. Он пристроился за снегоуборщиком и тащился за ним до самых Садов Ньюкрова, но когда вошел в дом, камин все еще пылал.

Порядок. Он поставил коробку на пол, а затем поволок террариум из спальни в гостиную и придвинул его поближе к камину. После чего взял змею на руки (она показалась ему намного теплее, особенно с того боку, что был ближе к огню) и осторожно опустил в террариум. На миг она ожила, подергивая мышцами, поводя массивной плоской головой, точно силясь рассмотреть Джерарда окаменелым взглядом, но тут же снова опала, распластавшись на плексигласовом полу. Джерард опасливо наклонился над коробкой с крысой (что если выскочит, тяпнет, дунет через всю комнату под плинтус и поселится там

навсегда, как оживший персонаж знаменитого мультфильма?), с замиранием сердца перенес ее в террариум и открыл крышку.

Крысенок (белый, с розовыми глазенками, похожий на подопытных мышей, которых в бытность свою студентом Джерард часто видел в клетках лаборатории на биологическом факультете) соскользнул на пол, как силиконовый сгусток, сел на задние лапки и стал деловито себя вылизывать, будто не было в мире ничего более естественного, чем, проехавшись в картонной коробке, оказаться в стеклянном загоне по соседству с выпускавшей трепещущий язычок рептилией. Которая к тому же, возможно, и голодна.

Долгое время ничего не происходило. В окно тыкались снежинки, в камине потрескивали дрова. А потом змея еле заметно пошевелилась, стала как будто ярче, словно усилие, произведенное глубоко под чешуей, отразилось на поверхности туловища. Крысенок оцепенел. В считанные доли секунды осознал опасность. Весь сжался, очевидно полагая, что так он менее заметен. Джерард наблюдал, потрясенный, не понимая, как этот сопляк, рожденный в ленивой безмятежности зоомагазина, гладкий и розовый, копошившийся вместе с остальным выводком у сосков своей

матери, отделенный многими крысиными поколениями от полевой жизни, приучившей его предков бояться твари с переливчатым длинным туловищем, имя которой «змея», — как он узнал об опасности? Медленно, миллиметр за миллиметром змея приподняла голову над плексигласовым полом и застыла напротив крысенка, точно ожившая статуя. И вдруг бросилась, да так стремительно, что Джерард едва не проморгал, но крысенок был начеку, словно всю жизнь только к этому и готовился. Одним отчаянным долгим прыжком он перемахнул через змеиную голову и кинулся в дальний угол террариума, где принялся по-птичьи пищать, впившись глазами в бледное, нависшее над ним лицо Джерарда. И кем Джерард себя ощутил? Он ощутил себя божеством, римским императором, способным казнить и миловать одним движением большого пальца. Крысенок царапал плексиглас. Змея развернулась и изготовилась к повторной атаке.

И тогда, будучи божеством, Джерард запустил руку в террариум и вознес крысенка над питоном. Зверек оказался на удивление теплым и быстро сообразил, как вести себя на ладони. Он не сопротивлялся, не пытался удрать, а просто вжался в запястье у кромки рукава свитера, будто

все понимал, будто был благодарен. В следующую минуту Джерард уже баюкал его на груди и сам постепенно успокаивался. Он подошел к дивану и сел, не зная, как поступить дальше. Крысенок глянул на него снизу вверх, содрогнулся всем телом и мгновенно уснул.

Положение было, мягко говоря, непривычным. Никогда раньше Джерард не ласкал крыс и уж тем более не позволял им спать, свернувшись калачиком, у себя на свитере. Он наблюдал за тем, как вздымается и опадает крысиная грудка, изучал строение лапок, похожих на младенческие ладошки, видел жидкие пучки бесцветных усов, чувствовал гибкий хвост, лежавший на перемычке между пальцами, как замшевый шнурок курточки, которую носил в детстве. Огонь в камине почти потух, но Джерард не встал, чтобы подбросить поленья. А когда решил открыть банку консервированного супа, крысенок отправился с ним, проснувшись и удобно примостившись у него на плече. Он чувствовал, как шею то нежно щекочет шерстка, то покалывают усики, а иногда в нее тыкался горячий нос. Когда же Джерард запалил свечу и начал есть суп, зверек перебрался к нему на колени, встал на задние лапки и, вытянувшись, положил передние

на край стола. Как было удержаться, чтобы не выловить картофельный кубик из наваристого золотистого бульона и не вложить в нетерпеливую оскаленную пасть? А потом еще один. И еще. Когда он лег спать, крысенок лег рядом, и, просыпаясь ночью раза два или три, Джерард ощущал его присутствие, его дух, его сердечко, его тепло — не какая-нибудь рептилия, холодная безучастная тварь с раздвоенным язычком и мертвыми глазами, а полное жизни существо.

Когда он проснулся на рассвете, в доме был жуткий холод. Джерард сел на постели и огляделся. Панель радиочасов пуста — значит, свет так и не дали. Почему бы это? Он заставил себя спустить босые ноги на пол и сразу же подумал про крысенка — вот он, маленький, угнездился в складке одеяла. Открыл глаза, потянулся, перебрался на подставленную ладонь, юркнул под рукав пижамы и побежал вверх по руке к насиженному плечу. В кухне Джерард зажег на плите все четыре конфорки и духовку и затворил дверь в комнату, чтобы тепло не выветривалось. Лишь когда начал закипать чайник, он вспомнил про камин и змею, оставленную в террариуме, но было поздно.

В тот вечер он снова поехал в зоомагазин,

решив — раз уж так вышло — преобразовать змеиное логово в крысиное гнездо. Хотя нет, «крысиное гнездо» не звучит — мать называла так его комнату, когда он был ребенком. Лучше пусть будет «крысиный домик». Или «крысиный приют». Или… Бозман расплылся в улыбке при виде Джерарда.

— Не иначе за добавкой? — сказал он, лукаво подмигивая. — Неужели требует следующую? Тигровые — страшные обжоры: сколько ни дай — все смолотят.

Джерард был не из тех, кто готов распахивать душу перед первым встречным.

— Да, — только и сказал он в ответ на оба вопроса. И потом добавил: — Взять, что ли, сразу парочку? — И отводя взгляд: — Раз уж я здесь.

Бозман отер руки о фартук цвета хаки, повязанный поверх джинсов, и вышел из-за прилавка.

— Не вопрос, — сказал он. — Отличная мысль. Сколько принести? Они по пять девяносто девять штука.

Джерард пожал плечами. Представил крысенка, его уютную плюшевость, то, как он перескакивает через половичок в несколько коротких прыжков или мчится вдоль плинтуса, точно подгоняемый ветром, как подхватывает орех

передними лапками и садится его грызть, как любит свои игрушки — скрепку, ластик, рифленую пластиковую пробку от бутылки минеральной воды «Эвиан». В миг озарения он дал ему кличку Робби в честь своего брата в Тулсе. Робби. Крысенок Робби. И Робби нужно общение, нужны друзья, как всякой божьей твари. В мыслях о Робби он не заметил, как сказал:

— Десяток?

— Десяток? Вот это да. Жирная будет змеюка.

— Думаете, чересчур?

Бозман привалился к прилавку и разгладил хвост на затылке, пристально вглядываясь в Джерарда.

— Чересчур? Да я хоть всех своих крыс вам продам, только попросите, да еще с бонусом. Песчанок возьмете? Попугайчиков?

Жаб-альбиносов? Бизнес у меня такой, знаете ли, живностью торгую. Зоомагазин — *comprendre*[9]? Но должен предупредить: если ваш питоша в первый месяц всех не пожрет, они начнут плодиться и размножаться. У крыс это

---

[9] Примечания: 9

Понимать (фр.). То, что повествователь употребляет глагол в инфинитиве (правильно по контексту было бы просклонять: «comprenez» — «понимаете»), очевидно, свидетельствует о том, что четыре месяца, проведенные им в Швейцарии, не пошли на пользу его французскому.

быстро: самки входят в пору половой зрелости на пятую неделю после рождения. На пятую.

Он оттолкнулся от прилавка и двинулся мимо Джерарда, жестом поманив его за собой. Они остановились перед полкой с брикетами кормов и разноцветными кулями с наполнителями для звериного туалета.

— Вам понадобится «Крысиное лакомство», — сказал он, стаскивая с полки пятикилограммовый пакет. — И одна-две упаковки вот этих опилок. Держать их есть где?

Когда Джерард вышел из магазина, в руках у него были две клетки из стальных прутьев (с настилом из кедровых досок, чтобы у крыс не развилось неведомое ему заболевание под названием пододерматит), десять килограммов крысиного корма, три мешка наполнителя для туалета и две большие картонные коробки, в каждой из которых сидело по пять крыс. И вот он уже входил в дом, торопливо притворяя за собой дверь, чтобы не выстудить помещение, и Робби, выбравшись из-под диванных подушек, бежал вприпрыжку ему навстречу, и одновременно всюду зажегся свет.

Мы с женой приехали из Швейцарии в середине апреля. Завидя нас, Тим и Тим II, за которыми

в наше отсутствие присматривала домработница Флоренсия, предались бурным восторгам на крыльце, а затем примчались в гостиную, изъявляя такую пылкую радость, что я не смог вернуться к машине за чемоданами, пока не угостил их печеньем, не потрепал хорошенько по спинам и не нашептал сладким голосом весь привычный набор собачьих нежностей. Приятно было вновь оказаться у родного очага, зажить заботами настоящей общины после долгих месяцев пребывания в стерильной чистоте базельской квартиры, вот почему за визитами к соседям, за накопившимися делами на службе и дома я вспомнил о Джерарде лишь спустя несколько недель. Никто не видел его, кроме Мэри Мартинсон, столкнувшейся с ним на стоянке у торгового центра; он наотрез отказался от всех ее приглашений — вместе поужинать, просто заглянуть на огонек, покататься на коньках на озере и даже пойти в клуб на ежегодное мероприятие по сбору средств на нужды общины «Весна священная». Мэри сказала, что он был рассеян и что она сочла это следствием понесенной утраты; пыталась завязать разговор, надеясь ободрить, но услышала в ответ грубость. И еще: она бы предпочла об этом не говорить, но вид у него был запущен-

ный, а запах и того хуже. «Буквально шибало в нос», — сказала Мэри. Хоть стояли они на улице у открытого багажника его машины (набитого, как она успела заметить, какими-то пакетами под названием «Крысиное лакомство»), и дул ветер, и было довольно холодно, от него исходил сильнейший запах уныния и давно немытого тела. «Не мешало бы его навестить», — таково было ее мнение.

Я дождался субботы и, прихватив, как и в декабре, собак, наконец зашагал по широким дружелюбным улицам через шумевший молодой листвой лес к домику Джерарда за холмом. День был славный, солнце подбиралось к зениту, над цветочными клумбами вспыхивали блестки бабочек и мотыльков, легкий бриз щекотал ноздри сладковатым ароматом юга. Соседи притормаживали, проезжая, дабы помахать мне рукой, а некоторые останавливались поболтать, не выключая двигателей. Кэролин Бифстайк на ходу бросила мне из машины букет тюльпанов и таинственный клинообразный предмет, завернутый в пергаментную бумагу, оказавшийся куском «Эмменталера» («С приездом!» — крикнула она, блеснув белозубой улыбкой в обрамлении напомаженных фуксиновых губ), а Эд Саперстайн

остановился посреди дороги рассказать о своем путешествии на Багамы, куда они с женой плавали на зафрахтованной яхте. До Джерарда я добрался только во втором часу.

Я сразу заметил отсутствие тенденции к лучшему. На окнах — слой грязи, а некошеная лужайка перед домом, на которую со всех сторон наступали сорняки, еще никогда не была в таком запустении. Собаки метнулись за чем-то, скрывшись в густой траве, а я переложил букет под мышку, решив подарить его Джерарду, и нажал на звонок. Никакого ответа. Я позвонил еще раз, после чего обошел дом с торца с намерением заглянуть в окна: кто его знает, может, он болен или, не приведи господь, умер.

Окна были мутные, с налетом чего-то белого — не то пуха, не то перхоти. Я слегка постучал в стекло, и мне почудилось, что за ним возникло движение — калейдоскопическое мелькание теней, но слишком неопределенное, чтобы что-либо разобрать. Тогда-то я и обратил внимание на запах, тяжелый, насыщенный аммиачными испарениями, как бывает на запущенной псарне. Я поднялся на заднее крыльцо, заваленное выброшенными лотками от готовых обедов и пустыми мешками из-под корма, и тщетно постучал в

дверь. Ветер усилился. Вглядевшись в мусор у ног, я увидел многократно повторенную на этикетках неоново-оранжевую надпись «Крысиное лакомство» — недостающее звено в цепочке моих логических построений. Но мог ли я догадаться? Да и кто бы смог?

Позднее, вручив жене сыр и букет, я попробовал дозвониться Джерарду по телефону, и, как ни странно, он ответил на четвертый или пятый звонок.

— Здравствуй, Джерард, — сказал я со всей задушевностью, на которую был способен. — Это я, Роджер. Вырвался-таки из объятий своих швейцарцев. Заходил проведать тебя сегодня, но…

Он перебил меня хриплым сдавленным голосом:

— Знаю. Робби мне говорил.

Как я ни жаждал узнать, кто такой Робби (квартирант? женщина?), все же решил на этом не заостряться.

— Ну, — сказал, — как дела? Держишь хвост пистолетом?

Он не ответил. Я послушал дыхание на другом конце трубки и добавил:

— Может, повидаемся? Придешь к нам на ужин?

Еще одна долгая пауза. Наконец он сказал:

— Не могу.

Я не собирался уступать без борьбы. Он был моим другом. Я иначе не мог. Мы жили в общине, где люди небезразличны друг другу и где потеря каждого члена — это потеря для всех. Я попробовал перевести его ответ в шутку:

— Почему нет? Далеко добираться? Поджарим мясца на гриле, разопьем бутылочку Cotes du Rhone…

— Дел по горло, — сказал он. И потом добавил нечто совсем уж загадочное: — Природа. Она берет свое.

— Что ты плетешь?

— Не справляюсь, — сказал он еле слышно, после чего дыхание его смолкло и связь прервалась. Его тело обнаружили через неделю. Пол и Пегги Бартлетт, жившие по соседству, заметили, что запах, идущий из дома Джерарда, с каждым днем усиливается, и когда он им не открыл, сообщили в пожарную часть. Говорят, когда пожарные взломали дверь, из проема хлынуло целое море крыс, разбежавшихся во всех направлениях. Внутри пол был усеян липким крысиным пометом и все — от мебели до гипсокартонных стен и дубовых балок под потолком гостиной — было

изгрызено и стесано до неузнаваемости. Помимо крыс, которым он позволял гулять на свободе, еще несколько сотен содержались в клетках: большинство из них были совсем отощавшие, не обошлось без каннибализма и откусанных конечностей. По подсчетам представительницы АПЖОЖ (Ассоциации по предотвращению жестокого обращения с животными), в доме в общей сложности обитало более тысячи трехсот крыс, из которых большую часть пришлось усыпить в ближайшей ветеринарной клинике, ибо в таком состоянии выхаживать их не взялись бы ни в одном питомнике.

Что касается Джерарда, то он, по-видимому, скончался от пневмонии, хотя не исключали и хантавирус[10] — известие, изрядно напугавшее членов общины, ибо многих грызунов так и не смогли изловить. Всем нам, конечно, было тяжело из-за случившегося, но тяжелее всех — мне. Останься я дома этой зимой, прояви настойчивость, когда уловил характерный запах гниения, стоя под его окнами, он, скорее всего, был бы

[10] Примечания: 10

Вирус, поражающий крыс, мышей и полевок; может привести к развитию заболевания у человека, если выделения или экскременты больных грызунов попадают в его дыхательные пути или пищеварительный тракт.

сегодня жив. Но потом я неизбежно возвращался к мысли о том, что все мы, должно быть, просмотрели в нем какую-то серьезную червоточину: ведь он, прости господи, выбрал себе в питомцы змею, и потом это низшее животное мистическим образом трансформировалось в полчища тварей, которых иначе как вредителями, паразитами и врагами человечества не назовешь, — их надлежит изводить, а не пестовать. Просто непостижимо, как он не погнушался и одну-то крысу к себе подпустить, ласкать ее, спать с ней, дышать одним воздухом?

Две первые ночи я практически не сомкнул глаз, снова и снова проигрывая в голове ужасные сцены. Как он мог до этого дойти? Как такое вообще возможно?

Прощание было кратким, гроб закрыт (все понимали почему — даже люди, не отличавшиеся богатой фантазией, без труда представили его последние минуты). После похорон я был особенно ласков с женой. По дороге с кладбища мы и еще несколько человек заехали перекусить, а дома я обнял ее и долго не отпускал. И несмотря на усталость, не поленился вывести собак на лужайку, побросать им мяч, насладиться видом их шерсти, играющей на солнце, пока они мчатся ему вослед лишь затем, чтобы нести назад, снова и снова, и неизменно класть на мою ладонь — такой теплый, хранящий дыхание их пастей.

Перевод: В. Арканов

2008

Тим Каррэн
ПРОЕКТ «ПРОЦИОН»

Тим Каррэн. «The Procyon Project», 2014. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Это была простая работёнка, и Финн получил её, потому что был настоящим героем маленького, процветающего городка.

Когда он вернулся в Кенберри-Крик с Тихого океана, люди не могли ему угодить.

Они все хотели услышать, как он дал япошкам жару на Гуадалканале. Словно он был там один…

Иногда он и сам начинал верить в свои рассказы… По крайней мере, пока не просыпался среди ночи весь в холодном поту, крича от кошмаров, где перемазанные кровью японские солдаты вновь и вновь, как обезумевшие, фанатично бросались в атаку из горных ущелий.

Но, несмотря на это, он делал всё возможное, чтобы показать себя суровым, крутым морпехом и защитником свободы.

Благодаря этому у него появились бесплатные

обеды, свидания с красотками и даже билеты на премьеры в «Риальто» на Мейн-стрит.

Если они хотели верить, что он — жестокая, пуленепробиваемая машина для убийств, пусть будет так.

Он ведь не идиот: дарёному коню в зубы не смотрят.

Он играл свою роль, а они всё съедали и не давились.

И цена этому — его нервы и левая нога.

Не прошло и двух недель с его возвращения, как ему предложили работу на Блю Хиллз — бывшем заводе по производству пестицидов. Но всё это было прикрытием для научно-исследовательского центра вооружения оборонного ведомства для целей войны. Нечто, под названием «Проект Процион».

Всё, что там происходило, стояло под грифом «строго секретно».

А работа Финна заключалась в том, чтобы проверять на входе и выходе пропуска и удостоверения личности.

Платили отлично, к тому же, оставалась куча времени, чтобы читать журналы.

Финн был человеком ленивым, и после Гуадалканала он твёрдо решил начать жизнь

спокойную и ленивую.

* * *

На следующий день после Хеллоуина 1943 года ему пришлось выйти в ночную смену, потому что двух других охранников призвали в армию.

Он приехал на Блю Хиллз, переоделся, взял в кафетерии чашечку кофе и направился в будку охранника.

Ему повезло. На предприятии настолько не хватало рабочей силы, что сюда взяли даже парочку пенсионеров.

Одним из них был Честер Де Янг — морской пехотинец старой закалки.

Он участвовал в Филиппино-американской войне сорок лет назад.

— Смотрите, кто идёт! — воскликнул Честер, завидев Финна. — Брутальный вояка собственной персоной! И что такой бравый пехотинец, как ты, делает в такой дыре?

Финн усмехнулся.

Честер всегда приветствовал его подобным образом, и Финну это нравилось.

Наверно, он был единственным в городе, кто относился к Финну, как к обычному человеку.

А все остальные вели себя так, словно он сделан

из хрусталя.

Он как-то сказал об этом Честеру.

— Чувство вины, — ответил тогда Честер. — Да, они собирали металлолом, газ выделялся дозированно, в магазинах не было хорошей говядины и капроновых чулок… Но на самом деле страдал именно ты. И они это понимают. Ты отдал ногу за то, чтобы поднять наш флаг. Не беспокойся, сынок. Год или два — и им станет наплевать. Они не захотят больше выслушивать истории бывалого пехотинца. Помяни моё слово.

Тогда Финн ощутил одновременно и спокойствие, и тревогу.

Но именно это он и любил в Честере.

Тот умел преподнести вещи с разных точек зрения.

Каждый раз, когда Финн рассказывал старику о том, что его тревожило, Честер приводил его мысли в порядок и помогал взглянуть под другим углом.

В отличие от его собственного отца, который каждый день просыпался и пялился на расставленные на каминной полке медали Финна, словно те были самим Ковчегом Завета (согласно Библии — величайшая святыня еврейского народа, в котором хранились каменные Скрижали

Завета с Десятью заповедями, а также сосуд с манной и посох Аарона — прим. пер.).

Финн не сомневался, что его старик любил эти медали больше, чем его самого.

— Как сегодня дела?

Честер пожал плечами и потянулся.

— Да как и всегда. Проверяем входящих. Проверяем выходящих. Я уже так наловчился, что должен закупаться в самом крупном супермаркете. А ты как держишься, сынок?

— Неплохо. Да, неплохо.

— Ещё мучают кошмары?

Финн подумал солгать, но потом просто кивнул.

— В последнее время всё хуже. Гораздо хуже.

— Так всегда. У меня тоже такое было. Да и сейчас никуда не делось. Нельзя пройти через войну и остаться нетронутым, как девственный снег. Что-то внутри тебя меняется навсегда. Тебе нужно просто принять это и идти дальше.

Честер рассказывал, что восстание на острове Самар в 1901 году до сих пор преследует его в кошмарах.

Земля была влажной от крови.

Он никогда не забудет людей, которых убил во время штурма.

— Иногда кажется, что прошла целая жизнь с тех пор. А иногда — что всего неделя.

Господи, но ведь прошло уже сорок лет!

«Неужели в 1980-х мне всё ещё будет сниться это дерьмо?!»

Разговор прервал внезапный грохот со стороны одного из главных исследовательских комплексов.

Казалось, вся земля содрогнулась, а затем завибрировала.

Финн вдруг почувствовал головокружение, а внутренности сложно сжало в кулак.

Он неуклюже поднялся на протезе.

— Всю ночь такое слышал, — признался Честер. — Чёрт его знает, что они там делают. Только надеюсь, что нас не взорвут.

Финн вышел из будки и прислонился к стене, вдыхая прохладный свежий воздух.

Безумие — вот что это такое.

Грохот заставил его подобраться. Как тогда, при бомбардировке на Гуадалканале.

Словно всё внутри скручивает в узел.

Отвратительно.

Из-за этой странной вибрации у него кружилась голова, перед глазами будто нависла пелена, а кожа, казалось, пыталась слезть с костей.

Что-то в этой вибрации было неправильное.

— У меня всегда от этого шея начинает болеть, — пожаловался Честер. — А сердце вообще пару ударов пропускает.

Финн подвигал челюстью.

Зубы ломило, словно металл в пломбах и конструкциях начал расширяться.

— Какого хрена они вообще там делают?

Честер лишь покачал головой.

— Не знаю, да и знать не хочу! Меня это не очень заботит.

Финн закурил, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы.

Что-то во всём этом предприятии было странное.

Внезапно его кожу вновь начало покалывать, а секунду спустя, гул возобновился, и земля задрожала.

Его сопровождал высокий электронный писк, а затем снова вибрация.

Голова опять закружилась.

А когда он открыл глаза… Казалось, весь мир двигался, а деревья в лесу шатались, хотя ветра и не было.

Звёзды над головой изменились.

Вместо крошечных, едва заметных точек по-

явились светящиеся, пульсирующие шарики, и расстояние до них казалось гораздо меньшим.

А потом всё вернулось к норме.

— Тоже это почувствовал, да? — спросил Честер. — В первый раз я думал, меня вырвет. Позвонил в корпус А, чтобы узнать, что у них случилось, но доктор Уэстли уверил, что это просто проблемы с генератором.

«Ага. Проблемы с генератором, — подумал Финн. — Дело далеко не в грёбаном генераторе».

Финну казалось, что весь мир чуть не разбился на осколки.

Он не знал, в чём именно заключается проект «Процион», но был чертовски уверен, что он никак не связан с генераторами.

Честер защёлкнул крышку на контейнере для еды.

— Ладно, я пойду. Моя старушка ждёт меня дома с горячим ужином.

И он подмигнул Финну.

— Беспокоится, а вдруг я после работы рвану в город покуролесить с девчонками.

— Ну да, — с трудом выдавил из себя смешок Финн.

Честер помахал ему рукой и вышел за ворота, довольно быстро пересекая стоянку и подходя к

своему старенькому «Форду».

Казалось, что он старается убраться из Блю Хиллз как можно скорее.

И Финн не мог его в этом винить.

* * *

Первый час прошёл быстро.

Финн сидел в будке, слушал концерт Кея Кайсера (американский музыкант, руководитель популярного джаз-оркестра 1930-х и 1940-х годов — прим. пер.) и листал журнал с таинственными, мистическими рассказиками.

Они были спокойными, даже скучными и не производящими впечатления.

Как он и любил.

Где-то около половины второго ночи он начал обход.

Основные исследования проводились в двух зданиях: корпусах А и Б, но существовало ещё с десяток хранилищ и ангаров, которые надо было проверить.

На смене, как и всегда, работали двое охранников: Финн и Джек Койе. Финн должен был наблюдать за сектором у ворот, а Джек — за западным сектором, в который входили корпуса А и Б.

У них всё рассчитано.

Они начали обход в 01:30, а в 02:15 уже встретились в диспетчерской, которая по ночам пустовала.

С тех пор как начали происходить эти странные вещи — шум и вибрации — Финн чувствовал, что слегка на взводе.

Он хотел встретиться с Джеком и выкурить с ним сигаретку.

И не столько ради компании, сколько из-за того, что Джек всегда знал то, что знать ему было не положено.

Джек обычно делал обход быстрее, чем Финн.

С деревянной ногой быстро не походишь.

Несмотря на то, что большая часть парковок и проезжих частей в Блю Хилл освещалась, ночь была чертовски тёмной.

Казалось, чёрный лес прижался к ограде ближе, чем обычно.

Над мрачной чащей и полями сплетённых пожелтевших трав висел полумесяц.

Финну казалось, что он последний человек на земле.

Сырость заползала под пальто и холодила позвоночник.

Финна колотило, и он не мог с этим никак справиться.

Его вновь начали беспокоить фантомные боли в отсутствующей конечности. Подумать только!

Он, прихрамывая, шёл вдоль ограды Блю Хиллз.

Здесь, как и всегда, не было ничего необычного: сорняки, тени и наползающая тьма, которую именно сегодня вечером Финн не переносил.

Возможно, она напоминала ему о мрачных ночах в Бухте Аллигатор во время боя у реки Тенару, когда японцы всю ночь атаковали их позицию… А возможно, она напоминала ему о тянущихся из-под двери комнаты тенях с того времени, когда он был ещё мальчишкой.

Что бы это ни было, Финну стало неуютно.

Он патрулировал дорогу вдоль ограды, освещая фонарём окрестности и почти страшась того, что мог высветить луч света.

Финн напрягся, а сердце заколотилось, как безумное.

Напряжение должно было исчезнуть, как только он вернулся на главную дорогу и направился к котельной, но оно лишь нарастало.

Этой ночью всё было странным.

Всё было неправильным, но он не мог понять истинную причину этого.

Когда он остановился рядом с тёмной громадой

котельной, Финну показалось, что он услышал шум.

Что-то вроде «шшшш, шшшш».

На первый раз он приостановился, а потом продолжил идти, но во второй раз замер, как вкопанный.

Что за хрень?

Финн ждал, глядя на котельную из-за припаркованных прямо на лужайке машин ночной смены.

Шшшш! Шшшш! Шшшш!

Теперь звук стал более настойчивым, исходя от самих машин.

Финн осторожно направился к ним, радуясь, что на бедре у него висит револьвер калибра.38. Рука сама опустилась и сжала рукоять.

По лбу Финна стекла капля пота, когда он обвёл лучом фонаря парковку и автомобили.

Все они были тёмными и пустыми.

Финн заметил, как что-то спряталось за седаном.

Оно было большим, слишком огромным для суслика или даже рыси.

В глубине сознания мелькнула мысль, что это больше походило на бегущего на четвереньках человека.

Финн тяжело сглотнул и огляделся.

Надо было отступать.

В котельной всегда были рабочие… Но что он им скажет?

Что какой-то ночной хищник напугал его до смерти?

«Чёрт, Финн, да морпехи ничего не боятся!»

Звук повторился.

Что бы это ни было, Финну придётся справляться с этим самому.

И снова «шшшш, шшшш». Финн дрожал.

Со времён войны его нервы пошаливали.

Он напрягался при малейшем шорохе.

Он даже спал настолько чутко, что это едва ли можно было назвать сном.

Ветка ли царапнула по крыше или собака залаяла в трёх кварталах от дома — сон как рукой снимало, и Финн лежал, уставившись в потолок, готовый вскочить в любую минуту.

Револьвер дрожал в его руке.

— Эй! — слабо выкрикнул Финн. — Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Никакого ответа. Лишь вновь это «шшшш, шшшш», напоминающее чем-то кузнечика или цикаду… Только вот чтобы достичь нужного уровня в децибелах потребовалось бы около 10.000 куз-

нечиков.

Он осторожно двинулся между машин, освещая себе путь фонариком.

Финн и раньше слышал странные звуки во время кампании на Тихом океане; насекомые и хищники действительно доставляли кучу беспокойства. Но эти звуки ни на что прежнее не походили…

Это было нечто иное.

Оно напоминало мягкое, размеренное разжёвывание.

— Эй! — громче крикнул он.

Жевание прекратилось.

Его сменило гортанное мурлыканье, затем вновь «шшшш, шшшш», только на этот раз звук стал более громким.

Словно предостерегающим.

Он доносился из-за багажника шевроле.

Финн пытался сглотнуть, но во рту пересохло.

В одной его руке ходуном ходил револьвер, в другой фонарик; луч света лихорадочно плясал.

Финн обошёл шевроле, ощущая сладковатый запах разложения, от которого внутренности скрутило в узел.

Мужчина подошёл к багажнику и увидел… Он даже не понял, что увидел…Но это заставило

его сделать три-четыре шага назад и осесть на землю.

Луч фонаря высветил нечто.

Нечто что со звуком «шшшш» поднялось в воздух на перепончатых крыльях, напоминая жужжание вертолётного винта.

Оно пронеслось прямо над Финном и исчезло в темноте.

А Финн сидел на асфальте с бешено колотящимся сердцем, пытаясь сделать вдох.

Чем бы это существо ни было, по размеру оно походило на человека, но выглядело как огромное насекомое. Может, оса. Только тело было усеяно, словно иглами, острыми тонкими волосками, и Финн заметил три ярко-жёлтых круглых глаза.

И пасть, полная загнутых назад клыков, как у гремучей змеи.

Финн поднялся на ноги и заметил останки животного, наверно, енота. Его внутренности были разбросаны по парковке, как разобранный часовой механизм в разбившихся часах.

Это существо… Этот жук… Он ел енота.

Финн повернулся к котельной, намереваясь рассказать всей ночной смене, свидетелем чего он только что стал, но остановился, понимая, что не сможет.

Они решат, что он свихнулся.

Ещё один контуженный на войне пехотинец.

Может, в лицо они ему и не рассмеются, но стоит Финну выйти за дверь…

Нет, он не станет ничего рассказывать.

А может, ему всё привиделось?

Может, у него с нервами гораздо хуже, чем он предполагал?

Может, война действительно что-то сдвинула в его голове?

Но сам Финн в это ни минуты не верил.

* * *

Он понимал, что задерживается, но было непросто работать после встречи с гигантским насекомым.

Может, снаружи его больше и не трясло, но вот внутри он до сих пор мелко дрожал, а внутренности скрутило в узел.

Ему нужно было открыть и закрыть четыре двери, но руки просто ходили ходуном, и первые два ключа он просто не мог вставить в замок.

В конце концов, мужчина замер, сделал глубокий вдох и медленный выдох и заставил себя успокоиться.

«Ты пережил войну, дубина! И теперь места не

находишь из-за какого-то шершня-переростка?!»

Да, мысли были верными. Только звучали неубедительно.

У той твари были зубы. С каких пор у насекомых есть зубы?!

И крылья… Теперь Финн потихоньку вспоминал, но их была не одна пара, а две или три.

Нет, это было невероятно во всех отношениях.

Насекомые не бывают такими огромными. У них не бывает грёбаных зубов.

Финн провернул последний ключ и вздохнул с облегчением.

Он с нетерпением ждал Джека.

Джек с удовольствием посплетничает обо всех странностях, тут и к бабке не ходи.

Финн шёл по пустынной, залитой лунным светом дороге к зданию А и диспетчерской, которая стояла неподалёку от основного строения.

Чашка кофе, сигарета — и Финн снова станет чувствовать себя человеком.

Всё произошедшее обретёт смысл…

Шум. Снова.

Вот чёрт!

Он становился всё громче и громче, словно морские волны, врезающиеся в пирс.

Земля задрожала, и Финн снова оказался сидя-

щим на заднице.

И почти одновременно началась вибрация.

Он чувствовал костями, мышцами, как всё вокруг вибрировало.

Будто всё, из чего Финн состоял, готово было вот-вот разлететься вдребезги.

Голова кружилась, и волнами накатывала тошнота.

И стоило ему моргнуть, как он увидел мир таким, каким ни разу не видел его прежде.

Абсурдный, искорёженный.

Деревья, как длинные извивающиеся пальцы, касаются светящихся облаков.

Здания, как склонённые монолиты.

Звёзды над головой; такие яркие и такие близкие; пульсирующие, осязаемые, как бьющиеся сердца; или словно распахнутые от ярости глаза в окровавленных глазницах.

Финн закричал.

И снова, и снова. И тогда он разглядел на фоне неприятно раздутой, как гниющая дыня, и такой близкой луны рой проносящихся мимо гигантских насекомых.

А затем всё закончилось.

Финн поднялся на ноги и заковылял к диспет-

черской.

Дошёл, прислонился к стене и попытался выровнять дыхание.

Не получалось.

Финн лихорадочно сжимал край металлической полки, потому что боялся, что всё повторится вновь, и на этот раз он действительно разлетится на тысячу осколков.

Минут через пять он пришёл в себя и успокоился.

Насколько это было возможно.

Финн зашёл внутрь диспетчерской и увидел, что Джек Койе уже его ждёт.

Он сидел рядом с радио и отслеживал передвижение воздушного транспорта.

Из уголка его рта торчала сигарета.

Обычно уверенное лицо Джека сейчас было бледным и одутловатым, а под глазами виднелись тёмные круги.

— Сумасшедшая ночка, — произнёс он. — Чертовски сумасшедшая ночка.

Финн упал в крутящееся кресло на колёсиках и прижал ладонь к здоровой ноге, чтобы она не дрожала.

Джек налил ему крепкого чёрного кофе; Финн медленно отпил глоток и затянулся сигаретой.

— Выглядишь так, словно увидел привидение, — заметил Джек.

— И не одно, — ответил Финн.

— Хрен пойми, чем они так занимаются.

— Говорят о каком-то генераторе. Об источнике энергии и прочем дерьме.

— Ага.

— Ходит куча странных слухов.

— Да я сам чуть в штаны не наложил, когда они последний раз его запустили.

Джек отвернулся от радиоточки и посмотрел на Финна.

— Тебя тоже зацепило, да?

— Ага, — кивнул Финн.

— И кишки скрутило?

— Ага.

— И голова кружилась?

— Ну да.

— Хотелось выблевать собственные внутренности?

— Ага. Что это за херня?

Джек качнул головой и закурил вторую сигарету.

И молчал.

Пепел падал на длинное серое форменное пальто, но он, казалось, этого даже не замечал.

— Как только включается та штуковина, радио начинает барахлить. Всё выключается. Одни помехи. И ещё… Самолёты в небе начинают терять скорость и высоту. Полиция не может переговариваться на своих частотах. На электростанциях возникают перебои. А может это всё и не связано, не знаю.

О нет, это всё было связано, в этом Финн был уверен.

Что бы за устройство они там не испытывали, подобного ему мир ещё не видывал.

Финн понятия не имел, что это за механизм может быть, но уже начинал бояться его мощи и потенциала.

Как только они его включали, начиналось безумие.

Небо менялось. Мир менялся.

И с каждым разом было всё хуже и хуже.

«А что насчёт существа, сожравшего енота?» — спросил себя Финн с лёгкой непроизвольной дрожью.

Что за хрень это была?!

И у него снова не было ответов.

Он знал лишь то, что оно выглядело, как какое-то отвратительное насекомое, но в этом мире не существует подобных насекомых.

Он старался убедить себя, что это никак не связано с происходящим вокруг предприятия, но и сам не верил своим уверениям.

Особенно после того, как спустя всего пару минут работы неизвестного механизма он увидел целый рой этих насекомых на фоне луны.

Всё было связано. Но каким образом Финн пока не знал.

Это находилось за пределами его понимания.

— Не знаю, Джек, какого хрена они творят, но они выпускают кучу энергии. Столько, сколько мы в жизни не видели.

Джек кивнул и затушил сигарету.

— Ходит слух об этом генераторе, источнике энергии. Думаю, это и есть ядро «Проциона», что-то реально огромное. На прошлой неделе я работал в дневную смену. Сюда приходила делегация из Минобороны, генерал из военной разведки, а в понедельник, как я слышал, предприятие посещали адмиралы из Управления военно-морских исследований. Это серьёзно, Финн, очень серьёзно. И знаешь, что ещё?

Финн бросил на Джека взгляд.

— Даже боюсь спрашивать.

— Я слышал краем уха, что со следующей недели вахту будем нести не только мы. Они расставят

по периметру солдат.

Финну происходящее нравилось всё меньше и меньше.

Военная полиция и так уже охраняла их главные здания. А теперь ещё и вдоль забора будут ходить?

— Надеюсь, они не взорвут нашу планету к чертям собачьим.

Джек огляделся вокруг, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь.

— Слушай, не стану утверждать, что знаю, что у них там происходит, — прошептал Джек. — Но знаешь что? У меня в Паксли есть двоюродный брат, работает на мясокомбинате. Похоже, здесь, в Блю Хиллз, у них серьёзные дела.

— На мясокомбинате?

Джек кивнул.

— За последние несколько месяцев они доставили множество грузовиков с мясом и кровью.

— Кровью?

— Ага. По словам брата, они доставляют более сорока пяти килограммов сырого мяса и около восьми сотен литров крови животных дважды, а то и трижды в неделю, — признался Джек. — Столько даже маленькая личная армия не съест. А уж про кровь вообще молчу… На хрена им во-

семьсот литров животной крови?!

Финна снова затошнило.

Если учёные работали над каким-то механизмом — это одно. Но здесь явно что-то другое…

Столько крови и мяса… Похоже, они кормят животных.

Но в Блю Хиллз нет животных.

Никакой исследовательской биологической станции; они занимались строго разработкой оружия.

Физика, электроника и тому подобное.

Именно этому был посвящён проект «Процион».

По крайней мере, так говорил люди.

Джек пару секунд помолчал.

— Считаешь это странным? Тогда послушай вот ещё что: им доставляют книги и документы из какого-то университета на востоке. Специальным курьером.

— Какие книги?

Джек язвительно ухмыльнулся.

— Да не абы какие, друг мой. Не технические инструкции, не чертежи, ничего подобного. Эти книги… особенные.

Он снова окинул взглядом комнату, слегка задержавшись на висевших на стенах плакатах

с надписями «Болтун — находка для шпиона» и «Беспечная болтовня может стоить жизни».

— Книги о магии.

Финн не мог поверить собственным ушам.

Они говорят не о фокусах, вроде вытягивания кролика из шляпы, а о чёрной магии.

О редких древних руководствах по тайным знаниям, по исчезнувшим религиям и забытым богам; о книгах заклинаний, которые рассказывают, как вызвать сущность из другого пространственно-временного континуума.

— Ты о демонах? — уточнил Финн. В горле пересохло, и язык еле ворочался.

Джек пожал плечами.

— Ведьмовские книги, Финн, вот о чём я. Мои источники сообщали, что у них странные названия, вроде «Некрономикон» и «Тайны Червя»... Ну, что-то вроде этого. Всякая лабуда на латинском, как в церкви. Эти книги очень и очень старые. И очень редкие. Много столетий назад они были запрещены святой церковью, и до наших дней сохранились лишь несколько копий. Дьявольские книги.

— Да что за чёртово безумие? Ты уверен, что твой человек не решил над тобой подшутить?

Джек покачал головой.

Его лицо стало серовато-бледным, а широко распахнутые глаза, не мигая, уставились перед собой.

Он был не просто обеспокоен. Он был чертовски напуган.

С таким лицом не шутят.

— С помощью этих книг можно призвать… Я даже не могу произнести их имена. И не проси меня.

— Да что это всё значит, Джек? Какого хрена они там делают?

Джек пожал плечами.

— Не знаю. У них есть какое-то устройство, которое посылает волны и что-то подобное, от чего людям становится плохо. Они выбрасывают энергию, от которой звёзды превращаются в забавные шарики. Они закупают кровь и мясо, словно внутри содержат тигров в клетках. И они изучают книги о поклонении дьяволу и ведьмовстве.

Джек тяжело сглотнул.

— Я даже боюсь связывать всё это воедино.

— Я тоже, брат, я тоже, — прошептал Финн.

* * *

Они проболтали ещё час, а потом разделились и пошли на обход.

Кругом было тихо и спокойно.

Финн расслабился. Со стороны главных зданий больше не доносилось никаких признаков активности. Слава Богу!

Он обходил свой участок, наслаждаясь ночью.

И не видел ничего странного.

Всё, что недавно произошло, уходило на задворки памяти с ключевыми словами «ошибки и заблуждения».

Финн до сих пор не мог полностью осознать случившееся, особенно рассказанное Джеком, но он прекрасно понимал, что некоторые вещи лучше оставить в покое и не углубляться.

Не его дело, чем они там занимаются.

Джо Хайдиггер на прошлой неделе предложил ему работу водителя погрузчика на складе, и Финн начал всерьёз обдумывать его предложение.

Возможно, пришло время перемен.

Время полностью отойти от войны и оружия.

Он своё отслужил. Свой долг отдал.

Никто не сможет требовать от него большего.

Ночь была прекрасна. Действительно прекрасна.

За это Финн и любил ночные смены.

Тишина. Спокойствие.

Сверчки.

Ночные птахи.

Одинокий крик совы.

Можно побыть наедине с самим собой.

Можно всё обдумать, принять решения.

Он вернулся в будку, налил чашку кофе из термоса и сел в кресло.

Финн очень надеялся, что остаток ночи будет тихим.

Но когда он услышал топот бегущих ног, он понял, что этому не суждено было случиться.

Он вздохнул, вышел из будки и увидел доктора Уэстли.

Это был один из учёных в проекте «Процион».

Финн вспомнил, что его «коньком» была физика.

В свете фонарика Финн разглядел широко распахнутые глаза и дрожащие губы.

— Там, — выдохнул учёный. — Там… Всё случилось. Мы не можем это остановить. Не можем!

— Что вы не можете остановить? — спросил Финн.

— Устройство! Оно стало работать самостоятельно… Мы ему больше не нужны!

— Ничего не понимаю, — признал Финн.

— Мы… Мы увидели скрытый потенциал для

нового оружия. Господи, да! Да, это была смесь передовых знаний в области физики, теории элементарных частиц и колдовства… Да, да, да! Откуда нам было знать, во что мы впутаемся?! Что мы имеем дело с изначальными силами хаоса?

Он схватил Финна за руку и не думал отпускать.

Глаза доктора смотрели в одну точку, по лбу стекал пот, рот перекосило, а на лице застыла маска животного ужаса.

— Мы их впустили… Да, впустили! Но только насекомых! Клянусь, только насекомых. Мы заглянули через окно многомерной реальности в самое сердце космического антимира! мы кормили насекомых кровью и мясом, и они становились всё крупнее и крупнее! Но они не из нашего пространственного континуума… Разве вы не понимаете? Мы их не сможем вместить. Они способны использовать четырёхмерное пространство. Они проходят прямо сквозь стены! Сквозь стены!

Финна и самого начинало трясти.

— Доктор, вам нужно успокоиться.

— Я не могу успокоиться! Не могу! Устройство всё ещё работает. И мы ему больше для этого не нужны! Оно берёт энергию из самих звёзд, из

атомной структуры веществ. А те существа поглощают энергию и вновь активируют устройство! Оно работает, потому они этого хотят!

— Насекомые?

— Нет, глупец! Те разумы и сознания извне! Те бесформенные сущности, которые хотят довести этот ужас до конца! Чудовища, восседающие на троне первобытного хаоса! Живая первобытная масса ядерного катаклизма…

Уэстли был невменяем, полностью сошёл с ума. Но и Финн недалеко от него ушёл.

Снова послышался шум.

Твою мать!

Земля затряслась, и Финн услышал ревущий звук с холмов, а Уэстли продолжал разглагольствовать дальше.

А затем ударная волна свалила его с и так некрепких ног и выбила из лёгких весь воздух.

Оглушительный гул.

Словно весь Блю Хиллз взяли и подбросили.

Финна накрыло такое ощущение, как после долгого-долгого спуска на лифте вниз.

И снова почти сразу к шуму присоединилась вибрация.

Со стороны корпусов А и Б Финн услышал крики.

Финн поднялся на ноги и неуверенно заковылял в ту сторону, несмотря на подкатывающую тошноту и гудящую голову.

Ему было чертовски сложно передвигаться, но кому-то там, впереди, нужна была помощь. Он должен туда добраться.

Вибрации шли с холмов и накатывали волнами. Финну казалось, что его кости становятся ватными, и он в любой момент может взмыть к небу, как шарик с гелием.

— Нет! — закричал Уэстли. — Не ходите туда!

— Я должен! — закричал в ответ Финн.

Мир вокруг него становился жутким, пугающим.

Всё было неправильным.

Звёзды снова опустились вниз, а искривлённые ветви деревьев, как щупальца, тянулись к небу.

Корпуса А и Б наклонились, как покосившиеся надгробные плиты.

И шевелились, как шатающиеся в дёснах гнилые зубы.

Финн моргнул, пытаясь избавиться от наваждения, но всё осталось, с каждой секундой становясь всё более искажённым.

Пейзаж стал мерзостным.

Он увидел вдалеке неясные тёмные соору-

жения, напоминающие обелиски, сферы и цилиндры.

А затем…

Воздух наполнился жужжанием и хлопаньем крыльев, и всё ночное небо заполонили полчища этих безымянных насекомых.

Он видел, как какие-то существа летают прямо над его головой. Чёрные, лоснящиеся, человекоподобные, но без единого намёка на то, что можно было бы назвать лицом.

Уэстли заорал от одного их вида, а Финн мог лишь стоять и не двигаться — оцепеневший и онемевший свидетель мрачного пересечения миров.

Вибрация становилась всё сильнее и сильнее.

Чёрное небо превратилось в водоворот, освещаемый вспышками молний.

Грохот перерос в рёв грузовых поездов, будто на них надвигался отец всех торнадо.

Раздался оглушительный звук, напоминающий треск статического электричества.

Воздух стал сначала горячим, как погребальный костёр, а затем ледяным, как арктическая пустошь.

Финну казалось, что он пытается вдохнуть жидкую овсяную кашу.

А затем его сбил с ног опаляющий порыв ветра, заставив упасть на колени рядом с верещащим Уэстли.

В воздухе летал пепел, словно хлопья снега в метель.

Он накрыл мужчин с невероятной силой.

Холм, на котором стояли корпуса А и Б, приподнялся, как шляпа гигантского чудовищного гриба, и крыши на обоих зданиях начали взрываться изнутри со вспышками ослепительно-голубого света, и обломки крыш взлетали к самому небу и растворялись в ночи.

А затем небо над их головами раскололось, и из трещины в нём словно начал просачиваться пылающий солнечный свет.

Отверстие расширялось, раздувалось, поглощало небо, превращаясь в всасывающий в себя всё разрез. Финна и Уэстли протащило по земле; гигантский вихрь старался утянуть их в разверзшиеся разрушительные небеса.

И что-то лезло через этот разрыв.

Нечто, желавшее поглотить этот мир, высосать его кровь и обглодать холодные пожелтевшие кости.

При виде этого Уэстли полностью съехал с катушек, начал визжать, кричать и странно раз-

махивать руками.

Его речь стала неистовой и лихорадочной, но кое-что Финн расслышал:

— Он идёт за нами! За всеми нами! Первичный ядерный Хаос! Господь милосердный, помоги нам… Йог-Сотот, убереги нас! Ньярлатхотеп! Йа… ЙА! ЙА! ГЛАЗ АЗАТОТА! Я ВИЖУ ЕГО! ВИЖУ, КАК ОН ОТКРЫВАЕТСЯ!

А Финн лишь стоял и ждал; беспомощный, безмолвный, беззащитный.

Вот он — результат проекта «Процион», окончательный триумф странного устройства, колдовских книг, крови и мяса: призыв этого безбожного, отвратительного кошмара из самых подвалов реальности, этого извивающегося скитальца тьмы, это семя примитивного ужаса, первобытное живущее горнило.

Да, вот что они пытались сделать всё это время.

Вот какую силу они пытались обуздать и использовать в качестве оружия.

Они пытались открыть дорогу сюда этому первобытному плацентарному кошмару.

На одно безумное мгновение Финну показалось, что из образовавшегося разрыва рождается полная луна.

Только это была не луна, а туманный, расплывчатый, непонятный бледный шар, превращающийся в выцветшее, разлагающееся глазное яблоко.

И в этом исполинском глазе начала прорисовываться радужка… Он подплывал всё ближе, ближе, заполняя собой весь небосвод… И Финн видел, как внутри него нечто начинает разворачиваться, подобно лепесткам вырождающегося цветка.

Корчащееся, скользящее, как мясистые ткани последа… Они раскручиваются, вытягиваются, удлиняются, делятся на сотни и тысячи нитей и филаментов, пока над холмом не вырастает чаща из пульсирующих, вздрагивающих прозрачных отростков, тянущихся на многие километры.

А под ними — светящаяся пропасть, источающая шипящие плесневые миазмы.

И она начала раскрывать всё шире и шире, подобно рту. Медленно. Очень медленно.

Родовые пути.

И было в этой бурлящей реке чистого голода нечто живое.

С древним, ярким интеллектом и холодным голодом чужого, пришлого разума.

И это нечто пришло, чтобы поглотить мир.

Финн услышал гулкое, влажное хныканье, словно мучительные вопли рождающегося по образовавшемуся каналу гротескного, изуродованного младенца.

В считанные минуты существо увеличилось в размере, как микроорганизмы в чашке Петри, и гигантская, извивающаяся, мерцающая паутина нитей заполнила всё пространство до неба, а на фоне неё вырисовывались контуры разрушенных корпусов А и Б.

Нити не просто дотягивались до неба; они сами стали небом, и Финн был уверен, что видит лишь малую толику их необъятных размеров.

А затем с разрывающим грохотом небо захлопнулось обратно, и существо, опутывавшее всё небо, разорвалось с оглушительным выбросом энергии и мощи. И исчезло.

* * *

Когда Финн очнулся, всё вокруг было в огне и дыме.

Всё разрушено.

Здания исчезли.

Более того, холмы, на которых стояли корпуса, тоже пропали без следа.

На их месте появились дымящиеся, обугленные

кратеры.

На сколько Финну хватало взгляда, вся земля была разворочена; тысячи деревьев валялись вырванными с корнем или просто переломанными.

Как тёмная сторона луны: серая, безжизненная, испещрённая шрамами равнина.

Уэстли был мёртв.

Он лежал на земле под слоем пепла, держал перед собой скрюченные руки; рот его перекосило на бок, а глаза почти вылезли из орбит.

Ошеломленный, оцепеневший, почти сошедший с ума Финн пробирался через пылающие обломки и жирный чёрный дым, пока не добрался до места, где ещё совсем недавно была будка охранника.

И только там он упал на землю, трясясь, как в лихорадке.

В отдалении он услышал полицейские и пожарные сирены.

Джек Койе был первым, кто до него добрался.

Как и самого Финна, Джека покрывал слой пепла, а лицо было измазано сажей.

Он схватил Финна за руки.

— Эй, парень, не отключайся, говори со мной.

Финн молча улыбнулся.

— Оно ушло? — спросил он.

— Да… Да, ушло.

Финн глубоко вдохнул и попытался выровняться.

— Всё разрушено.

Джек кивнул.

— Точно, точно. Ничего не осталось. Но… Ты это видел? Действительно видел?

Финн задумался, а потом покачал головой.

Закурил сигарету, вспоминая надписи на плакатах.

«Болтун — находка для шпиона».

«Беспечная болтовня может стоить жизни».

— Ни хрена я не видел, — ответил он.

Джек подмигнул ему.

— Хороший мальчик.

Перевод: К. Романенко

2017

Том Флетчер
ДОМ С ОТЛИЧНЫМ ВИДОМ

Tom Fletcher, «View», 2012. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

— Одна только прихожая чего стоит, — сказал Нил. — Ты только взгляни на эти перила, на плитку. Как здесь просторно!

Прихожая впечатляла. Шахматный пол в черно-белую клетку. Отполированные до блеска плитки. Тяжелые на вид перила винтовой лестницы. Темное массивное дерево, тоже гладко отполированное. И правда, прихожая была просторная: шахматный пол зрительно увеличивал пространство, плитки в противоположном конце помещения практически сливались воедино.

— Как на картинке, — сказал Нил.

И в самом деле, *как на картинке*.

* * *

Агент по недвижимости был очень высоким, а его лысина казалась такой же гладкой и отполи-

рованной, как плитка на полу. На нем был серый костюм и рубашка кремового цвета. В руках он держал планшет с несколькими листами — судя по его поведению, там содержалась информация о недвижимости: он то и дело опускал взгляд на планшет, после чего озвучивал какой-либо факт. Каждый раз, когда он начинал говорить, веки его глубоко посаженных глаз медленно опускались.

— Это оригинальный пол, — глубокомысленно и торжественно изрек он. — Он был заложен в тысяча семьсот восемьдесят втором году, когда было завершено строительство первой части этого дома. С тех пор дом много раз расширяли, делали пристройки по бокам, надстраивали новые этажи и даже добавляли этажи под землей.

— Пристройки? — переспросила я. — Я думала, это терраса.

— Это и есть терраса, — сказал агент. — Вы поймете, о чем я говорю, как только мы поднимемся наверх. Предлагаю сначала осмотреть первый этаж, затем подняться наверх и в завершение спуститься вниз, в подвал. Потом вы сможете все это обсудить. Как вам такой вариант?

— Звучит неплохо, — сказал Нил, разглядывая потолок.

* * *

Кухня была не менее роскошна, чем прихожая. Мраморные столешницы, глубокая керамическая мойка, повсюду красивая плитка. Шкафчики и ящики, изготовленные, судя по всему, по индивидуальному заказу из того же восхитительного темного дерева.

— Милая, — сказал Нил, — это идеальный дом. Нужно соглашаться. Определенно, нужно соглашаться.

— Это сейчас он кажется нам идеальным, — возразила я, — но ведь мы не все здесь посмотрели. Давай хотя бы осмотрим его полностью, прежде чем принимать решение. И цену тоже надо обдумать. Нельзя же безрассудно хвататься за первый попавшийся вариант, если мы не хотим сесть в лужу.

— Хм, — протянул Нил, оглядываясь по сторонам. — Наверное, ты права…

Агент по недвижимости расплылся в улыбке и жестом пригласил нас пройти к черному ходу.

* * *

Сад был длинный и узкий, но сквозь осенний

туман проглядывала яркая свежая зелень. Он был обнесен высокой деревянной изгородью. В дальнем конце сада виднелась ухоженная грядка с овощами. Ярко-желтые выпуклые верхушки тыкв возвышались над землей на одинаковом расстоянии друг от друга. Нил сжал мою ладонь.

— Когда у нас появятся дети, — сказал он, — они будут играть в этом саду.

Мы обернулись, чтобы посмотреть на дом, и я заметила, что туман опустился слишком низко. Он уже скрывал окна второго этажа.

* * *

Квадратная гостиная оказалась вполне уютной, с теплыми деревянными половицами — гладкими, лакированными, — и камином, растопленным, по всей видимости, специально для нас. Мерное потрескивание дров напоминало урчание довольного зверя. Стены были выкрашены в нежно-лаймовый цвет. Безукоризненная свежесть.

Агент проводил нас назад в прихожую и снова улыбнулся, выставив напоказ все зубы.

— Как видите, — сказал он, — этот дом — лакомый кусочек. Так. Теперь пойдемте наверх.

* * *

Комнаты на втором этаже были не менее пышными и роскошными, чем на первом. За небольшой лестничной площадкой располагались две спальни, одна из которых — со смежной ванной.

— Дом кажется каким-то узким, — сказала я агенту.

— Нижние этажи и в самом деле довольно узкие, — ответил агент. — Изначально весь дом был узким и высоким. Видите, на каждом этаже всего по паре комнат. Это создает уют, но, если вы предпочитаете простор, верхние этажи придутся вам по вкусу. — Он снова улыбнулся. — Этот дом соединяет в себе лучшее от обоих миров, — сказал он.

Я смотрела на него и думала: его рубашка действительно кремового цвета или просто грязная? Воротничок изнутри темный, будто бы сальный. И в целом рубашка вся как будто в пятнах.

— А что там, наверху? — спросил Нил.

— Ну, вообще-то владельцы могут распоряжаться комнатами, как им заблагорассудится, — сказал агент. — Поэтому то, что вы увидите наверху, — исключительно их инициатива.

* * *

Планировка третьего этажа повторяла планировку второго, только ванная комната была не смежной со спальней, а располагалась отдельно. Винтовая лестница вела на мансарду, переоборудованную под жилое помещение. Мы молча осмотрели этаж; я думала о том, что можно разместить здесь: кабинет, детскую, комнаты отдыха, библиотеку.

— Начиная отсюда, вы сможете наблюдать, как дом начинает расширяться, — сказал агент, вытирая платком пот со лба. — Давайте поднимемся наверх.

Я не совсем поняла, что он подразумевал под словами «начинает расширяться», но вслух переспрашивать не стала. Я была уверена, что скоро мы сами все увидим.

И скоро мы действительно все увидели. Слишком скоро. И слишком многое.

* * *

Мансарда поразила нас. Лестница привела нас в крохотную комнатушку, потолок которой был ниже, чем потолки других комнат в этом доме,

но все же довольно высоким по сравнению с обычными потолками. Стены были выкрашены в розовый, неравномерно, будто красил их нетерпеливый ребенок. Лестница находилась посреди комнаты, что сбивало с толку, поскольку на всех предыдущих этажах лестница располагалась в левом углу. Справа была дверь.

— Сюда, — сказал агент, указывая в сторону двери.

Все комнаты мансарды были соединены между собой, повсюду были двери разных форм и размеров, странные ломаные лестницы. По мере продвижения мы щелкали выключателями, но света все равно казалось мало.

— Семья, которая жила здесь прежде, выкупила чердаки соседних домов, — пояснил агент, — и в результате получился такой вот лабиринт. Вышло очень удобно, здесь можно проводить вечеринки, играть в прятки или, на худой конец, использовать помещение как склад.

— А почему нет окон на крыше? — спросил Нил. — На чердаках ведь обычно бывают окна на крыше, разве нет?

— Ну, — сказал агент, — когда хозяева переоборудовали чердак в эту сложную систему комнат, они надстроили еще один чердак — сверху.

— Звучит разумно, — кивнул Нил.

— А для чего все эти комнаты? — спросила я.

— *Для* чего? — переспросил агент, снова ухмыляясь. — Странный вопрос. Не думаю, что они были сделаны специально *для* чего-то. Каприз владельцев, если хотите. Если бы все, что создается в мире, создавалось исключительно для того, чтобы выполнять определенную функцию, мир был бы ужасно скучным. Вы не находите?

— Наверное, вы правы, — сказала я, оглядываясь по сторонам.

— Желаете подняться наверх? — спросил агент.

— Да, — ответил Нил. — Пойдем, милая. Какой интересный дом.

— Очень интересный, — согласилась я.

— Сюда, — сказал агент, и мы последовали за ним в комнату, которую, как я думала, мы уже видели — но оказалось, что я ошиблась. Комната была до самого потолка завалена старой пыльной деревянной мебелью. Сломанные стулья, кривые рамы, маленькие витиеватые журнальные столики, кожаные подставки для ног, набивка из которых вывалилась на пол.

Ни дверей, ни каких-либо лестниц не было.

— Нам сюда, — сказал агент, показывая на люк

в потолке. Он начал взбираться на гору хлама, держа планшет в зубах, медленно, но ловко перебирая руками и ногами. Он полз вверх, будто четырехногий паук. Вскоре он открыл люк, просунул в него потную голову и исчез наверху. Нил полез за ним, а следом пошла я.

Второй чердак был действительно похож на чердак, в его крыше, как полагается, были окна. Но света все равно было недостаточно: мешал слишком густой туман.

Чердак представлял собой единое вытянутое помещение — очень длинное, — пол которого был выложен второсортными досками. Казалось, будто пол был неровный, а одна часть комнаты — ниже другой. Во внешней подвесной стене была дверь.

— В этой комнате все тайное становится явным, — сказал агент. — Давайте поднимемся выше. — Он вытащил на середину комнаты стремянку и стал взбираться по ней, лестница при этом покачивалась. Вся конструкция — а комната, похоже, не имела под собой никакой опоры, — была, судя по всему, полностью деревянной. Я не могла понять, на чем она держится, разве что она встроена в стену того второго чердака, но, учитывая, что и сам второй чердак

являлся пристройкой, я чувствовала, что вряд ли это сооружение безопасно. Я пощупала правой ногой пол — вернее, крышу.

— А все эти расширения законны? — спросила я.

— Ну разумеется! — сказал агент. Но уточнять он не стал. Я решила прояснить этот вопрос до конца — после окончания осмотра.

Мы стали взбираться вслед за ним.

Я ожидала увидеть нечто вроде еще одного дополнительного чердака, но мы увидели нечто гораздо более странное. Как только агент исчез за дверью, и мы зашли следом, перед нами открылась комната с очень высоким потолком — выше, чем следовало бы. Потолок был выше, чем на втором чердаке. Вверху на боковой стене было окно, рядом с которым стояла складная лестница.

— Сюда, — сказал агент.

— Такое чувство, будто мы не осматриваем дом, а просто взбираемся все выше и выше, — сказала я.

— Ну, — отозвался Нил, — все комнаты почти ничем не отличаются, в них даже мебели нет, ведь так? Комнаты как комнаты.

— Да, наверное, — сказала я.

— Кроме того, — сказал агент, — главное пре-

имущество этого дома — в виде на улицу.

— Знаете, — проговорила я, — а ведь я совсем забыла об этом.

— Что ж, — сказал агент, — скоро сами увидите! — он опять расплылся в улыбке, глядя на нас с лестницы. Его рот показался мне непропорционально огромным, а зубы слишком большими и желтыми. Он весь обливался потом. Мокрые пятна проступали даже на его пиджаке. Я подумала, что его рубашка, наверное, все-таки была изначально белой, но потемнела из-за сильного потоотделения.

Нил полез вверх по лестнице, и я последовала за ним.

За окном оказалась деревянная платформа, вмонтированная в боковую стену, вдоль которой мы только что поднимались, и соединенная с крышей под ней — крышей второго чердака — сложной системой металлических балок. Туман мешал разглядеть все как следует, но мы увидели, что эта платформа была не единственной: вверху и по сторонам были и другие, на вид еще менее надежные, чем эта.

— О-о, — разочарованно протянул Нил. — Надо же было выбрать для осмотра день, когда вокруг ничего не видно.

— Не беспокойтесь, — сказал агент. — Давайте просто двигаться дальше.

— Еще дальше? — удивился Нил.

— А как же! — уверил агент. Может быть, до этого момента мы просто не подходили так близко друг к другу, но я заметила, что изо рта у него неприятно пахнет.

— А можем мы с Нилом поговорить наедине? — спросила я агента.

— Конечно, — сказал он. — Тогда я поднимусь на следующий этаж и подожду вас там.

— Спасибо, — сказала я.

Я подождала, пока он поднимется по какой-то шаткой самодельной лестнице, а затем повернулась к Нилу.

— Слушай, — сказала я, — я знаю, что дом замечательный, но не поддавайся эмоциям. После того, как мы все осмотрим, надо будет хорошенько подумать, посмотреть другие варианты и только после всего этого сделать выбор.

— Дом и в самом деле отличный, — сказал Нил, — а ведь мы еще не посмотрели, что там за вид на улицу.

— Знаю, — сказала я. — Мы оба сейчас под впечатлением. Но надо сохранять здравый смысл.

Нил кивнул, глаза его были широко раскрыты.

— Знаю, знаю, — сказал он. — Я все понял.

Вокруг нас кружился туман. Никакого ветра не было, но туман все равно медленно двигался. Я не слышала никаких звуков, кроме отдаленного крика ворон и будто бы шороха сухих листьев. Это показалось мне странным, ведь, как я уже сказала, ветра не было. Разве что ветер был где-то под нами.

Когда мы поднялись на следующую платформу, агент налил три чашки чая из графина и поставил их на маленький столик. Фарфоровые чашки, графин и столик — все это будто заранее ждало нас.

— Большинство потенциальных покупателей предпочитают передохнуть здесь, — сказал он, протягивая мне чашку. Судя по чашке, ее однажды разбили, а затем вновь склеили. Все три чашки были из разных наборов.

— Значит, дом пользуется спросом? — спросил Нил и подул на чай, чтобы охладить его.

— На самом деле, да, — ответил агент. Он то и дело почесывал шею и макушку.

Нил понял — а я заметила это еще раньше, — что чай уже и так давно остыл. Он скосил глаза в свою чашку. Из вежливости я сделала маленький глоток и почувствовала, как пищевод пытается

вытолкнуть его назад: вкус был отвратительный; чай был не только холодным, но еще и пах гнилью.

Агент же с удовольствием пил из своей чашки.

— Да, — сказал он, — этот дом часто ходят смотреть. Многие хотят его купить.

— Действительно, хотят, — сказал Нил, оглядывая сырую древесину, окутанную туманом. — Особенно если вид и впрямь хорош.

— Да, конечно, — сказал агент. — Скоро увидите. Так. Нам осталось этажей пять или шесть.

— А это все не рухнет? — спросила я.

— Сами видите, какое все здесь прочное, — сказал агент. — Ваши глаза вас не обманывают.

Каждый следующий этаж казался все менее и менее устойчивым. Платформы были не ровными, а какими-то угловатыми; все опоры, трубы и планки были разной длины; все держалось на расшатанных болтах и гайках.

У меня появилось чувство, будто в моих волосах гуляет ветер.

Агент никак не мог оторвать рук от шеи и головы. Чесался и чесался. Мне показалось, будто у него за ушами и на шее под воротником начали проступать большие воспаленные пятна, но туман был такой густой, что наверняка сказать

было сложно.

— Хорошо будет забраться сюда в летний денек и выпить чего-нибудь охлаждающего, — сказал Нил. Но я ничего не ответила. Я была сосредоточена на том, чтобы сохранить равновесие.

Платформы становились все меньше, каждая следующая платформа держалась только за счет предыдущей на четырех деревянных опорах. В каждой платформе было отверстие для лестницы и еще одна лестница, ведущая наверх, к следующей платформе. Я то и дело ощущала, как вся конструкция покачивается на ветру, но, возможно, это было ложное ощущение, вызванное движением тумана.

Не знаю, сколько таких «этажей» осталось позади, но никак не меньше пяти или шести, поэтому я остановила агента, прежде чем он успел подняться на следующий.

— Сколько еще? — спросила я.

— Осталось совсем немного, — ответил он. — Но, уверяю вас, отсюда открывается такой замечательный вид, что вы не пожалеете.

— Знаю, — сказала я. — Не волнуйтесь, я вовсе не собиралась развернуться и уйти. Просто я подумала, что должна спросить.

Мы поднялись по оставшимся лестницам в

тишине. То есть, мы не разговаривали. Агент, идя впереди нас, бормотал что-то себе под нос и непрерывно чесался. Звук ногтей, скребущих по коже, не прекращался. Наконец, туман остался внизу. Мы могли видеть. Конечно, внизу мы не могли разглядеть ничего, кроме тумана, но все же. Небо над нашими головами было бледно-голубое, холодное. Конструкция, по которой мы взбирались наверх… что ж, мы не знали, как высоко еще она поднимается, потому что видна была только нижняя часть следующей платформы.

— Боже мой, милая, — сказал Нил. — Этот дом восхитителен! Посмотри, как просторно!

— Еще как просторно, — согласилась я, оглядываясь по сторонам. Туман внизу был не белым, а серовато-желтым. Верхние части конструкции мягко покачивались на ветру. Или не на ветру — просто мягко покачивались. Наверное, само наше нахождение здесь выводило их из равновесия.

— Ладно, — сказала я. — Пойдемте. Посмотрим, что там за вид.

Мы поднялись еще на пару этажей.

Забравшись достаточно высоко, чтобы видеть вдалеке границу, на которой туман рассеивался, мы легли на животы и посмотрели вниз.

— Давайте подождем, пока туман рассеется, —

предложил агент.

Из-за тумана практически ничего не было видно, за исключением неопределенного, серо-коричневого ландшафта. Я не узнавала местность: раньше я думала, что все постройки в этом районе жилые.

По мере того как туман рассеивался, взору открывалось все больше и больше, и внутри у меня нарастало беспокойное чувство. Да, внизу были ряды домов, но сверху они выглядели совершенно иначе, нежели с земли. Я даже не была уверена, что это те самые дома, которые я ожидала увидеть. И вряд ли остатки тумана были тому виной. Стандартные викторианские домики рядами стояли вдоль улицы, что само по себе было логичным и правильным, но все они были будто бы чуть более высокими и вытянутыми, чем казалось с земли. Все они были более темными и мрачными. Взгляд то и дело натыкался на заколоченные окна, влажные истлевшие занавески, заброшенные сады. Вдали виднелся пустырь. Я подумала, что на этом месте, должно быть, когда-то находилось общественное здание: библиотека, музей, здание муниципалитета или что-то в этом роде.

— Что-то не припомню здесь всего этого, — ска-

зала я.

— Да брось, — сказал Нил. — Память тебя частенько подводит.

— Что? — возмутилась я. — Ничего подобного!

Но Нил не слушал.

— Ты только посмотри! — воскликнул он, показывая пальцем вниз. — Что это?

— Что ты там сказал о моей памяти?

Нил не обращал внимания на мои слова. Он таращился на что-то, раскрыв рот.

Внизу по улице что-то двигалось. Что-то большое. Сначала мне показалось, будто это мусоровоз, но нет. Во-первых, оно было слишком большое, почти не уступало размерами домам по соседству. Оно было такое широкое, что заняло всю ширину улицы. Гладкая горбатая спина покачивалась из стороны в сторону по мере того, как оно двигалось. Оно шло на четырех ногах, хотя передние ноги были скорее похожи на руки. Оно было покрыто розовато-белой кожей, в пятнах и каких-то наростах. Головы видно не было, она скрывалась под трясущейся массой его тела.

— Уникальный вид, — сказал агент.

Существо добралось до пустыря, который когда-то был зданием муниципалитета, библиотекой или музеем, а затем присело на корточки, начало

вращаться и исчезло под землей.

— Честно говоря, — сказала я, — я ожидала не этого.

Между губ и необычно острых зубов агента сочилась слюна.

— Так, — забормотал он, захлебываясь и брызгая слюной. — Так-так-так. Ну что ж, о вкусах не спорят.

— Мы можем обсудить это внизу? — спросила я. — В прихожей или в гостиной. Там хотя бы теплее.

— Ладно, — сказал Нил. — Погоди-ка, смотри! — и он снова куда-то указал.

Я мельком взглянула туда и заметила какой-то тупик, в котором толпились люди — много людей, судя по всему, но я не успела толком разглядеть, кто это был и что они там делали. Я опустила голову на деревянные доски, на которых мы лежали.

— Я хочу вниз, — сказала я. — Сейчас же.

— Ладно, ладно, — сказал Нил. — Пойдем.

Агент повел нас вниз.

Пару раз я оступилась, и Нил тоже, но мы ни разу не упали.

* * *

Мы снова стояли в прекрасной прихожей, и меня била дрожь.

— Что с тобой? — спросил Нил.

— Не знаю, сказала я. — С этим домом что-то не так.

— А мне он очень понравился, — сказал он.

— Я вижу, — ответила я, — что тебе нравится. Но… когда мы были наверху, у тебя не было впечатления, что все вокруг изменилось? Особенно когда мы лежали на досках? Тебе не показалось, что происходит что-то странное?

— Странное? — переспросил Нил. Он был в замешательстве.

— Да, странное, — сказала я. — Думаю, нам лучше уйти.

Агент по недвижимости, который стоял у нас за спиной, откашлялся. Звук получился противный и громкий. Я обернулась и увидела, как он вытирает губы, перемазанные чем-то зеленым.

— Еще не время уходить, — сказал он. — Вы еще не осмотрели подвал.

— Я не хочу в подвал, — сказала я.

— Но вы не можете уйти, не осмотрев подвал, — сказал агент. — Это может полностью

перевернуть ваше представление об этом доме.

— Я не хочу, чтобы что-либо переворачивало мое впечатление, — сказала я.

— Милая, ну что ты, — сказал Нил. — Давай посмотрим подвал. — Он взглянул на агента. — Это ведь не займет много времени?

— Разумеется, нет, — отозвался тот, широко улыбаясь и почесывая адамово яблоко. — Это займет всего чуточку времени.

— Пойдем, — сказал Нил, взял меня за руку и как ребенка потянул за собой к небольшой двери слева от винтовой лестницы. — Пойдем, милая.

Агент прошагал мимо нас, звякая ключами.

— Мы держим дверь в подвал закрытой, — сказал он.

— Это еще зачем? — спросила я. Но он, видимо, не услышал моего вопроса.

Он открыл дверь и запнулся о порог. Нил последовал за ним и тоже споткнулся, но при этом каким-то образом ухитрился улыбнуться мне через плечо.

— Пойдем, — неслышно прошептал он.

Агент спускался по крутым узким ступенькам, сжатым между тесными стенами с облупившейся краской.

Я поколебалась. Оглянулась на черно-белые

плитки прихожей. Сердце бешено колотилось в груди, кровь в жилах словно вскипела. Я не слышала ничего, кроме шума в ушах. Меня не отпускала навязчивая идея, будто бы все, что мы только что увидели, было неправильным, странным, невозможным. Подумав о том, с чем нам придется столкнуться в подвале, на секунду я засомневалась во всем.

— Милая, — повторил Нил, и потянул меня за руку. — Пойдем.

Я улыбнулась ему. Наверное, усталость и стресс всему виной. Выбирать дом — крайне утомительное занятие.

— Давай просто взглянем и уйдем, — сказала я.

— Мы так быстро закончим, что ты и глазом моргнуть не успеешь, — кивнул он.

Я кивнула ему в ответ, сжала его ладонь и пошла вслед за ним по ступенькам.

Перевод: А. Домнина

2016

Брюс Стерлинг
НЕПРЕДСТАВИМОЕ

Bruce Sterling. «The Unthinkable», 1991. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Еще со времен переговоров по вопросам стратегического вооружения в начале семидесятых политикой Советов стало проведение переговоров в собственных апартаментах — причиной, как подозревали американцы, был страх перед новой, ранее неизвестной техникой подслушивания.

Избушка Бабы-Яги, где размещалась штаб-квартира д-ра Цыганова, присела на краешке по-швейцарски тщательно подстриженной лужайки. Д-р Элвуд Даути зажал в руке карты и посмотрел в окно избушки. Немного выше подоконника торчало громадное чешуйчатое колено одной из шести гигантских курьих ног — чудовищная узловатая конечность в обхват толщиной. Как раз в этот момент курье колено согнулось, избушка под ними покачнулась, и

затем под скрип бревен и шорох соломенной крыши вновь приняла прежнее положение.

Цыганов сбросил карту, взял еще две из колоды и принялся их изучать, пощипывая профессионально неухоженными руками с грязью под ногтями редкую бородку; его голубые глаза хитро поглядывали из-под сальных прядей длинных седеющих волос.

К своему приятному удивлению, Даути удалось собрать полную масть Жезлов. Изящным движением он выдернул из кучки банкнот две десятидолларовые бумажки и обронил их на стол подле себя.

Взглядом, полным славянского фатализма, Цыганов смерил свой истощающийся запас твердой валюты. Затем что-то проворчал, почесался и бросил карты на стол лицом вверх. Смерть. Башня. Двойка, тройка, пятерка Денариев[11].

— Может, в шахматы? — предложил Цыганов, поднимаясь.

— В другой раз, — отозвался Даути. Хотя, из соображений безопасности, он не добивался официального признания в шахматном мире, фактически Даути достиг совершенства в шах-

---

[11] Примечания: 11
Перечисляются названия карт для игры в Таро.

матной стратегии, особенно проявлявшегося под конец игры. Когда-то в знаменитых своей длительностью марафонских переговорах 83-го года они с Цыгановым поразили своих военных коллег турниром, который начался экспромтом, однако продлился почти четыре месяца, в то время как делегация ожидала (и напрасно) какого-либо сдвига в зашедших в тупик переговорах о контроле над вооружениями. Даути не смог переиграть поистине одаренного Цыганова, но зато ему удалось проникнуть в ход мыслей своего соперника.

Однако, главным образом, Даути испытывал смутное отвращение к хваленым шахматам Цыганова, где вместо черных с белыми сражались красные, как во времена гражданской войны в России. Атакуемые слонами-комиссарами и казаками, маленькие механические пешки издавали слабый, но довольно жуткий мученический писк.

— В другой раз? — пробормотал Цыганов, открывая небольшой шкафчик и вынимая бутылку «Столичной». Внутри холодильника маленький перетрудившийся морозильный демон сердито глянул из своего заточения среди спиралей и злобно выдохнул порцию густого, холодного

тумана. — Другого раза может и не оказаться, Элвуд.

— Мне ли не знать. — Даути заметил, что экспортная этикетка на бутылке русской водки была напечатана по-английски. Было время, когда Даути побоялся бы пить у русских. Отрава в бокале. Губительное зелье. Это время уже вспоминалось с удивлением.

— Я имею в виду, что скоро нашей деятельности настанет конец. История продолжается. Все это, — Цыганов взмахнул своей мускулистой рукой так, будто хотел охватить не одну Женеву, а целое человечество, — станет всего лишь историческим эпизодом, не более.

— Я готов к этому, — мужественно заявил Даути. Водка расплескалась по стенкам его рюмки, стекая холодными, маслянистыми струйками. — Мне никогда не нравилась такая жизнь, Иван.

— Неужели?

— Все, что я делал, я делал из чувства долга.

— А, — улыбнулся Цыганов. — И уж, конечно, не ради командировочных?

— Я отправляюсь домой, — сказал Даути. — Навсегда. В окрестностях Форт Уэрта есть одно место, где я собираюсь выращивать скот.

— Обратно в Техас? — казалось, Цыганова это

известие развеселило. — Главный теоретик стратегических вооружений становится фермером, Элвуд? Да вы второй римский Цинциннат[12]!

Даути пил водку небольшими глотками, вглядываясь в развешанные по грубым бревенчатым стенам выполненные в духе соцреализма позолоченные иконы. Он подумал о своем собственном офисе, расположенном в подвале Пентагона. Относительно просторном, хотя и низковатом, по подвальным стандартам. Уютно обитом коврами. Отстоящем всего на несколько ярдов от могущественнейших в мире центров военной власти. Совсем рядом министр Обороны. Объединенный комитет начальников штабов. Министры Сухопутных войск, ВМС и ВВС. Начальник Оборонных исследований и Некромантии. Лагуна, Потомак, Мемориал Джефферсона. Вспомнил розовый отблеск рассвета на куполе Капитолия после бессонной ночи. Будет ли ему недоставать всего этого? Нет.

— Вашингтон — неподходящее место для воспитания ребенка.

— А-а. — Цыганов приподнял брови. — Я слы-

[12] Примечания: 12

Цинимннат — римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор (458 и 459). Согласно преданию, был образцом скромности и верности гражданском долгу.

шал, вы наконец женились. — Конечно же, он читал досье Даути. — А ваш ребенок, Элвуд, с ним все в порядке, он крепок и здоров?

Даути ничего не ответил. Было бы трудно скрыть нотки гордости в голосе. Вместо этого он открыл бумажник из кожи василиска и показал русскому портрет своей жены с новорожденным сыном. Цыганов откинул с глаз волосы и рассмотрел фотографию повнимательнее.

— А, — сказал он. — Мальчик очень похож на вас.

— Возможно, — ответил Даути.

— У вашей жены, — вежливо заметил Цыганов, — очень привлекательная внешность.

— В девичестве Джэйн Сейджел. Служащая Сенатского Комитета по международным отношениям.

— Понимаю. Оборонная интеллигенция?

— Она опубликовала книгу «Корея и теория ограниченной войны». Считается одной из первых работ по данной проблематике.

— Должно быть, она станет замечательной мамочкой. — Цыганов залпом выпил свою водку, жадно закусил коркой черного хлеба. — Мой сын уже совсем взрослый. Пишет для «Литературной газеты». Вы видели его статью по вопросу ирак-

ского вооружения? О кое-каких недавних очень серьезных разработках, касающихся исламских демонов.

— Я бы непременно ее прочел, — ответил Даути. — Но я выхожу из игры, Иван. К тому же, дела плохи. — Холодная водка ударила ему в голову. Он коротко рассмеялся. — Они собираются прикрыть нас в Штатах. Отобрать средства. Обчистить до костей. «Мир поделен». Мы все сгинем. Как Макартур[13]. Как Роберт Оппенгеймер[14].

— «Я есмь Смерть, Разрушитель миров», — процитировал Цыганов.

— Да-а, — Даути задумался. — Бедняга Оппи плохо кончил, после того как заделался Смертью.

Цыганов сосредоточился на своих ногтях.

— Думаете, будут чистки?

— Прошу прощенья?

— Я слышал, граждане штата Юта подали в суд

---

[13] Примечания: 13

Макартур, Дуглас (1880–1964) — американский генерал армии. Участник Второй мировой войны, командовал оккупационными войсками в Японии, руководил операциями американских вооруженных сил в Корее.

[14] Примечания: 14

Оппенгеймер, Роберт (1904–1967) — американский физик. Руководил созданием американской атомной бомбы. Противник создания водородной бомбы В 1953 обвинен в «нелояльности» и лишен допуска к секретным сведениям.

на ваше федеральное правительство. По поводу испытаний, которые проводились сорок лет назад…

— А, — перебил его Даути, — вы имеете в виду тех двухголовых овец… На старых полигонах еще до сих пор стелются ночные тени и раздаются стоны банши. Где-то в Скалистых горах… Неподходящее место для прогулок в полнолуние. — Он содрогнулся. — Но «чистки»? Нет. У нас действуют другими методами.

— Вы бы посмотрели на овец неподалеку от Чернобыля.

— «Полынь горькая», — в свою очередь, процитировал Даут.

— Ни один «акт долга» не остается без воздаяния, — Цыганов открыл консервы с какой-то черной рыбой, пахнувшей наподобие пряной копченой сельди. — А как насчет Непредставимого? Какую цену пришлось заплатить в этом случае?

Голос Даути прозвучал ровно, без тени иронии.

— Мы готовы нести любое бремя, сражаясь во имя свободы.

— А вот это, возможно, не лучшее в ряду ваших американских ценностей. — Трезубой вилкой Цыганов выудил из банки ломтик рыбы. — Осме-

литься вступить в контакт с совершенно чуждым порождением бездны между мирами… Сверхдемоническим полубогом, сама пространственная структура которого противоречит всякому здравому смыслу… Этим Созданием безымянных времен и непостижимых измерений… — Цыганов промокнул губы и бороду салфеткой. — Этим ужасным Сиянием, бурлящим и бесчинствующим в самом центре бесконечности.

— Вы слишком сентиментальны, — возразил Даути, — мы должны вспомнить те исторические обстоятельства, в которых было принято решение создать Бомбу Азатот. Японских великанов Маджина и Годжиру, крушивших Азию. Бескрайние эскадроны нацистских Джаггернаутов[15], громивших Европу… А также их подводных левиафанов, охотившихся за морскими судами…

— Вы когда-нибудь видели современного левиафана, Элвуд?

— Да, одного… когда он кормился. На базе в Сан-Диего. — Даути помнил его с ужасающей отчетливостью — огромное водное чудовище с плавниками; в поросших морскими желудями углублениях на его бочкообразной брюхе дре-

---

[15] Примечания: 15

Джаггернаут — в индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну.

мали отвратительные тощие духи с крыльями летучей мыши.

А по команде из Вашингтона пробудились бы низшие демоны, вырвались из чрева, взметнулись в небо и понеслись бы с ураганной скоростью и неумолимой точностью к указанным целям. В своих когтях они сжимали бы заклятия под тремя печатями, способные на несколько ужасных микросекунд распахнуть врата между вселенными. И тогда в мгновенье ока хлынуло бы Сияние Азатота. И на что бы оно ни пало, где бы ни коснулся его луч земного вещества, повсюду Земля начала бы корчиться в непредставимых муках. И сама пыль от взрыва покрыла бы все неземным налетом.

— Вы присутствовали при испытаниях той бомбы, Элвуд?

— Только при подземных. Воздушные испытания проводились задолго до меня…

— А как насчет отходов, Элвуд? Из-под стен десятков ядерных станций.

— С ними мы разберемся. Запустим их в космическую бездну, если нужно будет. — Даути с трудом скрывал свое раздражение. — К чему вы клоните?

— Трудно оставаться спокойным, друг мой. Я боюсь, что мы зашли чересчур далеко. Мы с вами

были ответственными людьми. В своих трудах мы следовали распоряжениям осознающего ответственность руководства. Прошло пятьдесят долгих лет, и ни разу Непредставимое не сорвалось с цепи по безрассудству. Мы потревожили Вечность ради своих преходящих целей. Но что наши жалкие пятьдесят лет перед вечностью Старших Богов? Мы думаем, что теперь нам удастся отказаться от неразумного применения этого ужасного знания. Но очистимся ли мы когда-нибудь?

— Это задача следующего поколения. Сделав все, что в моих силах, силах смертного, я смирился.

— Не думаю, чтобы это можно было просто так взять и бросить. Слишком близко мы подошли. Мы прожили слишком долго в его тени, и оно затронуло наши души.

— Мой долг исполнен, — настаивал Даути, — до конца. Я устал от бремени. Устал от попыток осмыслить происходящее, представить грядущие кошмары, постоянно бороться со страхом и искушением, превосходящими пределы представимого. Я заработал свой отдых, Иван. И у меня есть право на человеческую жизнь.

— Непредставимое коснулось вас. Ведь от этого

вы не сможете отмахнуться?

— Я профессионал, — ответил Даути. — Я всегда предпринимал необходимые меры предосторожности. Меня осматривали лучшие военные доктора-заклинатели духов… Я чист.

— Разве это можно знать наверняка?

— Они лучшие из наших специалистов; я верю в их заключение… Если я снова обнаружу тень в своей жизни, то отброшу ее прочь. Отсеку. Поверьте мне, я знаю вкус и запах Непредставимого — он больше никогда не найдет места в моей жизни…

Из правого кармана брюк Даути раздался мелодичный перезвон. Цыганов прищурился, затем продолжил:

— А что если оно обнаружится совсем рядом с вами?

Карман Даути снова зазвенел. Американец рассеянно встал.

— Вы знаете меня много лет, Иван, — проговорил он, опуская руку в карман. — Конечно, мы смертны, но мы всегда были готовы предпринять необходимые меры. Всегда. Неважно, какой ценой.

Даут извлек из кармана большей шелковый квадрат с изображением пентаграммы и разма-

шистым жестом расстелил его перед собой.

Цыганов был поражен.

— Что это?

— Портативный телефон, — ответил Даути. — Модная безделушка… Я теперь постоянно ношу его с собой.

Цыганов возмутился.

— Вы принесли телефон ко мне в дом?

— Черт, — воскликнул Даути с неподдельным раскаяньем. — Простите меня, Иван. Я действительно забыл, что у меня с собой эта штука. Послушайте, я не стану отвечать отсюда. Выйду наружу. — Он открыл дверь, спустился по деревянной лестнице на траву, залитую швейцарским солнцем.

Позади него избушка Цыганова поднялась на своих чудовищных курьих ногах и важно удалилась, раскачиваясь, — как показалось Даути, с чувством оскорбленного достоинства. В отдаляющемся окне он увидел, что Цыганов украдкой подглядывает, не в силах подавить свое любопытство. Портативные телефоны. Еще одно достижение изобретательного Запада.

Даути разгладил звенящий шелк на железном столике посреди лужайки и пробормотал Заклинание. Над вытканной пентаграммой поднялось

искрящееся изображение его жены по грудь.

С первого взгляда он тотчас догадался, что новости плохи.

— В чем дело, Джейн?

— Наш Томми, — произнесла она.

— Что случилось?

— О, — бодро отрапортовала она, — ничего. Ничего заметного. Но лабораторные исследования дали положительный результат. Заклинатели — они говорят, он помечен.

В одно мгновенье самые фундаментальные основы жизни Даути беззвучно раскололись и разошлись.

— Помечен — повторил он опустошенно. — Да… я слышу тебя, дорогая…

— Они пришли в дом и осмотрели его. Они говорят, что он чудовище.

На этот раз его охватила злоба.

— Чудовище. Откуда им знать? Это всего лишь четырехмесячный ребенок! Как, черт побери, они могут установить, что он чудовище? Что они вообще, черт подери, знают? Эта шайка зашоренных докторов-чернокнижников…

Теперь его жена открыто рыдала.

— Знаешь, Элвуд, что они порекомендовали… чтобы мы сделали?

— Но мы же ведь не можем взять… и бросить его, — с трудом выговорил Даути. — Он наш сын.

Тут он остановился, перевел дыхание и посмотрел вокруг. Аккуратно подстриженные лужайки, солнце, деревья. Весь мир. Будущее. Мимо пролетела птичка.

— Погоди, давай подумаем, — сказал он. — Давай все хорошо обдумаем. Вообще, насколько он чудовищен?

Перевод: Э. Дейнека
1997

Лон Прейтер
МУЗЫКА В ГОЛОВЕ

Lon Prater. «Head Music», 2003. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

В две минуты первого ночи Диего резко открыл глаза. Навязчивая, нестройная музыка снова звучала у него в голове, теперь громче, чем когда-либо. Траурные тона то поднимались, то понижались, отражаясь между его висками. Все восемнадцать лет своей жизни он слышал их редкий, слабый, зазывающий шепот, проходящий через все его нутро. Теперь низкая, расходившаяся эхом песнь горна зазвучала громче, навязчивее, получила власть над его телом.

Босой и с обнаженным торсом, он выскочил через дверь-ширму. Прохладная осенняя ночь приветствовала его липкими, солеными объятиями.

Расшатанная деревянная дверь скрипнула и захлопнулась за ним. Ключи от служебного грузовика его отца звенели у него в руке.

Плутоватая луна, полная и желтая, склонилась

на горизонте за низким забором из освещенных сзади облаков. Диего прижался голой спиной к холодному пластиковому сидению. Его пронзила бы дрожь, но музыка, направлявшая его тело, этого не допустила. Он в душе порадовался, что лег спать в штанах.

Голой ступней, мокрой от росы и покрытой обрывками травинок, он надавил на педаль газа. Безмолвно, невозмутимо проследил он за тем, как его правая рука повернула ключ. Упрямый двигатель, вернувшись к жизни, недовольно зашумел.

Грузовик, покачнувшись, выехал на пустую дорогу, фары его потухли. Диего совершенно не владел собой — он был таким же пассажиром в своем теле, как и в грузовике.

Ржавая старая громадина шумно понеслась по асфальту, в кузове безумно загрохотали инструменты для озеленительных работ. Диего почувствовал удовлетворение. Он ехал, то возвышаясь, то падая вместе с жалостливой внутренней симфонии; но страха не было.

Пляж относился к государственному парку и был заповедной территорией. Красно-белые знаки грозили внеурочным нарушителям штрафами и тюремными сроками. Штрафы за посещение пляжа были даже более ощутимыми, чем штрафы

для тех, кто оказывался достаточно глуп, чтобы брать с собой животных и стекло или заезжать на песок на машинах.

Вероломный грузовик ворвался на погрязшие во мраке дюны. Горестный плач тут же начал затихать, но набирала силу какофония более низких тонов. Он с дрожью осознал, что его тело вновь стало принадлежать ему.

Диего сощурился, всматриваясь в грязное лобовое стекло. Завеса густых серых облаков скрыла почти весь отраженный луной свет. Звезды светили здесь, вдали от города, необыкновенно ярко, отсвечивали в искрящихся гребнях пенных волн. А у кромки воды мерцал влажный песок.

В нескольких метрах от набегающих волн лежал темный бугор. Наклонившись вперед, Диего включил передние фары.

Музыка, игравшая в голове, переросла в разрывающие душу вопли. Его рука невольно метнулась вперед, погасив фары. Вернувшаяся тьма задушила истошные крики, заставлявшие его кровь стыть в жилах, — но он успел мельком уловить очертания твари, лежавшей на пляже.

Он содрогнулся. Становилось тише, ветер успокаивался. Даже немелодичная музыка теперь превратилась в слабое мяуканье — его мозг за-

полнился новорожденными котятами.

Песок и обрывки травы захрустели под ногами, когда он стал приближаться к созданию. В длину и в обхват оно было с небольшую косатку, но на этом все сходства заканчивались.

Диего обошел его кругом, не в силах постичь, что находилось перед ним. У него была скользкая, бородавчатая серо-зеленая кожа, вся испещренная оранжевыми, похожими на драгоценные камешки чешуйками. Глаз, которые действительно можно было бы назвать глазами, у него не было. Оба конца его трубкообразного тела представляли собой мясистые комки плоти, окруженные множеством гибких веничков и колких усиков. Примерно посередине туловища находилось три больших, испещренных прожилками веера, которые плотно прижимались к телу.

От твари разило запахом стеклоочистителя.

Чем бы оно ни было, это именно оно призвало его сюда, на этот пляж, своей песнью горна. Такие же звуки он слышал все эти годы, только теперь они звучали громче и в них слышалось больше отчаяния.

Одинокая заунывная песнь звучала у него внутри. Она уносила его в пучину печали, заглушая тихое подвывающее многоголосие. Он ощутил

странную близость с этой тварью — близость, которую он не мог объяснить.

Первобытная интуиция прорвалась в его сознание. Создание было… Нет, она была просто выброшена на берег, на чуждый ей воздух. Неспособная вернуться в океан, она чувствовала приближение смерти.

У него на глазах навернулись слезы. Он бросился к ней, тщетно наваливавшись своим весом, чтобы перекатить громадный цилиндр ее тела обратно в воду.

В итоге обнаженная грудь, руки и спина Диего покрылись крошечными порезами от оранжевых чешуек, которыми было усеяно тело твари. Его торс смазала зернистая, липкая пленка, отчего открытые ранки начали вспучиваться и гореть, словно пчелиные укусы. Он закричал от бессилия и принялся искать другие способы спасти это причудливое и невиданное создание.

Его взгляд остановился на брошенном грузовике. Он прошагал к нему, стараясь не обращать внимание на жалостный плач в своей голове. Порывшись в грузовике, он нашел газонокосилку, канистру с бензином, ручные инструменты и садовые ножницы, лопаты и грабли, тачки и несколько чистых мешков — но ничего такого,

что помогло бы ему благополучно вернуть это чудовище в океан.

Безысходность, будто свежеуложенный бетон, наполнила его существо. Он вернулся к ней. Темно-синие волны почти доставали до одного из концов его морщинистого тела.

Мяуканье снова зазвучало в полную силу. Он положил руку на тварь, стараясь, чтобы острые оранжевые чешуйки его не порезали. На каком-то примитивном уровне он ощутил, что внутри нее извивалась жизнь.

Это мог быть как ее разум, так и ее потомство. Для Диего это не имело значения — он лишь знал, что эта жизнь хотела выбраться наружу.

Сглотнув, он вновь подошел к ней со стороны океана, где находился ее сфинктер. Влажный запах соли и гниющих водорослей смешался с вонью аммиака, исходящим от нее, создавая неприятное сочетание. Он осторожно раздвинул развевающиеся усики, открыв себе путь к отверстию. Дело ему предстояло непростое.

Диего просунул руку вовнутрь этого неземного существа, стараясь справиться с отвращением. В ушах громко отражалось учащенное сердцебиение. Что-то пробежало у него по ноге, заставив

подпрыгнуть — это был краб-привидение[16].

Рука вошла по самое плечо. Причитания в его голове стали еще громче, еще беспокойнее. Он ухватился за конец скользкой жирной кишки и потянул на себя. Та вылезла с чавкающим звуком и гейзером грязной жидкости.

Диего выпустил из рук сальное гнойное существо и вырвал прямо на него. Оно стало корчиться, будто празднуя опустошение кишечника Диего. Затем, словно медлительный, но громадный светлый червь, поползло к воде.

Материнская песнь теперь была едва различима, но беспорядочный душевный плач ее детенышей продолжал отчаянно его терзать.

Он вновь воткнул в нее руку, но не ощутил ничего, кроме боли горящих порезов и хлюпанья ее органов. Вынув руку, подошел к ее противоположному концу. На этот раз было проще. Диего освободил из отверстия две червеобразные твари, каждая по шесть футов длиной. Он осторожно опустил их в плещущуюся воду.

Они лежали, не двигаясь. Внезапно Диего почувствовал запах разложения — даже поверх

---

[16] Примечания: 16

Вид крабов, встречающийся на тропических и субтропических побережьях. Получил свое название благодаря удивительному проворству: он способен передвигаться со скоростью более 2 м/с.

аммиака и запахов пляжа. Мертворожденные. Как и остальные, что до сих пор гнили в чреве со стороны суши.

Он спас одну из безобразных тварей. Неужели этого мало? Жалостное многоголосие тех, кто еще оставался со стороны моря, говорило, что мало, и умоляло освободить их. Когда-нибудь они вырастут и превратятся в столь же красивых и внеземных созданий, что и то, которое умирало сейчас перед ним. Но этого не случится, если он бросит их здесь на погибель.

Он отошел к задней части кузова грузовика и вернулся с садовыми ножницами. Вставив нижнее лезвие в сфинктер, находившийся у кромки воды, он перекрестился, готовясь к тому, что ему предстояло сделать.

Диего со всей силы сдавил обтянутые резиной ручки. Лезвия оказались менее острыми, чем он надеялся. Они не столько резали, сколько жевали разрез, расширяя сморщенное отверстие. Крови, насколько он мог сказать, не было, но от аммиачной вони он едва не лишился чувств. В сознании его удерживали лишь ее тихие саксофонные стоны боли и страха, эхом отражавшиеся в его голове.

Он закончил второй разрез по жесткой плоти.

Чувствуя в себе волю делать то, что от него требовалось, он все же был благодарен за то, что его желудок уже был пуст. Затем Диего в последний раз осмотрелся вокруг.

Луна оторвалась от облаков и теперь наклонилась, чтобы поближе разглядеть своим бледным глазом парня и первобытную морскую тварь на пляже. Отцовский грузовик стоял одиноким дозором, возвышаясь над дюнами.

Диего стянул свои штаны и трусы-боксеры и бросил их в кучу на песок. Крякнув, он сделал последний вдох, прежде чем безбоязненно зарыться обнаженным в чрево твари.

Грубая слизистая ткань, будто гнойные чешуйчатые струпья, сжала его со всех сторон. Оказавшись уже по пояс внутри, он проскреб себе путь к червивому гнезду ее хрупкого потомства. Оттуда исходили зловонные, заразные испарения. Каждый порез на его теле возопил, когда туда попали ее отвратительные внутренние жидкости. Продвигаясь ползком все глубже, Диего давился желчью.

Он чувствовал, как ветер щекотал его ступни и лодыжки. Все остальные его члены были умащены в гелеобразном тракте ее внутренних органов.

Диего вновь услышал ее бессловесный голос — он звучал чище и гуще, будто тихое завывание. Изнутри нее его обволакивала музыка, с каждой нотой сплетая его душу с ее душой. Она пела ему о глубоком черном океанском дне, подводных городах, высеченных из камней и раковин, куда не проникал солнечный свет. Он быстро, как гарпун, пронесся в соленой воде по величественным пещерам, населенным невообразимыми видами, одновременно прекрасными и отвратительными. Эпохи, давно минувшие — и грядущие — ослепили его разум; те, кто когда-то правил, однажды пробудятся. Они очистят планету от человечества, сбросив с ее лица хрупкие людские достижения, будто омертвевшую кожу.

Диего зарылся вытянутыми вперед руками в изорванную мембрану и стал раздирать ее еще сильнее. Он зачерпнул горсть стенающих завитков ее переплетенных детенышей и потащил их за собой наружу сквозь омерзительное зловоние. Когда он рухнул на песок, извивающиеся светлые создания стали корчиться рядом с ним, освобождаясь друг от друга, а затем слепо поползли навстречу волнам.

Наконец, последний из них соскользнул в воду, оставив Диего наедине с луной и величественной

зловонной тушей. Он почувствовал, как на него накатила грусть, когда он увидел, как течение уносит прочь его штаны, и его стошнило в воду.

Утром здесь появятся ученые и репортеры. Они станут фотографировать, проводить замеры. Изумленно почесывая подбородки, они будут убедительно рассказывать об эволюции и целакантах[17]. Разрежут ее в своих лабораториях, поломают головы над загадками ее генов. Позже кто-нибудь осознает страшную правду; мир получит предупреждение и поймет, что человечество держат на коротком поводке.

Диего поднялся, его голое тело было липким от отвратительных соков и обезображенным от раздувшихся порезов. Он зарылся пальцами ног в песок и пнул его.

В последний раз подошел к отцовскому грузовику, порылся в бардачке, а затем достал из задней части кузова жестяную банку.

С таким состраданием, какого никогда не чувствовал прежде, Диего облил бензином все ее тело и ее мертворожденных детенышей. Он долго простоял, понимая, что музыка смолкла, и, наконец, поджег скомканные обрывки бумаг.

---

[17] Примечания: 17

Вид доисторических хищных рыб наподобие современных латимерий. В длину достигали 90 см. Вымерли около 145 миллионов лет назад.

Произнеся немую, невнятную молитву, бросил пылающие бумаги в нее.

Она занялась быстрым голубым пламенем, которое в иной раз заставило бы Диего отскочить назад. Вместо этого он пустился в неведомый танец вокруг нее. От испарений у него все сильнее кружилась голова. Обнаженный перед луной, песком и ветром, он произносил надгробную песнь, никогда прежде не звучавшую из человеческих уст.

Погребальный костер догорел — до рассвета оставалось около часа. Диего сгорбившись сидел на песке, наблюдая за последними тлеющими угольками. Костей у нее не оказалось; пламя не оставило ничего, кроме россыпи оранжевых чешуек. Он ковырнул почерневший песок лопатой, прежде чем перевернуть его снова и снова, спрятав свидетельства от слабеющих над головой звезд.

Он потел, облипший песком и клейкой скверной. Никто не узнает, что случилось на этом пляже, — Диего знал это наверняка. Тайна ее вида не откроется еще целую эпоху, а то и больше, до тех пор, пока они сами не решат показаться.

Он стал отходить, сначала шагом, затем бегом, насколько мог, далеко и глубоко, в пучину студеных черных вод. Последним, что он слышал, была музыка подводных горнов, она звала его домой.

Перевод: А. Агеев

2015

Дейл Бейли, Натан Бэллингруд
ТРЕЩИНА

Дейл Бейли, Натан Бэллингруд. «The Crevasse», 2009. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Больше всего он любил тишину и девственную чистоту шельфового ледника: усердное дыхание собак, идущих назад по собственному следу, шорох полозьев по снегу, молочно-радужный свод неба над головой. Сквозь снежную завесу Гарнер вглядывался в бесконечные ледяные просторы, расстилающиеся перед ним, а ветер кусал лицо, заставляя время от времени соскребать тонкую корочку льда с краев ветрозащитной маски; только шорох, с которым ткань маски соприкасалась с лицом, напоминал ему, что он еще жив.

Их было четырнадцать. Четверо мужчин, один из которых — по имени Фабер — лежал на санях позади Гарнера. Он был привязан и большую часть времени оставался без сознания, но иногда пробуждался из глубин морфинового сна и начинал стонать. Десять больших серо-белых

гренландских собак. Двое саней. И тишина, подавляющая все воспоминания и желания, создающая пустоту внутри. А ведь он приехал в Антарктиду именно ради этого.

Но вдруг тишина оборвалась — вскрылась старая рана.

Раздался оглушительный треск, будто молния ударила в камень и расколола его пополам; лед задрожал, и собаки, запряженные в главные сани в двадцати метрах от Гарнера, взвыли от страха. Это произошло прямо на глазах у Гарнера: главные сани перевернулись — Коннелли при этом упал в снег — а затем будто огромная рука схватила их и потянула вниз, пытаясь затащить в трещину во льду. Потрясенный Гарнер еще какое-то мгновение сидел и смотрел, что будет дальше. Торчащие камнем из земли сломанные сани все приближались и приближались. И тут время словно споткнулось и резко скакнуло вперед. Гарнер развернулся и бросил назад крюк, чтобы затормозить. Крюк царапал лед. Когда он наконец зацепился, Гарнера сильно тряхнуло. Веревка натянулась, и сани замедлились. Но этого было недостаточно.

Гарнер бросил второй крюк, затем еще один. Крюки цеплялись за лед, сани дергались из сто-

роны в сторону, один полоз поднялся в воздух. На мгновение Гарнеру показалось, что сани перевернутся и накроют собой собак. Но полоз снова опустился на землю, сани заскользили по льду, поднимая ледяные брызги, пока наконец не остановились.

Стуча зубами и подвывая, собаки жались к саням. Гарнер спрыгнул на снег, не обращая на них никакого внимания. Он оглянулся на мертвенно-бледного Фабера, который чудом не свалился в снег, а затем бросился к сломанным саням, перепрыгивая через рассыпавшийся груз: еду, палатки, посуду, медикаменты, среди которых сверкали медицинские инструменты и несколько бриллиантов — ценных ампул морфия, которыми так дорожил Макрэди.

Сломанные сани едва держались на краю глубокой черной трещины во льду. Когда Гарнер подошел ближе, сани под весом запряженных в них собак сдвинулись на сантиметр, а затем еще на сантиметр. Собаки скулили, царапая когтями лед, в то время как ремни упряжи увлекали их вниз под весом Атки, ведущего пса, который уже исчез за краем пропасти.

Гарнер представил себе, как пес изо всех сил пытается высвободиться из ремней, погружаясь

все глубже в черный колодец, наблюдая за тем, как неровный круг бледного света над его головой уменьшается и отдаляется от него сантиметр за сантиметром. От этой мысли Гарнер почувствовал дыхание ночи внутри самого себя, ощутил на себе вековую тяжесть тьмы. Вдруг чья-то рука схватила его за лодыжку.

— Черт! — воскликнул Гарнер. — Держись…

Наклонившись, он схватил руку Бишопа и потянул его наверх, подошвы ботинок скользили на льду. Вытащив его на поверхность, Гарнер по инерции упал в снег, а Бишоп упал рядом и свернулся в позе зародыша.

— Ты в порядке?

— Лодыжка, — сквозь зубы проговорил Бишоп.

— Ну-ка, дай я посмотрю.

— Потом. Где Коннелли? Что с Коннелли?

— Он упал…

Сани с металлическим скрежетом двинулись с места. Они сдвинулись на полметра, а затем снова остановились. Собаки взвыли. Гарнер никогда не слышал, чтобы собаки издавали такие звуки — он даже не знал, что собаки могут издавать такие звуки, — и на секунду их бессловесный слепой ужас охватил и его самого. Он снова подумал об Атке, который висел там, на ремнях, пытаясь

уцепиться когтями за воздух, и почувствовал, как внутри него все перевернулось.

— Соберись, парень, — сказал Бишоп.

Гарнер глубоко вдохнул, ледяной воздух обжигал легкие.

— Сейчас нужно собраться, док, — сказал Бишоп. — Ты должен обрезать веревки.

— Нет!..

— Мы должны освободить сани. Спасти оставшихся в живых. Так нужно, или мы все здесь умрем, понимаешь? Я не могу двигаться, поэтому этим придется заняться тебе…

— А как же Коннелли?..

— Не сейчас, док. Делай, что я тебе говорю. У нас нет времени. Понимаешь?

Бишоп пристально смотрел на него. Гарнер попытался отвернуться, но не смог. Он будто окаменел под пристальным взглядом товарища.

— Ладно, — сказал он.

Гарнер, пошатнувшись, встал. Он опустился на колени и принялся копаться в обломках. Отбросил в сторону пачку риса, смерзшегося в комья, открыл одну из коробок — в ней оказались бесполезные сигнальные ракеты — и отшвырнул ее в сторону, взялся за другую. На этот раз ему повезло: в коробке лежал моток веревки, молоток и

несколько скальных крючьев. Сани заскользили ближе к краю трещины и повисли на середине, их задняя часть приподнялась над поверхностью земли, собаки вновь заскулили.

— Быстрее! — сказал Бишоп.

Гарнер стал вбивать крючья как можно глубже в многолетнюю мерзлоту и несгибаемыми из-за толстых перчаток пальцами продевать веревку в кольца. Другим концом веревки он обвязал себя вокруг пояса и направился к краю разлома в леднике. Лед с треском ходил под ногами. Сани дрогнули, но не сдвинулись с места. Внизу из-под упряжи торчали кожаные ремни, туго натянутые через неровный край пропасти.

Он начал двигаться, постепенно натягивая веревку. Небо над его головой все отдалялось. Опускаясь все ниже и ниже, он, наконец, оказался на коленях на самом краю ледника, а в нос ему ударил жар и резкий запах псины. Зубами он стащил с руки одну перчатку. Методично сражаясь с враждебной стихией, он вытащил нож из чехла и, прижав лезвие к ближайшему ремню, принялся пилить, пока кожа с треском не порвалась.

Внизу в темноте Атка опустился ниже и жалобно заскулил. Гарнер принялся за следующий ремень, почувствовал, что тот движется, и все

— собаки, а за ними и сани — медленно приближается к обрыву. На секунду ему показалось, что сани сорвутся и исчезнут во тьме. Но ничего не случилось. Он взялся за третий ремень, который отчего-то оказался не так сильно натянутым. Тот затрещал под лезвием, и Гарнер снова почувствовал, как в глубине темного колодца Атка покачнулся под собственным весом.

Гарнер вглядывался в черноту. Он мог разглядеть смутные очертания пса, чувствовал, как невыразимый ужас собаки охватывает и его самого, и, когда он поднес лезвие к последнему ремню, в его памяти рухнула стена, которую он когда-то тщательно возводил. На него нахлынули воспоминания: изуродованная плоть под его ладонями, отдаленные выстрелы, потемневшее и искаженное лицо Элизабет.

Пальцы дрогнули. На глаза навернулись слезы. Атка бился внизу, и сани постепенно двигались. Но он все колебался.

Веревка затрещала. Гарнер посмотрел вверх и увидел, как Коннелли, хватаясь руками за веревку, спускается к нему.

— Давай, — прохрипел Коннелли, глаза его сверкали. — Освободи его.

Пальцы Гарнера, сжимающие рукоятку ножа,

ослабли. Темнота тянула его к себе, Атка скулил.

— Дай сюда этот чертов нож, — сказал Коннелли, хватаясь за рукоятку. Теперь они оба висели на единственной серой тонкой веревке: двое мужчин, один нож и бездонная пропасть неба над их головами. Коннелли яростно пилил последний ремень. Еще мгновение тот не поддавался, а затем оборвался, резко, и концы ремня разлетелись в разные стороны от лезвия.

Атка с криком провалился в темноту.

* * *

Разбили лагерь.

Нужно было отремонтировать упряжь, успокоить собак, перераспределить груз с учетом потери Атки. Пока Коннелли занимался этой рутиной, Гарнер позаботился о Фабере — его кровь черной ледяной коркой покрывала временную шину, которую Гарнер соорудил вчера, — и перебинтовал лодыжку Бишопа. Все эти действия он совершал машинально. Служба во Франции научила его этому фокусу: руки работают, в то время как мысли заняты совершенно другим. На войне это помогало ему не потерять рассудок, когда к нему в госпиталь привозили людей, изрешеченных немецкими пулеметами или покрытых волдыря-

ми и ожогами от иприта. Он пытался спасти их, хотя эта работа была совершенно бессмысленной. Человечество почувствовало вкус смерти, и доктора стали ее сопровождающими. Среди криков и луж крови Гарнер заставлял себя думать о своей жене, Элизабет: о том, как тепло у них на кухне в Бостоне, и о ее теплом теле.

Но все это в прошлом.

Теперь, когда он дал волю воспоминаниям, они завели его в темные уголки, и он, будто медик-первокурсник, пытался полностью сосредоточиться на выполнении этих механических действий. Он отрезал кусок бинта и туго крест-накрест перебинтовал раненую ногу Бишопа, частично захватив ступню. Он старался ни о чем не думать, прислушиваясь к тому, как легкие с трудом вдыхают морозный воздух, как Коннелли со сдержанной злостью работает над упряжью, как собаки роются в снегу, устраиваясь отдохнуть.

А еще он прислушивался к отдаленным крикам Атки, которые кровью сочились из трещины.

— Поверить не могу, что этот пес все еще жив, — сказал Бишоп и поднялся, чтобы проверить поврежденную ногу. Сморщившись, он снова опустился на ящик. — А он чертовски живуч.

Гарнер представил себе, с какой болью и отчаянием на лице Элизабет ждала его, пока он воевал за океаном. Она так же боялась за него, сидя на дне собственного черного разлома? Она так же кричала и плакала из-за него?

— Помоги мне с палаткой, — сказал Гарнер.

Они отделились от основной части экспедиции, чтобы отвезти Фабера назад к одному из складов на шельфовом леднике Росса, где Гарнер мог бы о нем позаботиться. Они бы остались там дожидаться остальных членов экспедиции, которые вполне устраивали Гарнера, но не нравились ни Бишопу, ни Коннелли: те более серьезно относились к походу.

До наступления полярной ночи по-прежнему оставался месяц, но, если они собираются разбить здесь лагерь и чинить снаряжение, им необходимо поставить палатки, чтобы не замерзнуть. Когда они начали вбивать колышки в вечную мерзлоту, к ним подошел Коннелли; его взгляд безразлично скользнул по Фаберу, который лежал в морфиновом забытье, все еще привязанный к саням. Посмотрев на лодыжку Бишопа, Коннелли поинтересовался, как тот себя чувствует.

— Заживет, — сказал Бишоп. — Никуда не денется. Как там собаки?

— Придется думать, как обойтись без Атки, — сказал Коннелли. — Похоже, придется сбросить часть груза.

— Мы потеряли всего одну собаку, — сказал Бишоп. — Это не должно сильно повлиять на вес.

— Мы потеряли двоих. У одной из крайних сломана лапа. — Он расстегнул одну из сумок, привязанных к саням сзади, и вытащил из нее армейский револьвер. — Так что давай, делай перерасчет. А мне придется заняться раненой. — Он смерил Гарнера презрительным взглядом. — Не волнуйся, я не заставляю *тебя* это делать.

Гарнер наблюдал за тем, как Коннелли подошел к раненой собаке, лежавшей на снегу в стороне от остальных. Она непрерывно вылизывала поврежденную лапу. Когда подошел Коннелли, она подняла на него взгляд и легонько вильнула хвостом. Коннелли направил на нее ствол и пустил пулю в голову. В пустоте открытой равнины звук выстрела показался блеклым и незначительным.

Гарнер отвернулся, внутри него с неожиданной силой поднялась буря эмоций. Бишоп поймал его взгляд и с наигранно грустной улыбкой пояснил:

— День не задался.

* * *

Атка продолжал скулить.

Гарнер не мог уснуть. Он лежал и разглядывал брезентовый потолок палатки: туго натянутый, гладкий, будто скорлупа яйца изнутри. Фабер стонал, звал кого-то — похоже, кто-то привиделся ему в горячке. Гарнер его почти ненавидел. Не за травму — ужасный открытый перелом бедра был результатом неосторожного шага по льду, когда Фабер вышел из палатки, чтобы отлить, — а за сладкое забвение от дозы морфия.

На войне во Франции он встречал многих докторов, которые пользовались этим препаратом, чтобы отгонять ужасы, преследовавшие их по ночам. Он также видел, каким жаром и агонией сопровождался синдром отмены. У него самого никогда не было желания испытать это на себе, но все же наркотик манил его. Раньше это желание появлялось у него при мысли об Элизабет. Теперь же оно возникало в любой момент и мучило его гораздо сильнее.

Элизабет пала жертвой величайшей шутки всех времен: жертвой гриппа, эпидемия которого охватила мир весной и летом 1918 года — будто небеса посчитали, что недостаточно заявили о

своем недовольстве человечеством, допустив кровавую бойню в окопах. В последнем письме Элизабет так и назвала эту эпидемию: божий суд над сумасшедшим миром. Гарнер к тому времени уже разочаровался в религии: спустя неделю, проведенную в полевом госпитале, он убрал подальше Библию, которую Элизабет дала ему с собой. Уже тогда он понял, что эти жалкие выдумки не принесут ему никакого утешения перед лицом этого ужаса. Так и вышло. Ни тогда, ни спустя некоторое время, когда он вернулся домой и обнаружил там безмолвную, одинокую могилу Элизабет. Вскоре после этого Гарнер принял предложение Макрэди сопровождать экспедицию, и хотя перед отбытием он сунул Библию в свой мешок со снаряжением, он ни разу ее не открывал и не собирался открывать сейчас, лежа без сна рядом с человеком, который чуть не умер лишь потому, что захотел отлить (еще одна величайшая шутка), в этом ужасном и заброшенном месте, где сам бог, в которого так верила Элизабет, не имел власти.

В таком месте бога нет и быть не может.

Лишь непрекращающийся свист ветра, рвущийся сквозь тонкий брезент, и доносящиеся из глубины звуки собачьей агонии. Лишь пустота

и несгибаемый фарфоровый купол полярного неба.

Тяжело дыша, Гарнер сел.

Фабер бормотал что-то себе под нос. Гарнер склонился к раненому, и ему в ноздри ударил горячий, зловонный воздух. Он убрал волосы со лба Фабера и стал рассматривать его ногу: под штаниной из тюленьей кожи она вздулась и стала похожей на сардельку. Гарнеру не хотелось думать о том, что он увидит, разрезав эту сардельку и обнажив поврежденную ногу: вязкую поверхность раны, кроваво-красные линии, свидетельствующие о заражении крови, обвивающие бедро Фабера, будто виноградная лоза, неотвратимо пробирающиеся вверх, прямо к его сердцу.

Атка издал высокий, протяжный звук, который постепенно распался на жалкие поскуливания, затих, а затем возобновился воем сирены, прямо как на французском фронте.

— Боже, — прошептал Гарнер.

Он вытащил из мешка фляжку и позволил себе сделать маленький глоток виски. Затем он сел в темноте, прислушиваясь к горестным стенаниям пса, и перед его глазами замелькали воспоминания из госпиталя: кусок окровавлен-

ной человеческой плоти в стальной ванночке, воспаленная рана после ампутации, кисть, самопроизвольно сжавшаяся в кулак, когда ее отделили от руки. Думал он и об Элизабет, погребенной за несколько месяцев до того, как Гарнер вернулся из Европы. Еще он думал о Коннелли, о том, с каким презрением тот посмотрел на него, когда пошел разбираться с раненой собакой.

Не волнуйся, я не заставляю тебя это делать.

Пригнувшись — палатка была низкой — Гарнер оделся. Он положил в карман куртки фонарь, толкнул плечом полог палатки и, склонившись, пошел против ветра, обхватив себя руками вокруг пояса. Трещина была прямо перед ним, веревка по-прежнему змеей петляла между крючьями, а ее конец свешивался в яму.

Гарнер почувствовал, как темнота тянет его к себе. Атка кричал.

— Ладно, — пробормотал он. — Все хорошо, я сейчас приду.

Он снова обвязал себя веревкой вокруг пояса. На этот раз он без малейшего колебания развернулся спиной к обрыву и начал двигаться. Перехватывая веревку руками, он пятился назад и спускался вниз, шаркая подошвами по льду, пока не шагнул в пустоту и не повис на веревке в

темном колодце.

Его охватила паника, непреодолимое чувство, что под ним пропасть. Под его ногами зияла огромная разинутая пасть трещины, кусок абсолютной пустоты, вклинившийся в самое сердце планеты. Внизу — в пяти, десяти метрах? — скулил Атка, так жалобно, будто новорожденный щенок, зажмурившийся в попытке защитить глаза от света. Гарнер подумал о псе, который корчился в агонии, лежа на каком-то подземном леднике, и начал спускаться во всепоглощающую темноту ямы.

Один удар сердца, затем еще один, еще и еще; казалось, мрак поглотил весь воздух, ноги пытались нащупать твердую опору. Пытались — и нащупали. Крепко вцепившись в веревку, Гарнер стал понемногу проверять, выдержит ли поверхность его вес.

Поверхность выдержала.

Гарнер достал из кармана фонарь и включил его. Атка поднял на него полный боли взгляд карих глаз. Лапы пса были изогнуты под туловищем, хвост слабо подергивался. На морде блестела кровь. Подойдя ближе, Гарнер увидел, что обломок ребра пробил туловище пса, обнажив бледно-желтый подкожный жир. Глубоко в

ране сквозь толстую свалявшуюся шерсть можно было разглядеть, как пульсируют кроваво-красные внутренности. На сырых камнях замерзла лужица, от которой исходил неприятный запах: пес опорожнил кишечник.

— Все хорошо, — сказал Гарнер. — Все хорошо, Атка.

Опустившись на колени, Гарнер погладил собаку. Атка зарычал и утих в ожидании помощи и сострадания.

— Атка, хороший мальчик, — прошептал Гарнер. — Успокойся.

Гарнер вытащил из чехла нож, наклонился вперед и поднес лезвие к горлу собаки. Атка заскулил.

— Ш-ш-ш, — прошептал Гарнер, прижимая лезвие и готовя себя к тому, что он собирался вот-вот сделать, как вдруг…

Во тьме позади него что-то зашевелилось: послышался шорох кожи, грохот сталкивающихся камней, мелкие камешки со стуком разлетались в темноте. Атка снова заскулил, принялся дергать лапами, пытаясь вжаться в стену. В изумлении Гарнер надавил на лезвие. На шее Атки открылась рана и засочилась черной артериальной кровью. Пес замер, дернулся и умер — Гарнер

всего мгновение наблюдал, как его глаза помутнели, — и в темноте у него за спиной опять что-то зашевелилось. Гарнер отшатнулся назад, прижимая тело Атки плечами к стене. Он замер, вслушиваясь в тишину.

Ничего не происходило (уж не показалось ли ему все это? наверняка просто показалось), и Гарнер осветил тьму фонарем. От увиденного у него перехватило дыхание. Ошеломленный, он встал на ноги, веревка кольцами лежала возле его ног.

Простор.

Это место казалось бесконечным: голые каменные стены образовали арки, как в соборах, поднимавшиеся до самой поверхности, пол был гладкий, как стекло — отполированный веками, он простирался перед ним, пока не исчезал далеко во тьме. От ужаса — или из любопытства? — Гарнер двинулся вперед, постепенно разматывая веревку, пока не оказался на краю пропасти и не разглядел, что же это на самом деле.

Это была лестница, вырезанная из цельного камня, и эта лестница была не человеческая: каждая ступенька была больше метра в высоту, а сама лестница, изгибаясь, уходила бесконечно глубоко под землю, вниз и вниз, туда, куда не доставал свет его фонаря, так далеко, что он и

представить себе боялся. Гарнер почувствовал, как это место тянет его за собой, его тело дрожало от желания спуститься туда. Нечто глубоко внутри него — какое-то немое, невыразимое желание — требовало сделать это, и, не успев полностью осознать, что происходит, Гарнер спустился на одну ступеньку, затем на следующую, урывками освещая на стенах рельефы, изображающие нечеловеческие фигуры: ноги и руки с длинными когтями, спутанные щупальца, которые будто бы извивались в неровном свете фонаря. И при всем этом его непреодолимо тянуло вниз, в темноту.

— Элизабет, — шептал он, спускаясь по ступенькам все ниже и ниже, пока веревка, о которой он уже забыл, не сдавила его пояс. Он посмотрел вверх и увидел высоко над собой бледное пятно — лицо Коннелли.

— Какого черта ты там забыл, док? — прокричал Коннелли разъяренным голосом, а затем Гарнер, едва ли не против собственной воли, начал подниматься обратно, к свету.

* * *

Не успел он выбраться наружу, как Коннелли схватил его за воротник и швырнул на землю. Гарнер попытался встать, но Коннелли пинком

сбил его с ног, его лицо со светлой бородой было искажено от бешенства.

— Ты тупой сукин сын! Ты что, хочешь, чтобы мы все тут передохли?

— Отвали от меня!

— Из-за псины? Из-за чертовой *псины*? — Коннелли попытался пнуть его снова, но Гарнер схватил его за ногу и покатился по снегу, повалив за собой. Двое мужчин сцепились в снегу, несмотря на то, что толстые воротники и перчатки делали невозможным нанести друг другу хоть сколько-нибудь серьезные повреждения.

Полог одной из палаток откинулся, и оттуда высунулся потревоженный Бишоп с озадаченным лицом. Он направлялся к ним, застегивая пуговицы на куртке.

— Прекратите! Прекратите *сейчас же*!

Гарнер с трудом поднялся на ноги и, пошатнувшись, сделал пару шагов назад. Коннелли тяжело дышал, склонившись на одно колено и согнувшись. Он указал на Гарнера:

— Я нашел его в трещине! Он спустился туда в одиночку!

— Это правда?

— Разумеется, правда! — воскликнул Коннелли, но Бишоп жестом заставил его замолчать.

Гарнер посмотрел на него, с трудом вдыхая холодный воздух.

— Вам нужно это увидеть, — сказал он. — Боже мой, Бишоп!

Бишоп перевел взгляд на трещину, увидел крючья и веревку, уходящую в темноту.

— Ох, док, — сказал он тихо.

— Это не трещина, Бишоп. Это лестница.

Коннелли в два шага очутился возле Гарнера и ткнул его пальцем в грудь:

— Что? Да ты свихнулся!

— На себя посмотри!

Бишоп вклинился между ними.

— Хватит! — Он повернулся к Коннелли. — Отойди.

— Но…

— Я сказал, отойди!

Коннелли сжал губы, а затем развернулся и пошел к трещине. У края он опустился на колени и стал поднимать веревку.

Бишоп повернулся к Гарнеру.

— Объяснись.

Весь энтузиазм Гарнера мгновенно испарился. Он почувствовал усталость. Мышцы болели. Как объяснить ему это? Как объяснить им, чтобы они все поняли?

— Атка, — сказал он просто, умоляюще. — Я его слышал.

На лице Бишопа появилось выражение глубокого сожаления.

— Док… Атка был всего лишь псом. Главное для нас — доставить Фабера на склад.

— Я все время его слышал.

— Тебе нужно взять себя в руки. На кону человеческие жизни, ты это понимаешь? Мы с Коннелли не врачи. Фаберу нужен ты.

— Но…

— Ты слышишь, о чем я говорю?

— Я… да. Да, я понимаю.

— Спускаясь в такие трещины, особенно в одиночку, ты подвергаешь опасности всех нас. Что мы будем делать, оставшись без врача? А?

Гарнер не мог выиграть этот спор на словах. Нужно было действовать иначе. Поэтому он схватил Бишопа за руку и повел к трещине.

— Смотри, — сказал он.

Бишоп дернул руку, пытаясь высвободиться, лицо его почернело.

— Не распускай руки, док, — сказал он.

Гарнер отпустил его.

— Бишоп, — сказал он. — Прошу тебя.

Бишоп секунду колебался, а затем двинулся в

сторону трещины.

— Хорошо.

Коннелли был в ярости.

— Да ради всего святого!

— Мы не собираемся туда спускаться, — сказал Бишоп, переводя взгляд с одного на другого. — Я просто посмотрю, да, док? Вот и все.

Гарнер кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Ладно.

Вдвоем они подошли к краю трещины. Приближаясь к ней, Гарнер чувствовал, как в его печень словно вонзился крюк, тянущий вниз. Пришлось приложить усилие, чтобы остановиться у края, остаться спокойным и невозмутимо смотреть на остальных, как будто вся его жизнь не зависела от этого момента.

— Это лестница, — сказал он. Его голос не дрогнул. Его тело не двинулось с места. — Она вырезана из скалы. И на ней есть… кое-какие украшения.

Бишоп долго всматривался в темноту.

— Я ничего не вижу, — сказал он наконец.

— Говорю тебе, оно там! — Гарнер замолчал и попытался взять себя в руки. Еще попытка.

— Это может оказаться величайшим научным открытием века. Ты что, хочешь, чтобы Макрэди

присвоил его себе? Поставил здесь свой флажок? Да это же доказательство существования… — Гарнер запнулся. Он и сам не знал, существование чего это доказывает.

— Мы отметим это место, — сказал Бишоп. — И вернемся сюда. Если все это правда, то оно никуда не денется.

Гарнер включил фонарь.

— Смотри, — сказал он, направляя луч света вниз.

Белый луч разрезал темноту с точностью скальпеля, освещая каменные своды и рельефы на них, которые могли оказаться всего лишь природными неровностями. Круг света упал на стену позади трупа собаки, ярко осветив раскрытую челюсть пса, вывалившийся язык и черную лужицу крови.

Бишоп на мгновение задержал на нем взгляд, а затем затряс головой:

— Черт бы тебя побрал, док, — сказал он, — не испытывай мое терпение. Пошли отсюда.

Бишоп уже собирался отвернуться, когда тело Атки дернулось раз — Гарнер это видел — а затем еще раз, почти незаметно. Гарнер протянул руку и схватил Бишопа за рукав.

— Да что еще, ради бога… — начал было тот,

в его голосе чувствовалось раздражение. Затем тело рывком исчезло в темноте, так быстро, что казалось, будто оно растворилось в воздухе. Лишь кровавый след, уходящий в темноту, был свидетельством того, что это им не померещилось. Луч фонаря блуждал во мраке, и неровный круг света перемещался по гладкой, холодной поверхности камня, пока не наткнулся на нечто напоминающее вырезанную на поверхности когтистую лапу. Фонарь мигнул и погас.

— Какого черта… — начал Бишоп.

Из палатки за их спинами вырвался крик.

Фабер.

Гарнер неуклюже побежал через сугробы, высоко поднимая колени. Двое оставшихся что-то кричали ему вслед, но слов было не слышно из-за ветра и его собственного тяжелого дыхания. Тело совершало привычные движения, но сознание, будто насекомое, попавшее в паутину, застряло в трещине позади него, а перед глазами стоял образ того, что он только что увидел. Его гнал страх, адреналин и что-то еще, какая-то другая эмоция, которую он не испытывал много лет, а может быть, и ни разу за всю свою жизнь; некий переполняющий душу восторг, который грозил развеять его по ветру, будто пепел.

Фабер сидел на полу палатки, в воздухе смешались резкие запахи пота, мочи и керосина; его голову обрамляла шапка густых черных волос, а лицо было бледным как мел. Он все еще пытался кричать, но голос его не слушался, и он мог лишь издавать длинный хриплый свист, будто через его горло вытягивали стальную стружку. Из-под одеяла торчала опухшая нога.

От печки Нансена[18] исходило почти невыносимо душное тепло.

Гарнер опустился на колени рядом с ним и попытался уложить его назад в спальный мешок, но Фабер сопротивлялся. Он неотрывно смотрел на Гарнера, окружающую тишину нарушало лишь его тяжелое дыхание. Вцепившись пальцами в воротник Гарнера, он притянул его ближе к себе, так близко, что Гарнер ощущал кислый запах его дыхания.

— Фабер, успокойся, успокойся!

— Оно… — голос Фабера дрогнул. — Оно отложило в меня яйцо!

Бишоп и Коннелли протиснулись в палатку, и

[18] Примечания: 18

Печь Нансена — печка на твердом топливе, впервые сконструированная в 1895 году норвежским полярным исследователем Фритьофом Нансеном для приготовления пищи и обогрева во время зимних туристических походов в Заполярье *(прим. пер.)*.

у Гарнера внезапно возникло ощущение, будто его окружили — жара от печки, вонь, поднимающийся от их одежды пар; они подошли ближе, не сводя с Гарнера глаз.

— Что здесь происходит? — спросил Бишоп. — Все в порядке?

Фабер смотрел на них диким взглядом. Не обращая на них внимания, Гарнер положил ладони на щеки Фаберу и повернул его голову на себя.

— Смотри на меня, Фабер. Смотри на меня. О чем ты говоришь?

Фабер выжал из себя улыбку.

— Во сне. Мне приснилось, как оно засунуло мою голову в свое тело и отложило в меня яйцо.

Коннелли сказал:

— Он бредит. Видишь, что происходит, если бросать его одного?

Гарнер достал из сумки ампулу морфия. Фабер увидел это и стал извиваться всем телом.

— Нет! — закричал он, снова обретя голос. — Нет! — Выбившейся из-под одеяла ногой он сбил печь Нансена. Выругавшись, Коннелли бросился к перевернутой печке, но было уже слишком поздно. Все припасы и одеяла были залиты керосином, и палатка вспыхнула. Всех охватила паника. Бишоп попятился к выходу, а Коннелли

оттолкнул Гарнера — тот упал на спину — и схватил за ноги Фабера, оттаскивая его от огня. Фабер кричал и пытался сопротивляться, но Коннелли был сильнее. Через секунду Фабер, а вместе с ним и его тлеющий вещмешок, исчезли.

Гарнер, который все еще оставался в палатке, откинулся назад и наблюдал, как пламя стремительно поглощает крышу, роняя на землю и ему на голову огненные ленты. Жар сжал Гарнера, как пылкий любовник, и Гарнер закрыл глаза.

Однако он чувствовал не жар от огня, а холодное дыхание подземелья, тишину могилы, погребенной глубоко под ледником. Он снова увидел перед собой ступени, уходящие вниз, и услышал голос женщины, зовущей его. Она спрашивала, где он.

«Элизабет, — отозвался он, и его голос эхом отскочил от каменных стен. — Ты здесь?»

Если бы он только мог ее увидеть! Если бы он мог ее похоронить. Скрыть под землей ее прекрасные глаза. Спрятать ее во тьме.

«Элизабет, ты меня слышишь?»

Огромные руки Коннелли сгребли его, и он снова ощутил жар и жгучую боль в ногах и груди. Его будто бы обернули горячими бинтами.

— Надо оставить тебя тут, чтобы ты сгорел,

тупой сукин сын! — прошипел Коннелли, но делать этого не стал. Он потащил Гарнера на улицу — Гарнер открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как брезент перед ним раздвигается, подобно огненному занавесу, — и бросил его в снег. Боль быстро утихла, и Гарнер пожалел об этом. Коннелли возвышался над ним, на его лице читалось отвращение. Позади него догорала палатка, будто кто-то уронил в снег огромный факел.

Все это перекрывал дрожащий голос Фабера, который звучал то громче, то тише, как порыв ветра.

Коннелли бросил на землю рядом с Гарнером шприц и ампулу.

— У Фабера снова открылась рана, — сказал он. — Иди и делай свою работу.

Гарнер медленно поднялся на ноги, чувствуя, как кожа на груди и ногах натягивается. Он обгорел, но чтобы понять, как сильно, нужно было сперва разобраться с Фабером.

— А потом поможешь нам собрать вещи, — сказал Бишоп, запрягая собак. — Мы сваливаем отсюда.

* * *

Когда они добрались до склада, Фабер уже был мертв. Коннелли сплюнул на снег и пошел отцеплять собак, а Гарнер с Бишопом зашли внутрь и разожгли огонь. Бишоп поставил кипятиться воду для кофе. Гарнер распаковал постельные принадлежности и расправил постели, двигаясь очень осторожно. Когда в помещении стало достаточно тепло, он разделся и принялся осматривать ожоги. Наверно, останутся шрамы.

На следующее утро они положили тело Фабера в мешок и поместили его в холодильник.

После этого они стали ждать.

Судно вернется за ними не раньше, чем через месяц, и хотя экспедиция Макрэди должна была вернуться раньше, непредвиденные обстоятельства, которые Южный полюс предлагал в избытке, делали это предположение весьма неточным. В любом случае, они застряли здесь все вместе на неопределенное время, и даже щедрые запасы, которые обеспечивал склад (включая еду, медикаменты, игральные карты и книги), вряд ли могли полностью отвлечь их и заставить забыть о взаимных обидах.

В течение последующих нескольких дней Кон-

нелли сумел подавить свою злость на Гарнера, но, поскольку тому было достаточно малейшего повода, чтобы вновь разозлиться, Гарнер все же старался вести себя тише воды, ниже травы. Как и в окопах Франции, в Антарктиде любую смерть легко объяснить несчастным случаем.

Спустя пару недель в этой бесконечной череде дней, пока Коннелли дремал на своей постели, а Бишоп читал старый номер журнала о естественных науках, Гарнер решился рискнуть и вновь поднять тему о том, что произошло в трещине.

— Ты видел, — сказал он тихо, чтобы не разбудить Коннелли.

Бишоп отреагировал не сразу. Наконец он отложил журнал и вздохнул:

— Видел что?

— Ты знаешь, о чем я.

Бишоп покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Не знаю. Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Там что-то было.

Бишоп промолчал. Он снова взял журнал, но не читал, уставившись в одну точку на странице.

— Там внизу что-то было, — продолжал Гарнер.

— Нет, не было.

— Оно утащило Атку. И я знаю, что ты это видел.

Бишоп избегал его взгляда.

— Это место необитаемо, — сказал он после долгой паузы. — Здесь ничего нет. — Он моргнул и перевернул страницу журнала. — Ничего.

Гарнер откинулся на свою кровать, глядя в потолок.

Несмотря на то, что долгий полярный день еще не закончился, сумерки понемногу сгущались, и солнце, похожее на огромный раскаленный глаз, клонилось к горизонту. Предметы отбрасывали длинные тени, а лампа, которую Бишоп зажег для чтения, заставляла эти тени танцевать. Гарнер наблюдал за тем, как они скачут по потолку. Через некоторое время Бишоп потушил лампу и задернул занавески на окнах, так что комната погрузилась во тьму. Гарнер почувствовал нечто вроде умиротворения. Он позволил этому чувству наполнить себя изнутри, с каждым ударом сердца ощущал его приливы и отливы.

Поднялся ветер, по стеклу застучало мелкое зерно снега, и Гарнер задумался: интересно, на что похожа зима в этой холодной местности? Он представил, как небо растворяется, обнажая прочный купол звезд, как вся галактика вра-

щается над его головой, будто винт в огромном, необъятном двигателе. А за всем этим — пустота, в которую устремляются все молитвы человечества. Он подумал, что может уйти прямо сейчас, выйти на улицу, в эти длинные сумерки, и продолжать идти, пока перед ним не разверзнется земля, идти вниз по странным ступеням, пока весь мир вокруг него безмолвно исчезает под снегом и во тьме.

Гарнер закрыл глаза.

Перевод: А. Домнина

Роберт Чамберс
ЖЕЛТЫЙ ЗНАК

Роберт Чамберс. «The Yellow Sign», 1895. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

«Пусть думает красный восход,
Что сделаем с ночью мы;
Звезд призрачный свет умрет,
Настанет царствие тьмы...»

I

Как много в мире вещей, которые невозможно объяснить! Почему, например, некоторые аккорды музыки заставляют меня думать о коричневых и золотистых оттенках осенней листвы? Почему месса в Сан-Сесиль гонит мои мысли в пещеры, где стены блестят от нетронутого серебра росы? Почему шум и суматоха шестичасового Бродвея вдруг сменяются перед моими глазами картиной мирного бретонского леса, где солнце проникает сквозь весеннюю листву, а Сильвия нагибается, нежно и удивленно рассматривая маленькую зеленую ящерку, и еле слышно шепчет: «Подумать только, ведь это создание — тоже под покровительством Бога!..»

Когда я увидел сторожа первый раз, он стоял ко мне спиной. Я окинул его безразличным взглядом, даже не заметив, как он скрылся в дверях церкви. Тогда я обратил на него не больше внимания, чем на любого другого прохожего, бредущего в этот час по Вашингтон Сквер. А как только я захлопнул окно и вернулся в студию, то и вовсе позабыл о нем. День был в разгаре, и в комнате стояла страшная духота, поэтому

через некоторое время я снова распахнул окно и высунулся наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Сторож по-прежнему стоял во дворе церкви, оглядел площадь с фонтаном, а потом, все еще вспоминая уличный пейзаж — деревья, асфальтовые дорожки и толпы гуляющих нянюшек с детьми — решил вернуться к своему мольберту. Однако, отвернувшись от окна, я понял, что мой рассеянный взгляд все же прочно запечатлел в памяти этого человека в церковном дворе. На сей раз он стоял ко мне лицом, и я совершенно бессознательно пригнулся, чтобы получше разглядеть его. Не знаю, что в этом лице заставило меня ощутить такое отвращение, но мне тут же представился омерзительный могильный червь. И это ощущение, что передо мной — толстый белый трупный опарыш, было настолько сильно и тошнотворно, что оно, видимо, отразилось и на моем лице, потому что сторож сразу же отвернулся с очень недовольным видом, а я почему-то подумал о том, как неприятно бывает личинке, когда ее беспокоят в собственном коконе.

Вернувшись к мольберту, я жестом попросил натурщицу принять нужную позу, но поработав немного, убедился в том, что успел испортить все, что уже удалось написать. Пришлось брать шпа-

тель и соскребать с холста нанесенную краску. Дело в том, что цвет кожи на портрете получился какой-то бледный и нездоровый, и мне даже показалось странным, что я умудрился сотворить такое в своей мастерской, где света было вполне достаточно, и все до сих пор получалось у меня отлично.

Я хмуро посмотрел на Тэсси. Но она ничуть не изменилась — здоровый яркий румянец по-прежнему играл на ее шее и щеках.

— Я что-нибудь не то сделала? — спросила она.

— Нет, просто я тут плохо выписал руку и вообще не понимаю, как можно было нанести такое на холст, — ответил я.

— Разве я плохо позирую? — не унималась она.

— Да нет же, все замечательно.

— Значит, это не моя вина?

— Нет, тут все дело во мне…

— Мне очень жаль, — искренне расстроилась она.

Я сказал ей, что можно немного передохнуть, пока я буду очищать скипидаром испорченное место, и Тэсси пошла курить, на ходу перелистывая иллюстрированный журнал «Курьер Франсэ».

Не знаю, был ли испорчен скипидар, или же

проявился скрытый брак холста, но чем больше я тер, тем сильнее распространялась по картине эта зараза. Я работал без устали, пытаясь вывести краску, но страшный мертвенный оттенок перебрасывался от руки к руке прямо на моих глазах. Я изо всех сил пытался помешать этому, но краска уже успела измениться и на груди — странная инфекция заражала всю фигуру; казалось, портрет впитывает в себя этот жуткий цвет тления, как губка воду. В отчаянии я отбросил шпатель, тряпку и скипидар в сторону и подумал о том, какую сцену я устрою Дювалю, продавшему мне этот чертов холст. Но вскоре я понял, что дело вовсе не в холсте и не в красках, купленных у Эдварда. «Наверное, виной всему плохой скипидар, — подумал я. — Или что-то случилось у меня с глазами, и после солнечного света они видят все искаженным». Я подозвал Тэсси. Она тихо подошла сзади и перегнулась через мой стул, выпустив в воздух кольцо сигаретного дыма.

— Что ты наделал с картиной? — в ужасе воскликнула она.

— Ничего, — прорычал я. — Наверное, это из-за скипидара.

— Какой жуткий цвет! — продолжала она. — Ты считаешь, что мое тело похоже на зеленый сыр?

— Конечно же нет, — сердито ответил я. — Разве я раньше когда-нибудь так писал?

— Нет, никогда…

— Вот видишь!

— Да, наверное, это действительно из-за скипидара или из-за чего-нибудь еще, — растерянно согласилась Тэсси.

Она накинула японский халат и подошла к окну. А я тер и скоблил до тех пор пока не устал, и в конце концов схватил кисти и с силой проткнул ими холст, при этом крепко выругавшись во весь голос, и тут же испугался, что мои слова могут долететь до Тэсси. Так и случилось: она сразу же повернулась в мою сторону и всплеснула руками.

— Ну правильно! Ругайся, веди себя по-дурацки, кисти ломай… Ты три недели проработал над картиной, а теперь посмотри! Зачем же портить холст?.. И что за народ эти художники!

Я же почувствовал себя пристыженным, как это бывает у меня всякий раз после вспышки гнева, и повернул испорченный холст лицом к стене. Тэсси помогла мне очистить кисти и пошла одеваться. Из-за ширмы она продолжала давать советы по поводу того, как надо себя вести, когда чувствуешь, что начинаешь терять контроль,

а потом, посчитав, что с меня хватит, вышла и попросила помочь ей застегнуть пуговицы на спине, до которых сама она не могла дотянуться.

— Все пошло насмарку, когда ты отошел от окна и рассказал мне про того жуткого типа, что стоял во дворе церкви, — сказала она.

— Да, наверное, он заколдовал картину, — ответил язевая и посмотрел на часы.

— Уже седьмой час, я знаю, — перехватила мой взгляд Тэсси и подошла к зеркалу, чтобы поправить шляпку.

— Да, но я, правда, не хотел тебя так задерживать… — Мне было страшно, неловко и в смущении я выглянул из окна, но сразу же отшатнулся, потому что молодой человек с одутловатым лицом по-прежнему стоял в церковном дворе.

— Вот это и есть тот, кто тебе так не понравился? — шепнула Тэсси.

Я кивнул.

— Я не вижу его лица, но, по-моему, он весь какой-то толстый и мягкий. Во всяком случае, — продолжала она, задумчиво посмотрев на меня, — он напоминает мне один сон — страшный сон — который я однажды увидела. Или, — Тэсси неожиданно замолчала, уставившись на свои туфли, — это был вовсе и не сон?..

— Откуда же мне знать? — попробовал улыбнуться я.

Тэсси улыбнулась в ответ, но как-то искусственно и принужденно.

— Дело в том, что ты тоже там был, — сказала она. — Поэтому, может быть, и ты что-то об этом знаешь.

— Тэсси, Тэсси! — рассмеялся я. — Уж не хочешь ли ты мне польстить, заявляя, что я являюсь тебе во сне?

— Но все это правда, — настаивала она. — Тебе рассказать?

— Валяй, — ответил я и закурил сигарету.

Тэсси облокотилась на подоконник и после минутной паузы очень серьезно начала свой рассказ:

— Как-то прошлой зимой я поздно вечером лежала в постели И ни о чем особенном не думала. Весь день я позировала для тебя и очень устала, но все же почему-то мне никак не удавалось заснуть. Я слышала, как городские часы пробили десять, одиннадцать, потом полночь. Наверное, после полуночи я и заснула, потому что больше часовне было слышно. И мне приснилось, будто как только я закрыла глаза, что-то повелело мне встать и подойти к окну. Я поднялась, открыла

окно и выглянула наружу. Вся 25-я улица была пуста. Мне стало страшно: все казалось каким-то черным и пугающим. Потом до моих ушей донесся скрип колес, и мне показалось, что именно этого я и должна была дождаться. Постепенно звук нарастал, и наконец я увидела повозку, медленно ползущую по ночной мостовой. Экипаж подъезжал все ближе и ближе, и, когда он поравнялся с моим окном, я поняла, что это был катафалк. Мне стало очень страшно, и я вся задрожала, а кучер тут же повернулся на козлах и посмотрел прямо на меня. Проснулась я, стоя у окна и дрожа от холода, но черный катафалк уже уехал. В марте мне опять приснился этот же сон, и опять я очнулась возле окна. И прошлой ночью сон повторился еще раз. Ты же помнишь, какой вчера был сильный дождь, и когда я проснулась, стоя у открытого окна, вся моя ночная рубашка была мокрая.

— Ну а где же я в этом сне?

— Ты… ты был в гробу, но ты не был мертв, — ответила Тэсси. Голос ее дрожал.

— В гробу?

— Да.

— Но откуда ты это знаешь? Ты что, видела меня?

— Нет, но я знала, что ты там.

— Может, ты переела грибов или салата из омаров? — засмеялся я, но она вдруг испуганно вскрикнула.

Я быстро подбежал к окну, возле которого стояла Тэсси, крепко вцепившись рукой в подоконник. Глаза ее широко раскрылись от ужаса.

— Тот… тот человек в церковном дворе — он и есть кучер катафалка, — упавшим голосом еле выговорила она.

— Чепуха, — попытался успокоить ее я, но в глазах у Тэсси прыгал нешуточный страх. Я выглянул в окно. Однако сторож уже ушел.

— Ну пойдем, Тэсси, — ласково попросил я. — Не будь глупенькой. Просто ты очень долго позировала и у тебя расшатались нервы.

— Ты думаешь, я могла бы забыть это лицо? — пробормотала она. — Три раза я видела катафалк под своим окном, и каждый раз кучер смотрел на меня. Лицо у него было такое же бледное и такое… мягкое, что ли! Он показался мне мертвецом — словно умер уже давным-давно.

Я заставил ее присесть и выпить стаканчик сухого мартини. Потом уселся рядом и попытался дать ей добрый совет.

— Послушай, Тэсси, — сказал я. — Езжай-ка ты

в деревню на пару недель, и катафалки сразу перестанут тебе сниться. Ведь ты целыми днями позируешь, а когда наступает вечер — становишься усталой и издерганной. В этом нет ничего удивительного, но дальше так продолжаться не может. Да кроме того по вечерам ты снова, вместо того чтобы пойти выспаться после трудного дня, бежишь нвечеринки или в парк Сузлера, а то и вовсе едешь в Эльдорадо или на Кони-Айленд, и уж на следующее утро приходишь совершенно измотанная. Но никаких катафалков не было. Это самый обыкновенный кошмарный сон. Она едва заметно улыбнулась.

— А как же тот человек в церковном дворе?..

— О, господи! Да это самое обыкновенное, только немного больное, земное существо.

Но Тэсси с сомнением покачала головой.

— Нет, все-таки то, что я видела, было так же верно, как то, что меня зовут Тэсси Ридрен. Я клянусь, что лицо этого человека и есть точь-в-точь лицо кучера катафалка!

— Ну и что с того? — спросил я. — В конце концов это ведь тоже честная профессия.

— Значит, ты считаешь, что я все же видела катафалк?

— Ну… — дипломатично сказал я, — даже если

ты и впрямь видела его, то вполне возможно, что именно тот человек им и управлял. Но что же в этом необычного?

Тэсси поднялась, развернула надушенный носовой платок, вынула из уголка жвачку и положила ее в рот. Потом, надев перчатки, протянула мне руку и, пожелав спокойной ночи, ушла.

II

На следующее утро Томас, посыльный, принес мне «Геральд» и другие газеты с новостями. Церковь, которая располагалась напротив моего дома, была кому-то продана. И я искренне поблагодарил бога за это. Нет, вовсе не потому, что мне не нравилось, что под самыми окнами у меня собираются прихожане; я и сам был католиком. Но каждый мой нерв содрогался, когда выходил проповедник, и его слова разносились не только по церковному саду, но были прекрасно слышны и во всех моих комнатах, и он постоянно ревел своим грассирующим «р» так, что весь мой организм начинал бунтовать. Там был и еще один дьявол в человеческом обличье — органист, позволявший себе играть старинные гимны в собственной интерпретации, и мне не терпелось разделаться с этим существом, которое вставляет в рождественские молитвы такие аккордики, каких нельзя услышать даже в ансамбле подростков-любителей. Я всей душой хочу верить, что священник в нашей церкви — вполне порядочный человек, но когда он начинает рычать: «И сказал господь Моисею, что он повер-р-ргнет его,

и что меч его сокр-р-рушит непокор-р-р-рных!..» — мне всякий раз кажется интересным, сколько же столетий ему придется провести в чистилище за такой грех.

— И кто купил эту церковь? — спросил я у Томаса.

— Не знаю, сэр. Говорят, что джентльмен, сдающий квартиры — Гамильтон — присматривался к ней. Может, и он.

Я подошел к окну. Сторож с нездоровым распухшим лицом по своему обыкновению стоял у ворот, и от одного его вида меня отшатнуло, до того стало мерзко.

— Кстати, Томас, — сказал я. — Что там за парень стоит внизу?

Томас шумно втянул носом воздух.

— Этот червяк, сэр? Он по ночам сторожит церковь. И мне так противно смотреть на него, сэр, когда он сидит на ступеньках и оскорбляет тебя своими высокомерными взглядами, что однажды я даже не выдержал и вдарил ему по башке. Вы уж извините, сэр…

— Ничего-ничего, продолжай, Томас.

— Ну, как-то ночью мы с Гарри возвращались домой — это мой приятель, тоже из Англии, — а этот гнус сидел на ступеньках. С нами еще были

девочки, сэр, Молли и Джейн, они в кафе работают, а он на нас так посмотрел, сэр, что я не выдержал и сказал: «А ты чего уставился, жирная свинья?» — Извините, сэр, но я именно так и сказал. А он ничего не ответил. Ну я и говорю: «Иди-ка сюда, я тебе сейчас всю башку разобью». Он опять молчит. Тогда я открыл ворота и сам вошел, а он снова ничего не сказал, только посмотрел на меня как бы с осуждением. Тут я и вмазал ему, но… эх, сэр, такой он был противный, что его и трогать-то было тошно.

— Ну и что же он сделал? — с любопытством спросил я.

— Он? Да ничего!

От смущения юноша покраснел и растерянно улыбнулся.

— Мистер Скотт, я ведь не трус какой-нибудь и не понимаю, почему надо было убегать. Но только когда я опомнился, то был уже далеко от этого места — около Пятой Лонсерс, сэр.

— Ты хочешь сказать, что ты убежал?

— Да, сэр, я убежал оттуда, — стыдливо признался Томас.

— Но почему? — удивился я.

— Вот это-то мне и непонятно, сэр. Я схватил Молли в охапку, и все остальные тоже перепу-

гались…

— Чего же это вы так испугались?

Томас сначала отказывался отвечать, но от этого мое любопытство еще больше возросло, и я стал настойчиво просить его рассказать мне все до конца. Но он упорствовал; его затруднение заключалось в том, что он прожил в Америке уже три года и теперь приобрел чисто американскую привычку — Томас боялся, что над ним будут смеяться.

— Да вы мне все равно не поверите, сэр, — продолжал отнекиваться он, покраснев до ушей.

— Поверю, — твердо пообещал я.

— А вы не будете надо мной смеяться?

— Что за чепуха! Конечно, нет.

Он помолчал еще немного, а потом шумно вздохнул и сказал:

— Ну ладно, сэр, тут все дело в том, что когда я ему вмазал, он схватил меня за руку, но я вывернулся, и, клянусь Богом, у него оторвался один палец и остался болтаться в моей руке. — Ужас с лица Томаса, наверное, перешел и на мое лицо, и он быстро добавил: — Это было так мерзко, сэр, что теперь, когда я его вижу, то просто поворачиваюсь и ухожу. Меня, вы уж простите, прямо блевать тянет при виде этой сволочи.

Когда Томас ушел, я снова подошел к окну. Сторож стоял у ворот, положив обе руки на решетку. Назад к мольберту я вернулся, с трудом сдерживая подступившую тошноту, так как сразу же заметил, что на правой руке у него не хватает среднего пальца.

В девять часов пришла Тэсси и, весело поздоровавшись, скрылась за ширмой. Когда она приготовилась и стала позировать, я, к ее радости, взял уже новый холст, решив не мучаться понапрасну с загубленным вчера портретом. Пока я делал наброски, она молчала, но как только работа с карандашом была закончена и я стал готовить фиксатив, Тэсси начала щебетать без умолку.

— Вчера я так чудесно провела вечер! Представляешь, мы ходили к Тони Пастор.

— Кто это «мы»? — потребовал я объяснений.

— А, ну Мэгги — ты ее знаешь — она позирует для мистера Уайта, Розочка Маккормик — мы ее называем Розочкой, потому что у нее такие рыженькие волосы, которые вам, художникам, очень нравятся — и еще Лизи Бэрк.

Я направил струю фиксатива на холст и сказал:

— Ну-ну, продолжай.

— Там мы встретили Келли и Бэби Барнс, танцовщицу, и... ну и всех остальных, конечно. И я влюбилась!

— И поэтому решила вернуться ко мне, да?

Тэсси засмеялась я покачала годовой.

— Да нет, он брат. Лиза и Бэрк — Эд. Настоящий джентльмен!

Я попытался с родительской заботой объяснить ей, что надо быть поосторожней со своими влюбленностями, но она только улыбнулась в ответ.

— Ну конечно я знаю, что с чужими надо быть осторожней, — сказала, она, рассматривая кусок жвачки, — но ведь Эд — совсем другое дело; Лиззи же — моя лучшая подруга.

Потом она рассказала, что Эд бросил ферму в Лоуэлл, штат Массачусетс, и приехал, чтобы помогать воспитывать свою сестру, что он очень образованный и обаятельный молодой человек и не пожалел полдоллара на мороженое и устриц, чтобы отпраздновать свое назначение на должность младшего клерка в шерстяной компании Мэйси. Пока она все это говорила, я начал рисовать, и она приняла нужную позу, не переставая чирикать, как настоящий воробей. К полудню у меня уже кое-что получилось, и Тэсеи подошла посмотреть.

— Вот это уже лучше! — улыбнулась она.

Мне тоже так казалось, и я пообедал в приподнятом настроении, удовлетворенный тем, что дело наконец-то пошло на лад. За столом Тэсси расположилась напротив меня, и мы пили кларет из одной бутылки и прикуривали сигареты от одной спички. Я очень привязался к Тэсси. На моих глазах из неуклюжего подростка она превратилась в худенькую симпатичную женщину с милой фигуркой. Она позировала мне уже третий год и была моей любимой натурщицей. И меня, конечно, очень беспокоило, как бы эта птичка не улетела, не ровен час, с каким-нибудь первым встречным красавцем. Но я, как ни силился, не мог заметить никаких изменений в ее поведении и интуитивно чувствовал, что в этом отношении с ней все будет в порядке.

Мы с Тэсси никогда не дискутировали по поводу морали, и я совсем не собирался этого делать; частично из-за того, что иногда сам многое себе позволял, а отчасти — потому что знал, что она все равно все сделает по-своему. И все же я надеялся, что она избежит неприятностей, потому что желал ей только добра, и к тому же мне хотелось, чтобы моя лучшая натурщица осталась при мне, хотя с моей стороны это и было эгоистично. Я

знал, что «влюбленность», как выразилась Тэсси, для нее большого значения не имела, и подобные вещи здесь, в Америке, не имеют ничего общего с «влюбленностью» в Париже. Да, я человек разумный и понимаю, что рано или поздно кто-нибудь заберет у меня Тэсси, и хотя сам я считаю свадьбу ненужным элементом жизни, мне все же хочется, чтобы у Тэсси в конце концов все произошло как полагается — со священником и в церкви. Сам я католик, и когда я слушаю мессу, или когда мне просто хочется перекреститься, мне кажется, что и сам я, и все вокруг становится более светлым. А когда я исповедуюсь, мне и вправду становится гораздо легче. Человек, который, как я, долго живет в одиночестве, обязательно должен кому-то исповедоваться. И кроме того, Сильвия тоже была католичкой… Но я говорил о Тэсси, а это совсем другое дело. Она тоже католичка, и я не беспокоился о ней до тех пор, пока она не влюбилась. Вот уж когда сама судьба должна указать ей путь, и я молюсь про себя, чтобы бог не позволил ей влюбиться в человека, подобного мне, а направил бы ее стопы к Эду Бэрку или Джимми Маккормику, да благословит Господь ее милое личико!..

Тэсси сидела за столом, пуская в потолок кольца дыма, и задумчиво потряхивала кусочки льда

в стакане с вином.

— А ты знаешь, мне этой ночью тоже приснился сон… — заметил я.

— Не про того ли типа? — спросила она, засмеявшись.

— Именно. Сон был похожим на твой, но только гораздо хуже.

С моей стороны, конечно, было очень глупо и крайне неосмотрительно говорить ей такие вещи, но вы же знаете, как мало тактичности у среднего художника.

— Заснул я где-то часов в десять, — продолжал я, — и немного спустя мне приснилось, будто я проснулся. Я до того ясно слышал, как часы пробили полночь, как шумят за окном деревья и гудят теплоходы в заливе, что даже теперь я до конца не уверен — спал я или нет. И мне показалось, что я лежу в ящике со стеклянной крышкой. Меня куда-то везли, а я смутно различал сквозь окна крытой повозки тусклый свет уличных фонарей. И скажу тебе, Тэсси, что ящик, в котором я находился, на этой мягкой повозке медленно везли по какой-то каменной мостовой.

Через некоторое время мне стало неудобно, и я попытался пошевелиться, но ящик оказался слишком узким. Руки мои были скрещены на

груди, и я никак не мог их поднять, чтобы хоть как-то помочь себе. Еще немного я полежал молча, а потом попробовал закричать. Но голос мой пропал. Я отчетливо слышал стук копыт лошадей, запряженных в повозку, мерное поскрипывание колес и даже тяжелое свистящее дыхание кучера. Но потом до меня донесся другой звук — будто кто-то открыл окно. Мне удалось слегка повернуть голову, и теперь я мог видеть уже не только сквозь стеклянную крышку ящика, но и через окна закрытого экипажа. Я видел дома, мимо которых мы проезжали — все они были тихие и пустые, кроме одного. В этом доме было открыто окно на втором этаже, и в окне я разглядел фигуру женщины, смотревшей вниз. Это была ты.

Тэсси отвернулась и с испуганным видом облокотилась о стол.

— Я видел твое лицо, — убеждал я, — и мне показалось, что оно было полно горя. Потом мы поехали дальше и вскоре свернули в узкий темный тупик. Лошади остановились. Я ждал очень долго, поминутно закрывая глаза от страха и нетерпения, но вокруг было тихо, как в могиле. Мне казалось, что прошло уже несколько часов, и вдруг стало не по себе: у меня появилось ощущение, что рядом со мной кто-то есть, и я открыл

глаза. И тогда я увидел над собой белое лицо кучера катафалка, который смотрел на меня через стеклянную крышку гроба…

Неожиданно Тэсси вскрикнула, и я замолчал. Она тряслась, как осиновый лист. Я понял, что своим рассказом очень сильно расстроил ее и вообще вел себя как осел, и поэтому тут же попытался исправить положение.

— Ну что ты, Тэсс, — ласково сказал я, — я только хотел показать тебе, как могут повлиять такие рассказы на сны впечатлительных людей. Ведь ты же не веришь, Что я на самом деле лежал в гробу, правда? Тогда чего же ты так дрожишь? Тут ведь все очень просто: твой сон и моя неприязнь к этому противному сторожу перемешались у меня в голове, и как только я лег спать…

Но тут она закрыла лицо руками и разрыдалась так, словно на нее обрушилось какое-то чудовищное несчастье. Какой же я идиот! Решив побыстрее исправить свою дурацкую ошибку, я подошел к ней и обнял ее за плечи.

— Тэсси, милая, прости меня, пожалуйста, — с чувством сказал я. — Мне не надо было пугать тебя такой чепухой. Ты ведь очень чувствительная девушка и настоящая католичка, поэтому так сильно и веришь в сны.

В ответ она крепко сжала мою руку и положила мне голову на плечо, все еще продолжая дрожать и всхлипывать. Поэтому я принялся ободрять и успокаивать ее, как только мог.

— Ну что ты, Тэсси, открой же глаза и улыбнись, — продолжал я.

Она очень медленно открыла глаза, но выражение их было настолько странным, что я еще раз в сердцах обругал себя за свою идиотскую неосмотрительность.

— Да ведь все это ерунда, Тэсси, — добавил я. — Ты же знаешь, что тебе от этой чепухи плохо не будет.

— Не будет… — как эхо откликнулась она, но ее губы по-прежнему дрожали.

— Тогда в чем же дело? Ты боишься?

— Да. Но не за себя.

— Неужели за меня? — весело спросил я.

— Да, — пробормотала она еле слышным голосом. — Я… я… люблю тебя.

Сначала я засмеялся, но когда смысл ее слов дошел до меня, по мне пробежала невольная дрожь, и я замер, словно окаменев. Так вот что было наградой за мое идиотское поведение! За время, прошедшее между ее фразой и моим ответом, я мог бы найти тысячу невинных отговорок

— мог свести все в шутку, мог притвориться, что неправильно понял ее и пожаловаться на свое плохое здоровье; мог, наконец, просто-напросто объяснить ей, что меня невозможно любить. Но мой ответ был быстрей моих мыслей, и теперь, когда уже поздно что-либо исправлять, мне остается только думать и думать над тем, что же я натворил… Я поцеловал ее в губы.

Вечером я, как всегда, пошел бродить по парку Вашингтона, размышляя о событиях дня. Да, я серьезно влип. Назад пути уже не было, и мне пришлось посмотреть будущему прямо в глаза. Приходилось признать, что я — далеко не идеальный человек; на мой взгляд, у меня напрочь отсутствовала совесть, но все-таки я не хотел обманывать ни себя, ни Тэсси. Единственная страсть моей жизни была похоронена где-то в лесах Бретона. Но навсегда ли она упокоилась там? Надежда кричала мне «НЕТ!» И уже три с лишним года я прислушивался к этому голосу надежды и все это время ждал знакомых шагов у порога. Неужели Сильвия забыла меня? «НЕТ!» — кричала мне надежда.

Вернувшись домой, я осторожно намекнул Тэсси, что она, возможно, ошибается, считая меня таким уж хорошим человеком, а сам в это

время подумал, что хоть я и действительно не идеал, но все же и не какой-нибудь там злодей из комической оперы. Просто я веду свободный, легкий образ жизни, делаю то, что доставляет мне удовольствие, иногда, правда, ругая себя за последствия и сожалея о том, что успел натворить. Только в одном я был совершенно серьезен, если, конечно, не считать моего рисования, и этот предмет моего серьезного отношения, эта моя единственная страсть лежала далеко в бретонских лесах и, скорее всего, была уже потеряна для меня навсегда.

Но теперь было поздно сожалеть о том, что произошло в этот день. Не важно, почему так получилось — то ли из-за жалости, то ли от неожиданного прилива нежности в ответ на ее тревогу, а может, просто из-за скотской благодарности за ее преклонение передо мной — в любом случае я не хотел делать больно ее сердцу, а этот вспыхнувший в ней огонь сильнейшей страсти, которого я уже и не предполагал встретить на своем жизненном пути, не оставлял мне никакой альтернативы — я должен был либо ответить ей взаимностью, либо прогнать ее от себя. Может быть, из-за того, что мне всегда было страшно причинять людям боль, а может — потому, что

где-то глубоко во мне сидел неистребимый пуританин, обуреваемый тайными вожделениями, у меня не хватило духу ответить ей твердым отказом, и двери ее сердца распахнулись для меня, выпустив наружу весь огонь ее страстной любви. Другие люди — те, которые обычно радуются, когда кому-то плохо, пусть даже им самим — могли бы выдержать это. Но я не мог.

И не смел. И все же, после того как буря страсти слегка улеглась, я объяснил Тэсси, что гораздо лучше ей было бы влюбиться в того же Эда Бэрка и носить простенькое золотое колечко, но она и слышать об этом не хотела. Тогда я решил, что если ей так уж хочется любить человека, за которого она все равно никогда не сможет выйти замуж, то пусть лучше это буду я. По крайней мере, я буду обращаться с ней как интеллигент, и когда ее пылкая влюбленность пройдет, то хуже ей от этого не станет. В этом я был абсолютно уверен, хотя решиться на такое мне было очень непросто. Я слишком хорошо помнил, какое отвращение во мне всегда вызывало одно даже упоминание о платонической любви, и знал, что иду на дело, которое нелегко дается таким бессовестным людям, как я, но зато со мной она будет в полной безопасности. Если бы это была

любая другая девушка, а не Тэсси, я бы не мучился слишком долго. Но я не хотел приносить в жертву своей легкомысленной натуре такого человека, как она. Глядя в будущее, я совершенно ясно видел несколько вариантов, которыми эта история может закончиться: в конце концов ей все это надоест, или же она станет настолько несчастной, что мне придется либо жениться на ней, либо решительно прогнать ее прочь. Но если мы поженимся, то оба станем несчастными — у меня будет жена, которая мне совсем не подходит, а у нее, соответственно — муж, который не устроил бы ни одну женщину на свете. Да и вся моя прошлая жизнь никак не вязалась с возможностью жениться. Если же мы расстанемся, то она, скорее всего, будет тяжело переживать это, но потом оправится и выйдет замуж за какого-нибудь Эдди Бэрка, или же умышленно, а может быть, безрассудно — неважно как — натворит кучу глупостей. С другой стороны, даже если она и устанет от меня, ее в любом случае будет ждать незавидное будущее — свадьба с Эдди Бэрком, дешевое обручальное колечко под золото, дети-двойняшки, квартирка в Гарлеме, ну и все такое прочее. Итак, я бродил по парку и постепенно склонялся к мысли, что именно в

моем лице она должна найти себе верного друга, а будущее пусть движется навстречу само по себе. Потом я вернулся домой, надел вечерний костюм, а на шкафу заметил приколотую булавкой надушенную записку: «Бери такси и подъезжай за мной ровно в одиннадцать прямо к театру». Ниже стояла подпись: «Эдит Кармишель, театр Метрополитен».

Я, вернее, мы с мисс Кармишель поужинали в ресто ране Соляри, а как только наступил рассвет и заблестел крест мемориальной церкви на набережной, я ушел от Эдит и направился на площадь Вашингтона. В парке не было ни души, и я долго бродил по тропинке от статуи Гарибальди до дома Гамильтонов, а уже по дороге домой, проходя мимо церкви, опять увидел на ступеньках знакомую фигуру сторожа. При виде этого бледного отечного лица у меня мурашки побежали по коже, и я ускорил шаг. И вдруг он что-то произнес. Может быть, в мой адрес, а может — просто пробурчал себе что-то под нос, но меня охватила дикая ярость: как вообще может такое мерзкое существо что-то мне говорить?! Первым же моим желанием было развернуться и ударить его тростью по голове, но я сдержался, прошел мимо и скоро был уже дома. Некоторое время я проворочался в кровати,

пытаясь выкинуть из головы его гнусный голос, но у меня это плохо получалось. Этот противный хриплый шепот засел у меня в ушах, как жирный липкий дым, выходящий из чана для топления сала, он привязался ко мне, как надоедливый и тошнотворный запах гниющего мяса. Я лежал и ворочался, а голос постепенно становился все более отчетливым, и я незаметно для себя начал понимать слова, которые он произнес. Они доходили до меня очень медленно, будто я их забыл, а теперь с трудом вспомнил. И вот что прозвучало у меня в голове:

«Ты нашел Желтый Знак?»

«Ты нашел Желтый Знак?»

«Ты нашел Желтый Знак?..»

Я совсем озверел. Что он хотел этим сказать? Мысленно я послал ему проклятье и постарался заснуть. Вскоре мне это удалось, но когда я проснулся, то почувствовал себя совершенно разбитым и больным, потому что мне опять приснился тот же самый сон, что и прошлой ночью, и на сей раз это уже серьезно взволновало меня.

Я оделся и пошел в студию. Тэсси сидела у окна. Когда я вошел, она встала, обняла меня и поцеловала еще нежнее, чем вчера. Она была такая милая и изящная, что я не удержался и ответил

ей на поцелуй, а потом сел у мольберта.

— Послушай! А где моя вчерашняя работа? — спохватился вдруг я.

Тэсси прекрасно меня поняла, но почему-то не ответила. Я стал копаться в куче начатых холстов и поторапливал при этом Тэсси, которая отправилась за ширму приводить себя в порядок, так как я хотел успеть воспользоваться утренним светом.

Отчаявшись найти холст среди начатых работ, я оглядел комнату в надежде обнаружить его где-нибудь совсем рядом с собой, и тут заметил, что Тэсси стоит возле ширмы все еще одетая.

— В чем дело? — спросил я ее. — Ты себя неважно чувствуешь?

— Да.

— Тогда давай побыстрее начнем и пораньше закончим сегодня.

— Ты хочешь, чтобы я позировала тебе… как обычно?

Наконец-то мне все стало ясно. Вот и начались новые сложности. Теперь я потерял свою самую лучшую натурщицу, которая позировала мне обнаженной. Я растерянно посмотрел на Тэсси. Лицо ее пылало. Увы. Увы! Мы съели плод с запретного дерева, и теперь былая невинность и

Эдем безвозвратно потеряны — я хочу сказать, что для Тэсси они стали уже мечтами прошлого.

Похоже, она заметила тень разочарования, скользнувшую по моему лицу, потому что сразу же сказала:

— Если хочешь, я буду тебе позировать, как всегда. А тот холст лежит за ширмой, я его спрятала.

— Нет, — ответил я. — Мы начнем что-нибудь новенькое.

Я пошел в гардеробную и отыскал там арабский костюм с блестками. Это был настоящий шедевр, и Тэсси, придя от него в восторг, скрылась за ширмой. Когда, переодевшись, она вышла на свет, я был приятно удивлен. Ее длинные черные волосы по лбу перехватывала нитка бирюзы, а концы бус спускались к сверкающему пояску. На ногах были надеты искусно отделанные жемчугом тапочки с загнутыми вверх острыми носками, а юбка, вышитая серебром, доходила до самых щиколоток. На ней была еще темно-синяя блестящая шелковая жилетка, тоже расшитая серебряными узорами, короткая стеганая курточка восточного стиля, сверкающая разноцветными камнями и бирюзовыми вставками, и, самое главное — все это ей восхитительно шло. Тэсси подошла ко мне и улыбнулась. Я сунул руку в карман, достал

оттуда золотую цепочку с крестиком и надел ей на шею.

— Это тебе, Тэсси.

— Мне? — неуверенно спросила она.

— Да, тебе. Ну а теперь иди и начинай мне позировать.

Но вместо этого. Тэсси, все еще улыбаясь, забежала за ширму, и тут же появилась снова, держа в руках маленькую деревянную коробочку, на которой было написано мое имя.

— Я хотела отдать тебе это сегодня вечером, но теперь уже не могу больше ждать.

Открыв шкатулку, я поразился ее содержимому. Внутри на розовом шелке лежала заколка из черного оникса, и на ней чистым золотом были изображены какие-то таинственные знаки. Но это оказались не арабские и не китайские иероглифы, и, как я потом узнал, они вообще не принадлежали ни к одному известному человеческому языку.

— Это все, что я могу тебе подарить, — скромно сказала она.

Мне стало не по себе, но я. все же ответил, что очень ценю ее заботу и обещал носить эту заколку всегда. И Тэсси тут же приколола ее на лацкан моего пиджака.

— Но все-таки с твоей стороны было очень неразумно покупать мне такие дорогие вещи, — укоризненно сказал я.

— А я ее и не покупала, — засмеялась она.

— А где же ты ее взяла?

И тогда Тэсси рассказала мне, что нашла заколку, больше года назад, когда возвращалась из гостей; потом она давала объявления в газетах, следила за новостями, но, в конце концов, так и отчаялась найти ее владельца.

— Это случилось еще прошлой зимой, — сказала она. — И как раз в ту ночь мне впервые приснился сон про катафалк.

Я сразу же вспомнил свой собственный сон, но промолчал, а карандаш стремительно летал по холсту, пока Тэсси со счастливым лицом неподвижно позировала мне для новой картины.

III

Следующий день был для меня неудачным. Когда я переносил холст с одного мольберта на другой, то поскользнулся на натертом полу и упал, растянув себе оба запястья. Они так сильно болели, что я не мог даже держать кисть, и мне пришлось весь день без дела слоняться по мастерской, рассматривая свои незаконченные работы.

В конце концов это начало меня злить, я уселся на стул и закурил сигарету, в отчаянии вертя большими пальцами. Дождь нудно стучался в окна и барабанил по церковной крыше напротив, еще больше раздражая меня своей монотонностью. Тэсси сидела у окна и что-то шила, время от времени отрываясь от своего занятия и поглядывая на меня с таким невинным обожанием, что мне стало стыдно своего раздражениями я решил тоже чем-нибудь заняться.

В своей библиотеке я давно уже перечитал все книги и журналы, но чтобы хоть как-то отвлечься, все же подошел к полкам и начал локтем открывать их одну за другой. Внимательно изучая глазами знакомые корешки, я спасался от скуки, насвистывая какую-то мелодию, и уже

собирался идти в столовую, как вдруг взгляд мой упал на толстый том в переплете из змеиной кожи, который стоял в самой дальнем ^углу на верхней полке. Я не помнил, что это за книга, а снизу никак не мог разглядеть бледные буквы на корешке, поэтому я пошел в курительную и позвал Тэсси. Она принесла из студии стремянку и залезла наверх.

— Что это? — с нетерпением спросил я.

— «Король в желтом».

Я был ошеломлен. Кто мог туда ее положить? И как Она вообще попала в мою квартиру? Ведь я давно уже решил для себя, что никогда в жизни не открою эту книгу, и ничего на свете не заставило бы меня купить ее. Я всякий раз даже специально отворачивался от нее, когда встречал в книжных лавках, чтобы любопытство не заставило меня изменить своему решению. Если я когда-то и хотел ее прочитать, то трагедия, случившаяся с моим другой Кастенье, теперь не позволяла мне даже мельком пробежать по страницам; Более того, я всегда отказывался даже выслушивать разговоры о ней, хотя вторую часть этой книги никто бы и не осмелился обсуждать вслух. Поэтому я не имел ни малейшего представления о том, что могло заключаться в этих страницах.

В ужасе я уставился на страшный, изъеденный молью переплет, будто передо мной держали живую змею.

— Не трогай ее, Тэсси, — сказал я, — и скорее спускайся вниз.

Разумеется, моего предупреждения оказалось достаточно, чтобы разжечь ее любопытство, и прежде чем я успел что-либо предпринять, она схватила книгу и, весело рассмеявшись, проскользнула с ней в, студию. Я окликал ее, звал посмотреть на мои беспомощные руки, но она только улыбнулась на прощанье, и мне не оставалось ничего другого, как броситься, вслед за ней.

— Тэсси! — закричал я из коридора. — Послушай, я говорю серьезно. Отложи эту книгу. Я не хочу, чтобы ты даже открывала ее!

Но ее уже не было в мастерской. Я обыскал обе комнаты для рисования, потом спальни, кухню, столовую, потом снова вернулся в библиотеку и начал искать заново. Но она так хорошо спряталась, что нашел я ее лишь спустя полчаса. Тэсси молча сидела в кладовке у решетчатого окна, сильно побледнев и согнувшись. Я сразу же понял, что она была наказана за свою глупость. У ее ног лежала эта злополучная книга и раскрыта она была на второй части. Одного взгляда на

Тэсси было достаточно, чтобы понять, что уже слишком поздно. Она успела раскрыть «Короля в желтом». Я молча взял ее за руку и отвел в мастерскую. Было видно, что она глубоко потрясена чем-то, и когда я велел ей лечь на диван, Тэсси повиновалась, не произнеся ни слова. Через некоторое время она закрыла глаза, и дыхание ее стало глубоким и ровным, но я так и не смог определить, заснула она или нет. Я долго сидел рядом с ней, не выпуская ее рук из своих, но Тэсси не шевелилась и не разговаривала, и в конце концов я встал, прошел в кладовую, поднял с пола раскрытую книгу. Она показалась мне неимоверно тяжелой, будто сделанной из свинца, но я притащил ее в студию и, сев на коврик рядом с диваном, раскрыл и прочитал от корки до корки.

Когда же я начал терять чувства от переполнявших меня эмоций, увесистый том выпал из моих рук, и я откинулся на диван, а Тэсси открыла глаза и посмотрела на меня.

Некоторое время мы говорили с ней в каком-то тоскливом монотонном напряжении, и до меня дошло, что мы обсуждаем «Короля в желтом». О, страшный грех написания этих слов — слов чистых, как хрусталь, ясных и мелодичных, как журчание ручейка, сверкающих и переливаю-

щихся, как отравленные бриллианты Медичи! О, проклятье той душе, что смогла так заворожить и парализовать этими строками человеческий разум — строками, одинаково понятными невеждам и мудрецам, более драгоценными, чем алмазы, более мягкими, чем музыка, и более страшными, чем сама смерть!

Мы продолжали беседовать, не обращая внимания на сгущавшиеся вокруг нас тени, и она попросила меня выбросить заколку из оникса, потому что теперь мы поняли, что это и был Желтый Знак. Я никогда не узнаю, почему я отказался сделать это, и даже сейчас, когда я лежу в своей спальне и пишу эту исповедь, я бы многое отдал, чтобы понять, что же именно не позволило мне немедленно сорвать с себя Желтый Знак и швырнуть его в горящий камин. Я уверен, что именно так и хотел поступить, но все просьбы и мольбы Тэсси оказались тщетными. Наступила ночь, и время потекло медленней, а мы продолжали бормотать друг другу что-то о Короле к Бледной Маске, и вот где-то вдали городские часы пробили полночь. Мы говорили о Хастуре и Кассилде, а туман снаружи сгущался и клубами вертелся возле наших окон, подобно волнам у берегов Хали.

В доме стало необычайно тихо, и с улицы не

доносилось ни звука. Тэсси улеглась на подушках, лицо ее было очень печальным, но она держала свои руки в моих, и я понимал, что теперь она знала и легко читала все мои мысли, так же, как и я — ее, ибо мы узнали тайну Гиад, и призрак Истины лежал перед нами. И пока мы быстро и молчаливо отвечали друг другу мыслью на мысль, тени зашевелились вокруг нас, и откуда-то издалека, с улицы, донесся звук. Он приближался — это было нудное поскрипывание колес, оно становилось все отчетливее и яснее, но перед самой дверью моего дома неожиданно стихло. Я с трудом подошел к окну и увидел внизу черный катафалк. Ворота открылись и закрылись снова, и я, трепеща, дополз до двери и запер ее на засов, хотя прекрасно знал, что никакие засовы и замки уже не могут спасти нас от того жуткого существа, которое пришло за Желтым Знаком. И вот я услышал, как он начал медленно подниматься по лестнице; Он подошел к двери, и засовы упали, разом прогнив от его прикосновения. Я в ужасе вытаращился в темноту, но так и не смог разглядеть, как он вошел в комнату. И только когда я почувствовал, что он обволакивает меня своими мягкими ледяными объятиями, я закричал и стал отбиваться, но руки плохо

повиновались мне, и тогда он сорвал с меня ониксовую заколку, и я почувствовал сильный удар в лицо. Падая, я услышал, как вскрикнула Тэсси, и душа вылетела из ее тела, и в это мгновение я страстно желал одного — последовать за ней, ибо знал, что Король в желтом уже распахнул свою изорванную мантию, и теперь оставалось только молиться Богу.

Я могу рассказать и больше, но не знаю, какую пользу это принесет миру. Что же касается меня, то я уже потерял человеческую помощь и надежду. Я лежу сейчас и пишу это, и мне все равно, умру ли я раньше, чем закончу писать, или нет. Я вижу, как доктор, стоящий рядом со мной, собирает свои склянки и порошки и делает священнику жест, который понятен всем.

Конечно, многим будет очень интересно узнать о конце нашей трагедии — особенно тем, кто живет в этом мире, чтобы писать книги и издавать миллионы газет, но больше я ничего не скажу, и мои последние слова услышит только священник. А его уста будут запечатаны обетом сохранения тайны исповеди.

Да, пусть они пишут о человеческом горе, пусть газетчики наживают деньги на крови и слезах, но эти шпионы от меня ничего не услышат. Им

известно, что Тэсси умерла, и что я тоже скоро умру. Им известно, что соседи, разбуженные моим нечеловеческим воплем, ворвались в комнату и нашли в ней живого меня и два трупа, но они не знают того, что я собираюсь сказать сейчас своему исповеднику, и никогда не узнают, что сказал доктор, указывая пальцем на ужасную бесформенную груду в углу мастерской — лилово-синий труп церковного сторожа. А он сказал: «У меня нет ни гипотез, ни объяснений. Но этот человек мертв уже много месяцев!»

Мне кажется, я умираю. Как жаль, что священник…

Перевод: С. Алукард, В. Терещенко
1992

Роберт Блох
КЛАДБИЩЕНСКИЙ УЖАС

Роберт Блох. «The Grinning Ghoul», 1936. Входит в цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Судьба играет с человеком в странные игры, не правда ли?

Ещё полгода назад я был известным и довольно преуспевающим психиатром; сегодня я обитатель санатория для умственно больных. В качестве врача-психиатра я частенько вверял своих пациентов тому же учреждению, куда сейчас заточен сам, а сегодня — о, ирония из ироний! — оказался их собратом по несчастью.

И все-таки я не совсем сумасшедший. Они упекли меня сюда, потому что я предпочел говорить правду, которая не была той правдой, которую любят открывать или признавать люди. Я подтверждаю, что действительно перенес тяжелое нервное потрясение из-за моего участия в происшедшем, но оно не свело меня с ума. Мой рассказ правдив (о, клянусь в этом!), однако они

не верят.

Конечно, у меня нет вещественных доказательств; после той августовской ночи я ни разу не видел профессора Чопина, и мои последующие расследования не подтвердили, что он работал в Ньюберри-колледж. Однако это только говорит о том, что утверждения, которые обрекли меня на постыдное заточение, на ненавистное, подобное смерти, прозябание — достоверны!

Существует одна «железная» улика, которую я мог бы представить (если бы осмелился), но она слишком ужасна. Я не должен показывать точного места на том безымянном кладбище, где под могильным камнем чернеет заветный проход. Лучше я буду мучиться в одиночестве, скрыв от всего мира тайну, от которой мутится рассудок. Тяжко жить, как я живу, когда однообразие дней и ночные видения сплетаются в один бесконечный кошмар. Вот почему я решил начать это повествование; быть может, высказавшись, я облегчу болезненный груз моей памяти.

Все началось прошлым августом в моем городском кабинете. После скучного утра наступил длинный жаркий полдень. Он уже подходил к концу, когда медсестра ввела первого пациента.

Этот джентльмен раньше никогда у меня не

бывал. Он назвался Александром Чопином, профессором из Ньюберри-колледжа.

Профессор говорил свистящим голосом с особенной интонацией, из чего я заключил, что он родился в какой-то другой стране.

Я попросил его присесть и попытался мысленно оценить его, пока он следовал моему приглашению.

Профессор был высок и худ. У него были белые, почти платиновые волосы, но, судя по внешности и общему телосложению, ему было лет сорок. Его зеленые, неподвижные глаза были глубоко посажены под бледным, выпуклым лбом и венчались длинными, угольно-черными бровями. Нос был большим, с чувственными ноздрями, а губы — тонкими (это несоответствие я заметил сразу). Узкая рука была чрезвычайно мала, с долгими, коническими пальцами, оканчивающимися длинными ногтями — очевидно, полезными при чтении или справочной работе, подумал я. Его гибкая поза была сродни позе отдыхающей пантеры; он обладал свойственной иностранцам раскрепощенностью и изящными манерами.

В солнечном свете я смог рассмотреть его лицо и увидел, что все оно покрыто сетью мелких морщин. Я заметил также характерную бледность

лица, что указывало на наличие некоторых проблем с кожей. Но самым странным в нем был стиль его одежды.

Одежда профессора, несомненно новая, была нелепа в двух отношениях: это было торжественное облачение, надетое днем, и, к тому же, оно совершенно на нем не смотрелось. Костюм был удивительно велик, серые полосатые брюки болтались, пальто странно пузырилось. Профессор был без шляпы, на его лакированных туфлях виднелась грязь. Очевидно, он был эксцентриком, может быть, шизофреником со склонностью к ипохондрии.

Только я приготовился задать ему обычные вопросы, как профессор перебил меня. По его словам, он был занятым человеком и собирался немедленно рассказать мне о своих затруднениях, обходя обычные в этих случаях предисловия и вступления. Он уселся на стуле так, чтобы на него падала тень, нервно прокашлялся и начал рассказ.

Его преследуют, сказал профессор, определенные, слышанные или прочитанные, вещи; из-за них у него бывают странные сны, которые вызывают периоды неконтролируемой меланхолии. Это мешает работе, и все-таки он ничего не может

поделать, потому что наваждение основывается на реальности. В конце концов он решил обратиться ко мне, чтобы я проанализировал эту ситуацию.

Я попросил его описать эти сны и фантазии, ожидая услышать обычный рассказ человека, находящегося в состоянии легкой депрессии. Мои ожидания, однако, абсолютно не оправдались.

Чаще всего сон был связан с Мизерикордским кладбищем (я дал ему это вымышленное название по причинам, которые скоро прояснятся).

К нему вела большая полузаброшенная дорога в старой части города, процветавшей в конце прошлого века. Ночные видения профессора были связаны с одним уединенным склепом, расположенным в самой ветхой и заброшенной части кладбища.

События снов всегда происходили в сумерках, при бледном свете молодого месяца. Фантастические образы застывали над полночным пейзажем; профессор упоминал о слабых голосах, которые, казалось, манили его вперед, когда он оказывался на кладбищенской тропинке, ведущей к дверям склепа.

Обычно такие сны случались, когда он засыпал особенно крепко. Вдруг ему чудилось, что

он идет ночью по тенистой тропе и входит в склеп, распутав ржавые цепи, преграждавшие вход. Оказавшись внутри в полной темноте, он никогда не затруднялся с выбором пути и с абсолютной беспечностью шел прямо к определенной нише среди гробов. Там он, пригнувшись, нажимал на тайную пружинку или рычажок, запрятанные в растрескавшемся каменном полу. В основании ниши как будто поворачивался жернов, открывая небольшое отверстие, ведущее вниз в разрушенную пещеру. Профессор упомянул о сырости, которой тянуло из отверстия, и удивительно тошнотворном запахе, источаемым густым мраком.

Тем не менее это его не отталкивало, и он смело вступал в бездну. Потом он спускался по бесконечным ступеням, выбитым в камне и земле, и внезапно оказывался на самом дне.

Начиналось другое длинное путешествие через непрерывный лабиринт тоннелей и пещер. Он шел и шел мимо склепов и впадин в недрах земли; все тонуло в кромешном мраке.

Тут профессор перевел дух, и голос его упал до дрожащего, возбужденного шепота.

Потом наступал кошмар. Неожиданно перед ним возникало несколько слабо освещенных

залов и, скрытый тенями, он видел ИХ.

Они были жильцами подземелья, ужасными отродьями, питавшимися трупами. Эти обитатели сумрачных пещер, усыпанных человеческими костями, поклонялись первобытным богам перед своими алтарями из черепов.

Тоннели вели к могилам и захоронениям еще ниже под пещеру, где их хозяева содержали свою еще живую добычу. Это были отвратительные рабы тьмы — вурдалаки.

Профессор, должно быть, заметил выражение моего лица, однако не остановился. Его голос стал еще напряженнее.

Он не пытался описать этих существ, заметив только, что в их внешности есть что-то ужасно непристойное. Он легко определил их род занятий по соответствующим обрядам, которые они исполняли. Больше всего профессора напугали именно эти обряды. Существуют вещи, о которых не следует даже намекать нормальному человеку, а то, что преследовало профессора по ночам, относилось именно к разряду подобных вещей. В его видениях существа к нему не приставали, и, кажется, даже не замечали его присутствия; они продолжали предаваться кровавым пиршествам в пещерах или совокуплялись в оргиях, которым

нет названия.

Больше профессор не сказал ничего.

Его ночные путешествия всегда завершались огромной процессией этих чудовищ, шествующей мимо него дальше вниз, в пещеру. Он наблюдал их с выступа на скале, на котором обыкновенно располагался.

Дрожащие огни, уходящие в подземное царство, напоминали профессору рассказы об аде, и он кричал во сне. Наблюдая за парадом демонов, он неожиданно поскальзывался и стремительно падал вниз, в толпу. На этом месте его сон всегда обрывался (слава Богу!), и профессор просыпался в холодном поту.

Каждую ночь сон повторялся, но не это было самым страшным. Настоящий, сковывающий волю страх был порожден мыслью, что ночные видения происходят в реальности!

Тут я нетерпеливо перебил профессора, но он настоял на продолжении рассказа. Когда сновидения стали повторяться, он пошел на кладбище и легко нашел тот самый склеп, который так часто видел во сне.

А книги? Ему пришлось начать обширное исследование с помощью закрытых изданий в антропологической библиотеке колледжа.

Конечно, он, как просвещенный и образованный человек, должен был согласиться с теми завуалированными утверждениями, которыми дышат такие произведения, как «Тайны червя» Людвига Принна или гротескные «Черные образы» мистика Луве-Керафа, жреца загадочного Баста. Ему пришлось познакомиться с сумасшедшим и легендарным «Некрономиконом» Абдула Аль-Хазреда.

Нельзя отказать в очаровании и таким запрещенным и малоизвестным книгам, как «Басни Наярлатотепа» или «Легенды Старшего Сабота».

Здесь профессор разразился бессвязной тирадой о непонятных, тайных мифах, часто упоминая о забытых светилах античных наук: легендарном Ленге, нежном Нкене и преследуемом демонами Нисе. Профессор много говорил о богохульной Луне Йиггурата и тайном предсказании Бьягуны Безликого Первого.

Несомненно, эти бессвязные бредни содержали ключ к решению его проблемы, и после небольшой дискуссии мне удалось успокоить моего пациента и высказать свои предположения.

Интенсивные исследования и чтение вызвали у него припадок. Ему не следует забивать себе голову подобными размышлениями, такие мысли

опасны для нормального человека.

Я много читал и изучал эту проблему и пришел к выводу, что эти идеи недоступны пониманию. Кроме того, ему не стоит принимать все слишком серьезно, поскольку, в конце концов, все эти легенды весьма аллегоричны. Вурдалаков и демонов не существует, профессор, должно быть, и сам заметил, что его сны надо толковать символически.

Он помолчал с минуту после того, как я закончил. Потом вздохнул и медленно заговорил. С моей стороны было очень мило сказать ему все это, но он знает другое. Он узнал то место, которое видел во сне.

Я вставил замечание о роли подсознательного «Я», но он не обратил внимания на мои слова.

— Теперь, — произнес профессор дрожащим от почти истерического возбуждения голосом, — я поведаю вам о самом страшном.

Он еще не рассказал обо всем случившемся после того, как ему удалось найти кладбище. Он не удовлетворился этим единственным подтверждением достоверности своих снов и несколько дней назад пошел дальше. Он проник в усыпальницу и нашел нишу в стене, спустился по лестнице и увидел ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Как ему удалось вернуть-

ся, он не знает, но после всех трех путешествий в склеп он приходил обратно, ложился спать и на следующее утро всегда просыпался в собственной постели. Это и была та правда, что он хотел мне сказать, — он видел ИХ! И теперь я должен скорее помочь ему, пока он не совершил опрометчивого шага.

Я с трудом успокоил профессора, стараясь применить эффективные логические приемы лечения. Очевидно, он находился на грани серьезного помешательства. Не имело смысла убеждать его в том, что все рассказанное ему приснилось, что на галлюцинации профессора спровоцировала собственная нервная система. Я не надеялся внушить моему пациенту в его теперешнем состоянии, что книги, захватившие его воображение, были всего лишь бреднями сумасшедших умов. Видимо, существовал только один путь — потакать ему во всем, а потом твердо указать на абсолютную вздорность его убеждений.

Поэтому, отвечая на многократные просьбы, я заключил с профессором сделку. Он поручился проводить меня к тому склепу, куда, по его утверждению, он путешествовал во сне и наяву, и тем самым доказать свою правоту.

Короче, в десять часов вечера следующего дня я согласился встретиться с ним у кладбища. Профессор был почти трогателен, радуясь моему согласию, он улыбался мне, как ребенок новой игрушке. Кажется, ему пришлось по душе мое решение.

Я прописал легкое успокаивающее, чтобы он принял его вечером, обговорил небольшие детали предстоящего путешествия, и мы расстались с ним до вечера.

Он ушел, оставив меня в состоянии сильного возбуждения. Наконец-то представился случай, достойный изучения: хорошо образованный и, по-видимому, интеллигентный профессор колледжа, страдающий людоедскими кошмарами трехлетнего ребенка!

Я тотчас решил вести дневник о всех последующих событиях. Я был уверен, что в течение предстоящего вечера смогу убедительно продемонстрировать профессору его заблуждение и тем самым практически вылечу его. Я провел ночь в мучительных поисках и размышлениях; утро — в торопливом чтении облегченного варианта издания «Cultes des Goules» Конта Дерлетта. К вечеру я был в полной готовности. В десять часов, одетый в охотничьи сапоги, жакет грубой

шерсти и шахтерскую каску, я стоял у кладбищенских ворот. Признаюсь, что, несмотря на всю подготовку, я ощущал необъяснимое, гнетущее состояние нюктофобии[19]. Не ожидая удовольствия от предстоящего приключения, тем не менее нетерпеливо поджидал моего пациента, хотя бы ради его компании.

Наконец он явился, одетый, как обычно, и в лучшем настроении, чем я. Мы прошли вдоль невысокой стены, окружавшей кладбище, и пробрались среди освещенных луной могил к тенистой рощице в самом центре этого места. Лунный свет сюда почти не проникал и, казалось, надгробные камни бросали на нас злобные взгляды.

Какой-то животный страх заставил меня подавить непроизвольную дрожь. Мои мысли непрошенными гостями вторгались в царство могильных червей под нами, но я не позволял им задерживаться ни на кладбищенской земле, ни на окружавших меня дьявольских тенях. Я почувствовал облегчение, когда нисколько не смущенный Чопин повлек меня по длинной аллее высоких деревьев к воротам в осквернённую

---

[19] Примечания: 19
Нюктофобия — боязнь ночи и темноты.

им усыпальницу.

Я не могу детально передать все случившееся потом и не буду рассказывать, как мы распутали цепи, преграждавшие путь в усыпальницу, или описывать угрюмый интерьер мавзолея.

Достаточно сказать, что Чопин выполнил свое обещание, найдя нишу при свете шахтерских фонариков на наших касках, и с помощью секретного рычага открыл передо мной тоннель в подземелье.

Я стоял, пораженный ужасом, при этом неожиданном открытии. Внезапный приступ страха превратил мои нервы в тугие струны. Я простоял несколько минут, глядя в темное отверстие. Никто из нас не проронил ни слова.

В первый раз у меня не возникло сомнения в достоверности профессорских утверждений. Но это по-прежнему не означало, что он был абсолютно здоров; ведь его правота не лечила от наваждений. Я понял, испытывая необъяснимое (тогда) отвращение, что мое путешествие еще далеко не окончено и что мне придется спуститься с ним в адские глубины, чтобы разом ответить на все оставшиеся вопросы. Я еще не мог поверить в бессвязную болтовню Чопина о воображаемых вурдалаках; существование подземного кладби-

щенского хода еще не доказывало достоверность других его заявлений.

Вероятно, если я пройду с ним до конца той норы, его рассудок сможет освободиться хотя бы от части фантазий. Ну, а если — я боялся даже подумать об этом — предположить, что существует доля весьма зловещей и болезненной правды в его рассказе? Банда изгоев, бежавших от закона, которые, может быть, поселились в этой пещере? Очевидно, он случайно наткнулся на это необычное убежище. А если так, то что дальше?

Однако и в этом случае, что-то подсказывало мне, нам придется продолжить путь и самим во всем разобраться. Мои внутренние побуждения подкрепил и Чопин своими громкими мольбами.

Он просил позволить ему открыть мне правду; я обрету веру и только так смогу помочь ему. Он упрашивал меня продолжить путь, но если я все же откажусь, ему придется вызвать полицию.

Этот последний аргумент решил все дело. Я не мог позволить себе быть замешанным в готовящейся заварушке, обещавшей превратиться в скандал. Если этот человек ненормален, то я при случае вполне смогу о себе позаботиться. Если же нет… тогда скоро увидим. Весьма неохотно

я согласился с ним, а потом отступил в сторону, приглашая профессора указывать дорогу.

Проход открылся, словно пасть мифического чудовища. Мы стали спускаться все ниже и ниже по винтовой лестнице в сыром каменном переходе, который был высечен в сплошном камне.

Тоннель был влажен, душен и заполнен запахом гнили. Наш путь напоминал фантастическое путешествие из кошмарного сна.

Этот путь вел к неведомым подземным склепам — обиталищем трупов. Здесь творились дела, свидетелями которых были только могильные черви, и пока мы продвигались дальше, я все больше желал, чтобы они продолжали хранить эти тайны в одиночестве. По правде говоря, я уже начал паниковать, хотя Чопин оставался зловеще невозмутимым.

Несколько наблюдений подхлестнули мое все нараставшее напряжение. Мне не нравились крысы, попискивание которых доносилось из бесчисленных нор, усыпавших весь второй виток тоннеля. Они буквально кишели на ступенях, все, как одна, толстые и лоснящиеся от жира. Я начинал понимать причину этого ожирения и возможные источники их ночных пиршеств.

Затем я заметил, что Чопин, кажется, очень

хорошо знает дорогу; а если он и вправду бывал здесь раньше, то как тогда мне относиться к остальной части его рассказа?

Когда я разглядел лестницу, то был потрясен. На ступенях не было пыли! Они выглядели так, словно ими ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПОСТОЯННО!

На секунду мой мозг отказался понимать значение этого открытия, но потом оно буквально взорвало мой рассудок. Я не посмел снова взглянуть под ноги, чтобы не провоцировать угодливую фантазию, которая могла вызвать образы существ, взбиравшихся по этим ступеням на поверхность.

Поспешно скрыв почти детский страх, я последовал за моим молчаливым проводником, чья лампа отбрасывала странные тени на щербатые стены тоннеля. Я почувствовал, что начинаю нервничать по-настоящему и напрасно пытаюсь избавиться от своих страхов, стараясь сконцентрировать внимание на каком-нибудь предмете.

Естественно, по мере продвижения вперед окружающая обстановка не становилась спокойнее. Испещренные норами темные стены тоннеля казались особенно устрашающими в свете фонариков. Я вдруг понял, что этот старинный проход не мог быть построен разумным существом. Я

старался не думать об открытиях, которые ждали меня впереди. Долгое время мы с профессором крались по ступеням в полной тишине.

Ниже, ниже, ниже… Наша дорога постепенно погружалась во все более глубокую и влажную темноту. Потом лестница неожиданно закончилась пещерой. Здесь мерцал голубоватый, фосфоресцирующий свет и непонятно было, откуда он исходил. В этом освещении можно было разглядеть небольшую открытую площадку с гладким полом, окруженную огромными сталактитами и многочисленными массивными пилонами. Вдалеке, в еще более густой темноте, виднелись входы в другие пещеры, что вели, надо думать, к бесконечным лабиринтам полного забвения. Чувство приближающегося кошмара сковало мое сердце. Казалось, мы своим вторжением потревожили тайны, которых лучше бы и не знать. Меня начала бить дрожь, но Чопин грубо схватил меня, вонзив свои тонкие пальцы в мое плечо, и приказал не шевелиться.

Пока мы тесно жались друг к другу в этой угрюмой подземной пещере, профессор возбужденно шептал о том, что, по его словам, притаилось в темноте впереди нас. Он мне докажет прямо сейчас, что говорил правду, только я должен

подождать его, пока он рискнет сходить туда, в темноту. А возвратившись, он принесет мне доказательства. Сказав это, профессор поднялся и скользнул вперед, почти мгновенно растворившись в одном из тоннелей прямо передо мной. Он так неожиданно покинул меня, что я даже не успел ему возразить.

Я сидел в темноте и ждал, не осмеливаясь признаться себе, чего именно ждал. Вернется ли Чопин? Было ли это только дьявольской ловушкой? Сумасшедший ли профессор или это все правда? Если правда, то что может случиться с ним в том лабиринте? И что может произойти со мной? Я был идиотом, когда согласился прийти сюда. Это предприятие с самого начала было какой-то авантюрой. Наверное, те книги не так уж абсурдны, как я о них думал: земля может вскормить своей бессмертной грудью самые отвратительные создания.

Голубоватое свечение казалось особенно плотным около тусклого кольца света от моего маленького фонарика, отбрасывающего резкие тени на сталактитовые стены. Мне эти тени не нравились — они были искаженные, ненормальные, беспокоили своей глубиной. Тишина таила в себе еще больше опасности; она как будто

предупреждала о грядущих событиях, открыто издевалась над моим все возрастающим страхом и одиночеством.

Минуты ползли, как неспешные гусеницы, и ничто не нарушало мертвой тишины.

Потом раздался крик. Неожиданное крещендо неописуемого безумия ударило по сводам гробниц, разбивая мое сердце, потому что я знал, что означал этот вопль. Теперь я понял — теперь, когда было слишком поздно, — что слова Чопина были правдой.

Но я не мог медлить и раздумывать, потому что из далекой темноты раздался мягкий топот — шуршащий отзвук бешеного движения. Я повернулся и помчался вверх по подземной лестнице с отчаянной быстротой. Мне не приходилось оборачиваться назад; мой слух ясно улавливал топот бегущих ног. Я ничего не слышал, кроме стука этих подошв или лап до тех пор, пока мое громкое дыхание не заглушило все остальные звуки, когда я обогнул первый виток бесконечной лестницы. Я побежал дальше, спотыкаясь, задыхаясь и жадно глотая воздух.

Сознание отключило все чувства, кроме одного — чувства смертельного страха и безумного ужаса. Бедный Чопин!

Мне показалось, что шум нарастает, потом на лестнице прямо за мной раздался хриплый лай; животное рычание с его получеловеческими тонами вызвало у меня приступ слабости.

Все это сопровождалось до смерти отвратительным хохотом. Они приближались!

Я побежал в такт с громовым топотом за моей спиной. Я не решался взглянуть назад, но знал, что они догоняли меня. Мои волосы вставали дыбом, когда я видел нескончаемые витки извивавшейся змеей лестницы. Я мчался из последних сил и громко орал, но преследовавшие меня чудовища буквально дышали мне в спину. Вперед, вперед, вперед, вперед; ближе, ближе, ближе! Мое тело горело от боли и судорог.

Вот и конец лестницы. Я с бешеной силой протиснулся в узкий проход, так как погоня отстала от меня всего на каких-то десять ярдов. Не успел вылезти, как мой фонарик погас. Потом я судорожно толкнул камень обратно на место, прямо в морды бежавших чудовищ. Но когда я делал это, мой почти погасший фонарик на мгновение вспыхнул, и в его дрожащем свете смог разглядеть первого из своих преследователей. Потом фонарь погас совсем, я закрыл ворота склепа и, не помню как, вернулся в человеческий мир.

Я никогда не забуду той ночи, как бы ни старался стереть из памяти эти отвратительные воспоминания. И никогда не найти мне покоя, которого я так жажду. Я даже не могу убить себя, опасаясь, что меня, вместо кремации, похоронят.

Смерть всегда желанна таким людям, каким я стал сейчас.

Я ничего не забуду, потому что знаю всю правду. Но есть одно воспоминание. Чтобы забыть его, я отдал бы душу. Это воспоминание о той секунде, когда я увидел в свете фонаря монстров — хохочущих, слюнявых чудовищ подземелья.

Потому что первым среди них был улыбавшийся, ликующий вурдалак, известный людям под именем профессора Чопина.

Перевод: Н. Демченко

1998

Роберт Блох
КАМЕНЬ КОЛДУНА

Роберт Блох. «The Sorcerer's Jewel», 1939.

Кто-то скажет, что эта история похожа на множество других, как драгоценный камень с сотнями граней. Она напоминает «Извне» Лавкрафта, которой осознанно отдает дань уважения, а также, возможно случайно, «Псов Тиндала» Фрэнка Белкнапа Лонга, где жуткие создания из других измерений настигают свою добычу через углы между мирами. Отмечу также схожесть темы с двумя дописанными Лавкрафтом рассказами: «Ловушкой» (совместно с Генри Уайтхедом) и «Деревом на холме» (вместе с Дуэйном Римелом). История ниже, можно сказать, основана на связи слов «окулист» и «оккультист», классическом случае многозначительного сходства слов, которое так ценят критики — деконструктивисты.

По праву, не мне следует рассказывать эту историю. Дэвид единственный, кто мог бы это сделать, но ведь он мертв. Или нет?

Эта мысль неотступно преследует меня — пугающая вероятность, что Дэвид Найлз все еще жив — неестественным, невообразимым способом. Именно поэтому я рассказываю эту историю; чтобы сбросить с себя тягостный груз, медленно лишающий меня рассудка.

Но Дэвид, в отличие от меня, сделал бы все как подобает. Он был фотографом; он смог бы подобрать термины и связно объяснить то, на понимание чего я даже не претендую. Я могу лишь гадать или намекать.

Найлз и я несколько лет вместе делили студию. У нас были настоящие партнерские отношения — мы были одновременно и друзьями и партнерами по бизнесу. И это само по себе странно, потому что трудно было найти двух людей, столь непохожих друг на друга. Мы отличались почти во всем.

Я был высоким, худым и темноволосым. Найлз коренастым, полным и светлым. Я по натуре ленив, склонен к унынию и самоанализу. Найлз всегда излучал энергию и бодрость. Мои главные интересы, особенно в последние годы, лежали

в области метафизики и оккультных штудий. Найлз был скептиком, материалистом и прежде всего ученым. Но, несмотря на различия, вместе мы образовывали цельную личность — я мечтатель, он делатель.

Наш общий бизнес, как я уже упомянул, был связан с фотографией.

Дэвид Найлз был одним из самых выдающихся мастеров современной портретной фотографии. Несколько лет, до нашего объединения, он занимался салонной работой и выставлялся по всему миру, завоевав репутацию, позволившую ему получать солидное вознаграждение за частные фотосессии.

К моменту, когда мы встретились, в коммерческих заказах Найлз разочаровался. Фотография, по его мнению, была искусством; искусством, которое требует тщательного изучения в одиночестве, не прерываемого суетливым обслуживанием клиентов. Поэтому на год он отошел от дел и посвятил себя экспериментам.

Я был партнером, которого он выбрал для работы, и тогда же Дэвид стал преданным сторонником школы фотографии Уильяма Мортенсена. Мортенсен был ведущим представителем фантастики в фотографии; его исследования гротеска

и монструозности были широко известны. Найлз верил, что в фантастике фотография ближе всего подходит к чистому искусству. Его захватила идея запечатлеть абстрактные образы; мысль, что современной камере под силу заснять сновидческие миры и смешать вымысел с реальностью, сильно его заинтриговала. И здесь Найлз вспомнил обо мне.

Он знал о моих оккультных интересах, знал, что я недавно написал работу, посвященную мифологии. В этом деле я служил своего рода техническим консультантом, и такое соглашение устраивало нас обоих.

Сначала Найлз ограничился изучением физиогномии. Со своей обычной дотошностью он усовершенствовал технику макияжа для фотосессий и нанял моделей, чьи черты лица позволяли им изображать горгулий. Мне он поручил просмотреть соответствующие старинные книги, отыскивая в них иллюстрации для создания подходящего грима.

Поработав с образами Пана, Сатира и Медузы, Найлз заинтересовался демонами, и мы потратили немало времени на его Галерею Демонов, отсняв Азазеля, Асмодея, Самаэля и Вельзевула. Они оказались на удивление хороши.

Однако по той или иной причине Найлз был недоволен. Качество фотографий было изумительным, позирование эффектным, вживание в образ идеальным. И все-таки Найлз считал, что пока не достиг своей цели.

— Да это же человеческие фигуры! — бушевал он. — Человеческое лицо, хоть покрой ты его тремя слоями краски, все равно останется человеческим лицом и только! То, чего я хочу, это сама душа Фантазии, а не жалкие кривляния!

Он прошелся туда-сюда по студии, яростно жестикулируя в своей обычной манере. — Чего мы добились? Кучи персонажей из дешевых ужастиков, подражаний Карлоффу. Детский сад. Нет, нам нужно что-то другое.

Так следующим шагом была выбрана моделирующая глина. Я и тут оказался полезен, имея базовые навыки скульптора. Мы потратили много часов, сочиняя сцены из воображаемой Преисподней; создавая существ с крыльями летучих мышей, парящих на фоне причудливых, неземных, огненных пейзажей, и огромных зловещих демонов, сидящих на острых горных пиках, обозревая Огненную Яму.

Но и здесь Найлз тоже не нашел того, что искал.

Как-то ночью, закончив сессию, он опять взорвался и ударом сбил всю композицию из папье-маше и глиняных фигур на пол. — Дешевка, — бурчал он себе под нос. — Пип-шоу, низкопробная дрянь.

Я вздохнул, ожидая продолжения тирады.

— Я не хочу быть Густавом Доре от фотографии или даже Арцыбашевым, — заявил Найлз. — Я не хочу копировать чей-то стиль. То, чего я жажду, это абсолютно уникальное и индивидуальное искусство.

Я пожал плечами. Мудрее всего было не возражать и дать Найлзу выговориться.

— Я шел по ложному пути, — продолжал он. — Ведь, если мы фотографируем вещь как она есть, то и получаем, как она есть. Строю глиняную композицию — и получаю ее, плоскую, двухмерную. Снимаю человека в гриме и получаю человека в гриме. Я не могу снять то, чего здесь нет. И единственное решение — изменить саму камеру.

Пришлось признать, что он прав.

На следующие несколько недель Найлза обуяла жажда деятельности. Начал он с монтажных снимков. Затем перешел на необычную фотографическую бумагу и экспозицию. Он даже вернулся к принципам Мортенсена, взяв на

вооружение технику искажения — сгибая и скручивая негатив так, что проявляющиеся на печати фигуры были сплюснутыми или удлиненными, как в ночных кошмарах.

Лоб обычного человека после этих манипуляций могли безошибочно приписать гидроцефалу; выпученные словно у лягушки глаза светились безумным светом. Искажение позволяло добиваться всего — перспективы кошмара, тончайших нюансов онейродинии, галлюцинаторных образов сумасшедших. Картины тонули в тенях и полумраке, отдельные части просто исчезали или создавали странный, тревожный фон.

Но однажды ночью Найлз опять нервно мерял шагами студию между стопками рваных снимков. «Снова не то», — бормотал он. — Я могу взять предмет и деформировать, но изменить его природу я не в силах. Чтобы сфотографировать нереальное, я должен увидеть нереальное. Увидеть нереальное — Господи, почему я раньше до этого не додумался?

Он стоял передо мной, руки его дрожали. «Я как-то изучал живопись, ты знаешь. У моего учителя — старого Джиффорда, портретиста, — висела в студии любопытная картина, шедевр одного из бывших учеников. На ней маслом была

изображена зимняя сценка на ферме.

Штука вот в чем. У Джиффорда было две пары специальных очков: одни чувствительные к инфракрасному спектру, другие к ультрафиолету. Показывая гостям эту картину, он давал им сначала одну пару очков. В них зимний пейзаж превращался в летний. Затем давал вторую пару и в них гость видел уже осень. На картине было три слоя и соответствующие линзы позволяли видеть все три».

— И что? — осмелился спросить я.

Найлз заговорил быстрее, его возбуждение росло.

— А то. Помнишь последнюю войну? Чтобы скрыть пулеметные гнезда и полевую артиллерию, немцы закрашивали их камуфляжной краской. Они, как водится, с умом подошли к делу: красили стволы в оттенки листвы, а вокруг набрасывали искусственные кусты и ветки. Чтобы отделить камуфляж от ландшафта, американские наблюдательные посты пользовались ультрафиолетовыми линзами.

Через эти линзы настоящие листья выглядели совсем по-другому, нежели искусственные, которым не хватало ультрафиолетового пигмента.

— Я все равно не пойму, к чему ты клонишь.

— Берем ультрафиолетовые и инфракрасные линзы и получаем тот же эффект, тупица.

— И что с того? На пару фильтров станет больше.

— Может быть. Но мы соединим их с линзами другого типа — такими, которые искажают перспективу. Так мы изменим форму объектов. Деформировав цвет и форму, мы добъемся того типа фотографии, которого я и хочу — чистой фантазии. Мы сфокусируемся на фантазии и воспроизведем ее, не прибегая к посторонним объектам. Ты можешь представить, как будет выглядеть эта комната в обратных цветах, а частью вообще без них? С новой обстановкой, иными, искаженными стенами?

Я не мог, но позже мне представилась такая возможность. Найлз тем временем начал новый цикл: он бесконечно экспериментировал с линзами, которые получал каждый день. Он посылал заказы на специальную шлифовку, изучал физические свойства света, погрузившись в терминологию, которую я даже не пытался понять. И результаты были поразительными.

То, что Найлз предсказывал, наконец материализовалось. После последнего тяжелого дня, проведенного перед камерой и в проявочной, мы

смотрели на чудесный новый мир, созданный прямо в студии. Я был восхищен.

— Великолепно, — злорадно произнес Найлз. — Но то, чем мы занимаемся, связано с общеизвестными научными теориями. Понимаешь, о чем я? Идеи Эйнштейна о пространственно-временном континууме.

— Четвертое измерение? — эхом отозвался я.

— Оно самое. Новые миры вокруг нас — и внутри нас. Миры, о существовании которых мы и не мечтали, параллельные нашему, прямо здесь. Другая обстановка, может, даже другие люди, иные физические законы, новые формы и цвета.

— Больше похоже на метафизику, чем науку, — заметил я. — Ты сейчас говоришь об Астральном Плане — непрерывной цепи бытия.

Мы опять вернулись к тому, из-за чего всегда ссорились — наука против оккультизма, физическая реальность против психической.

— Четвертое измерение это попытки науки объяснить метафизические истины бытия, — настаивал я.

— Метафизические истины бытия это психологическая ложь жертв слабоумия, — парировал Найлз.

— Но не могут же лгать твои картины!

— Мои картины получены реальными научными методами.

— Твои картины получены с помощью средств, которые гораздо древнее науки, — не унимался я. — Ты слышал о литомантии, гадании с помощью драгоценных камней? А о скраинге? Веками человек всматривался в глубины этих камней, сквозь особым образом ограненные линзы и видел иные миры.

— Любой окулист тебе скажет, что это абсурд.

— Любой окулист тебе скажет, что мы видим мир вверх ногами. И только наш разум переворачивает изображение на сетчатке. Любой окулист скажет, что наши глазные мышцы действуют так, что приближенный к нам объект на самом деле удален, а удаленный на самом деле приближен.

Я разгорячился. «Любой окулист тебе скажет, что рука быстрее глаза; что миражи и галлюцинации на самом деле „видит“ мозг, а не сетчатка. В конце концов любой окулист тебе скажет, что феномен зрения имеет очень мало общего с восприятием или законами света. Возьмем, к примеру, кошку — она, в отличие от многих, может видеть ночью. Человеку тоже под силу так себя натренировать. Чтение — привилегия разума, а не органов восприятия. Все это я к тому,

что не будь так уверен в своих законах оптики и теориях света. Мы видим много такого, что никакими физическими законами не объяснишь. Подойти к четвертому измерению можно только через углы — наука обязана согласиться с этим хотя бы в теории. Твои линзы сделаны точно таким же образом и все это в конечном счете снова возвращает нас к оккультизму, а не к „окулизму“ или офтальмологии».

Речь оказалась для меня слишком длинной, и она, должно быть, удивила Найлза, который молча и негодующе уставился на меня.

— Я докажу тебе, — продолжил я. — И вырежу специальные линзы.

— Как это?

— Я схожу к одному моему другу и займу у него пару камней. Это египетские кристаллы, которыми пользовались для прорицаний. Пророки говорили, что сквозь грани этих камней они способны видеть иные миры. И я готов поспорить, что ты получишь с их помощью такое, что забудешь про исландский шпат, кварц и все остальное; нечто, что ты и твои научные теории объяснить не смогут.

— Ок, убедил, — сдался наконец Найлз. — Принеси мне камни.

Итак, на следующий день я отправился к Айзеку Вурдену. В пути меня одолевали дурные предчувствия. Правда состояла в том, что я слегка преувеличил свойства линз и камней, о которых говорил. Я знал, что ими действительно пользовались для пророчеств, но в том, получился ли достать один из таких камней, и тем более сделать из него линзы, я уверен был уже меньше.

Но с Айзеком Вурденом я все равно решил поговорить. Он был самым подходящим человеком. Его антикварный магазин вниз по Южной Кинникинник, наполненный мистической аурой, был маленькой крепостью прошлого. Айзек Вурден сделал хобби своей профессией и профессию своим хобби; он жил метафизикой и баловался старинными вещицами. Кучу времени он проводил в сумрачных задних покоях своего заведения, предоставляя нанятому клерку присматривать за магазином.

Здесь он хранил редкости былых времен, по сравнению с которыми его витринный антиквариат выглядел новеньким словно только что из коробки. Древние символы магии, алхимии и тайных наук очаровывали Вурдена; он собственноручно собрал солидную коллекцию статуэток, талисманов, фетишей и прочей магической утва-

ри совсем уж непонятного назначения.

Помочь мне с поисками мог только Айзек и он не подвел. Сначала я рассказал ему о проблемах Найлза с фотографиями. Желтолицый, с тонкими губами, антиквар слушал меня, и его брови ползли на лоб все выше как напуганные черные жуки.

— Очень интересно, — сказал он, когда я закончил. Его надтреснутый голос и постоянная озабоченность выдавали интроверта и педанта — Айзек, казалось, постоянно читал сам себе какую-то лекцию.

— Очень, очень интересно, — повторил он. — У твоего Дэвида были славные предшественники. Жрецы Иштар считали, что во время Мистерий они могут заглядывать за завесу бытия, для чего пользовались специальными кристаллами. Первые простейшие египетские телескопы были созданы, чтобы смотреть за пределы звезд и открывать врата Вечности. Друиды созерцали особые бассейны с водой, а безумные китайские императоры, желая взойти по Небесной Лестнице, одурманивали себя наркотиками и всматривались во вращающиеся рубины. Желание твоего друга Найлза старо как мир, и исполнить его он хочет столь же испытанными

способами. Именно оно вдохновляло Аполлония, Парацельса, сумасбродного Калиостро. Человек всегда хотел увидеть Бесконечное; пройти между мирами — и иногда его усилия вознаграждались.

Я решил вмешаться. Вурден мог болтать хоть весь день, но я хотел узнать то, за чем пришел.

— Говорят, у вас есть камни, вызывающие загадочные видения, — пробормотал я, бессознательно переняв его помпезную манеру выражаться. Вурден медленно улыбнулся.

— Да, у меня есть кое-что.

— Найлз в это вряд ли поверит, — возразил я.

— Многие не верят. Но здесь есть камень, которым пользовался сам Бэкон, набор кристаллов легендарного Теофраста, гадательные камни, в которые вглядывались ацтеки перед жертвоприношением. Драгоценные камни — своего рода математические фигуры из света, отражающие его своими гранями. И кто знает, может быть через эти углы действительно можно проникать в иные миры? Может быть, их углы изменяются так, что, вглядываясь в глубины камней, мы способны видеть их в трехмерной перспективе? Древние пользовались углами в магии, а современный человек делает то же самое, называя это математикой. Де Ситтер говорит…

— Камень для линз, — перебил я его.

— Да, конечно, прошу прощения, друг мой. Думаю, что есть у меня один в высшей степени подходящий. Звезда Сехмет. Очень древний, но вам вполне по карману. Украден из короны львиноголовой Богини, когда Египет завоевали римляне. Его отправили в Рим, где он оказался в поясе девственницы, верховной жрицы Дианы. Позднее варвары вытащили его оттуда и огранили, и далее след его теряется в темных веках. Известно только, что Аксенос Великий омыл его в красном, желтом и синем пламени, желая использовать как Философский Камень. С ним он, как считалось, мог смотреть за Завесу и повелевать гномами, сильфами, саламандрами и ундинами. Камень стал частью коллекции Жиля де Рэ, и он говорил, что именно в его глубинах узрел идею Гомункулуса. Потом камень снова исчезает, но одна из монографий упоминает его как часть тайного собрания Графа Сен-Жермена, когда он оказывал услуги королевскому двору в Париже. Я сам купил его в Амстердаме у русского священника, чьи глаза выжег серый брат Распутин. Он заявлял, что с его помощью умел прорицать.

Тут я снова вмешался. «Огранi камень в виде

линзы, чтобы его можно было вставить в фотоаппарат. И когда примерно он будет готов?»

— Вы, молодые люди, так не терпите спокойной беседы, — упрекнул он меня. — Завтра, если угодно. Видите ли, камень для меня много значит и я лично никогда с ним не экспериментировал. Все, чего я прошу, — рассказать о результатах работы. И еще я советую вам, если камень откроет нечто, что, как мне кажется, должен открыть, обращаться с этим крайне осторожно. Есть места, куда вторгаться опасно.

Я уже спускался по лестнице, а он все болтал. Поразительный человек этот Айзек.

На следующий полдень я забрал небольшую посылку и тем же вечером принес камень Найлзу.

Вместе мы развернули дымчатые линзы. Я описал Вурдену характеристики нашей большой камеры, которой пользовались последнее время — с отражающим зеркалом внутри, через который мы легко могли поймать фокус. Вурден блестяще справился с работой. Найлз даже выдохнул от удивления: «Великолепно».

Он не стал тратить время на смену линз и сразу вставил Звезду Сехмет. Найлз склонился над камерой — я никогда не забуду это зрелище — и его плотная фигура почти слилась с затененными

стенами студии. Мне пришло в голову сравнение с согнувшимся над кристаллом древним алхимиком, что вслушивается в шепот танцующих внутри демонов.

Вдруг Найлз резко выпрямился. «Черт!», пробормотал он. — Все в тумане, не могу отрегулировать. Похоже, друг твой всучил нам подделку.

— Давай я попробую.

Я занял его место и уставился в серую массу. Да, видимо, линзы были просто мутными. Так, а это что?

Серая пелена слегка шевельнулась.

Легкий вихрь. Отблеск танцующего света. Дымка рассеивалась и будто бы раскрывалась в пейзаж, который таял на расстоянии. Стена, на которой он был сфокусирован, выглядела маленькой, словно на нее смотрели другим концом бинокля. Затем стена начала растворяться, напомнив снимки с медиумами и линиями эктоплазмы. Окончательно исчезнув, она уступила место какой-то огромной тени, замаячившей перед камерой. Нечто выросло из пустоты. И вдруг резко — фокус!

Думаю, что я закричал. Крик, несомненно, пронзил молнией мой мозг.

Ибо я увидел Ад.

Сначала бесконечные углы, ничего, кроме углов, кружащихся в бесцветном фосфоресцирующем свете. За ними плоская черная равнина, расстилавшаяся вверх без начала и конца, без намека на горизонт. Она двигалась и углы тоже двигались, но резким, дерганым, головокружительным образом, словно на палубе в сильную качку. Я видел кубы, треугольники, неизвестные математические фигуры невиданной сложности и огромных размеров. Их были тысячи, этих линий света в форме многогранников. И пока я смотрел на них, они изменились.

Изменились в нечто иное.

Эти формы — они могут привидеться только в бреду, в самых жутких ночных кошмарах. Там были ухмыляющиеся демоны, крадущиеся на длинных острых когтях по движущейся равнине; бесформенные грибы с щупальцами, заканчивающимися в циклопического размера глазах; клыкастые головы катились мне навстречу, злобно хохоча; гигантские руки, ползущие словно безумные пауки. Вампиры, монстры, демоны — разум был бессилен перечислить их все. Но ведь мгновение назад они были просто математическими фигурами!

— Вот, — задыхаясь, произнес я. — Посмотри

еще раз.

Найлз уставился в объектив, недоумевая, почему я так возбужден. «По-прежнему ничего», проворчал он. Но чем дольше он смотрел, тем бледнее становилось его лицо.

— Ага, — услышал я. — Туман рассеивается. Да! Комната уменьшается, начинает таять. А сейчас — то ли я к ним двигаюсь, то ли они ко мне — появляются какие-то светящиеся углы.

— Подожди, — почти прошептал я с ощущением триумфа. — Ты еще ничего не видел.

— Я вижу геометрические формы. Кубы. Светящиеся многогранники. Они покрыли всю равнину и — Боже правый!

Найлз задрожал.

— Я вижу их! — вскричал он. — Вижу! Высоких существ без глаз с волосатыми головами. Волосы скручиваются и извиваются, под ними морщинистые розовые рты словно извилины человеческого мозга. А дальше — козла с человеческими руками!

Он испустил неописуемый крик, дрожа, отступил от фотоаппарата и повернул регулятор. Глаза у Найлза были красными, он словно только что проснулся от лихорадочного сна.

Нам обоим нужно было выпить. Не озаботив-

шись стаканами, мы пили прямо из бутылки.

— Ну? — спросил я, более-менее успокоившись.

— Галлюцинация, — без особой уверенности рискнул предположить он.

— Не хочешь взглянуть еще раз?

Найлз криво усмехнулся.

— Иллюзией это быть не может, — продолжал я. — Никакого козла я не встретил, зато мы оба видели туманные вихри, одну и ту же плоскую равнину, одни и те же геометрические формы из живого света.

— Согласен. Но последнее — эти жуткие твари — у каждого из нас были свои. Вот что мне непонятно.

— Здесь как раз все просто. Если Вурден прав, то камень — некий ключ, грани которого открывают Астральный План. Астральный План — и не качай так головой, пожалуйста, — отчасти совпадает с научной концепцией Четвертого Измерения, хотя метафизики верят, что он представляет собой продолжение трехмерной жизни. То есть, когда люди умирают, их души входят в Астральный План и пройдя сквозь него, попадают в высшую форму бытия. Астральный План в каком-то смысле ничейная земля, Лимб, суще-

ствующий вокруг нас, где обитают потерянные души и низшие сущности, которые никогда не воплотятся.

— Чушь.

— Сейчас принято считать все это глупыми суевериями, но это очень древняя идея, отголоски которой есть во всех религиях. И подожди, я не сказал главного. Ты слышал когда-нибудь об элементалах?

— Вскользь, разве что. Они что-то вроде призраков?

— Не совсем — это силы. По природе нечеловеческие, но с человечеством связанные. Те самые гении и фамильяры, инкубы и демоны разных религий и мифологий; невидимые существа, живущие вокруг нас и ищущие контакта с человеком. Организмы вне трехмерного измерения, выражаясь более научно. Они живут в ином времени и пространстве, которое синхронизировано и параллельно нашему. Увидеть их можно только с помощью углов. Грани этого камня позволяют нам видеть сквозь него, наводить фокус на бесконечность, так сказать. То, что мы видели, и есть элементалы.

— Ок, свами, но почему мы видим их разными? — настаивал Найлз.

— Потому что, мой дорогой друг, мозги у нас тоже разные. Сначала мы видим геометрические формы, их базовую, чистейшую форму жизни. Но затем наш мозг переводит эти формы в знакомые образы. Я вижу одних монстров потому, что знаком с мифологией. У тебя другое впечатление — и из твоих восклицаний я понял (это сейчас ты такой высокомерный, а тогда вопил от ужаса на всю студию), что твой мозг брал образы из сновидений и кошмаров. Рискну предположить, что венгерский крестьянин, посмотри он сквозь эти линзы, разглядел бы вампиров и оборотней.

Это вопрос психологии. Каким-то образом камень помогает настроить фокус более чем визуальным образом. Также он позволяет тем существам узнавать о нас — и они хотят, чтобы мы видели их в соответствии с нашими ментальными представлениями о них. На самом деле суеверия вырастают именно отсюда, потому что временами эти сущности контактируют с человеком.

Найлз нетерпеливо махнул рукой. «Оставим пока твои теории об углах, с ними и до психушки недалеко», — сказал он, — но я точно обязан твоему другу Вурдену. Неважно, подделка камень или нет, неважно, принимаю я эти наивные объ-

яснения или нет, важно другое: мы столкнулись с чем-то крайне занятным. Я серьезно. Фотографии, которые мы можем получить с помощью этой линзы, уникальны и никто никогда даже близко не подходил к таким результатам. Они идут куда дальше самых безумных идей дадаистов и сюрреалистов. Мы получим настоящие снимки — но будь я проклят, если знаю, чего именно, ведь твои так называемые ментальные образы отличаются от моих.

Я покачал головой, вспомнив, что говорил Вурден.

— Слушай, Найлз. Я знаю, что ты мне не веришь, но ты точно веришь в то, что видел своими глазами. Я видел, как ты дрожал; нам придется признать, что эти существа ужасны — без разницы, откуда они, родом из нашего ли воображения или Астрального Плана, они угрожают рассудку нормального человека. Если слишком долго смотреть на то, что видели мы, то легко свихнуться, и я не шучу. Я бы не советовал смотреть в эти линзы слишком долго и слишком пристально вглядываться в неведомых тварей.

— Не неси чушь, — скривился он.

— Элементалы, — настаивал я. — И ты должен в это поверить — очень жаждут жизни. Они своего

рода космические вампиры, которые питаются мертвыми душами, но заманить живого человека сквозь мириады планет на свой план им удается редко. Вспомни легенды — все они говорят именно об этом. Истории о людях, которые пропадали, продавали свои души дьяволу, отправлялись в иные миры; все они про элементалов, которые охотятся на человека и хотят затащить его на свой план.

* Заканчивай, ты же знаешь, меня бесят подобные байки.

Несмотря на тон, глаза Найлза выражали слабое доверие, и оно росло по мере того, как я игнорировал его скепсис.

— Ты говоришь, что это глупые суеверия, — продолжал я. — А я говорю, что это наука. Ведьмы, колдуны, мудрецы, чьи тайны помогли возвести пирамиды — все они прибегали к заклинаниям и пользовались чем? Правильно, геометрическими фигурами. Они рисовали круги, пентакли и каббалистические печати. Через эти линии они призывали силы с Астрального Плана или других измерений. Эти силы вознаграждали их в ответ, но в конце концов они всегда уходили через углы в Астральный План, платя за дары своей жизнью. Колдовство и геометрия — странные партнеры,

но их взаимосвязь — исторический факт. Поэтому я предупреждаю тебя. Не только ты видел этих существ — они тоже видели, чувствовали и каким-то образом знали о твоем присутствии. Они будут жаждать твоей души, и пока ты вглядываешься в них через эти линзы, они понемногу высасывают ее из тебя. Это своего рода гипноз, который наука пока не может объяснить, как не может объяснить магнетизм и телепатию. Но древние называли это магией. Я прошу тебя еще раз: не смотри слишком долго в эти линзы.

Найлз расхохотался.

— Завтра у меня будут фотографии, — заявил он. — И мы посмотрим, на что похожи твои элементалы. А если ты нервничаешь, лучше держись подальше.

— Честно, я так и сделаю.

На следующий день я покинул студию. Найлз был невероятно возбужден. Он без умолку говорил о новых фокусных регулировках, чтобы расширить поле видимости; о том, как быстрее получить снимки, какую бумагу взять для печати. Его интересовало, проявятся ли на финальных негативах увиденные им создания или только удивительные фигуры из света. Я ушел, не желая, чтобы он видел мою раст тревогу.

Я пошел к Вурдену.

Магазин его был открыт, но клерка на месте не было, хотя извещавший о появлении покупателей колокольчик над дверью прозвонил как обычно. Я прошел через полумрак в дальнюю комнату, где Айзек предавался своим исследованиям.

Он сидел там, в легкой дымке, странной для неосвещенной комнаты, и всматривался с восхищенным вниманием в какую-то старинную книгу.

— Айзек, — сказал я. — В этом камне и правда было нечто. Найлз и я воспользовались им прошлой ночью и думаю, что мы открыли врата в другое измерение. Древние были не дураки, они знали, что делали.

Айзек даже не шевельнулся. Неподвижный, он вглядывался в безмолвную тишину. На его желтоватом лице играла легкая улыбка.

— Ты обещал рассказать еще кое-что об истории камня, — продолжил я. — Ты нашел что-нибудь? Знаешь, это невероятно, просто невероятно.

Айзек по-прежнему сидел, молча смотрел вдаль и улыбался. Я нагнулся к нему.

Недвижимый, прямой как стрела в своем кресле, сжимая в руках авторучку, Айзек Вурден

напоминал современного некроманта. И как любой некромант, переступивший роковую черту, Айзек Вурден был мертв.

Мертв как камень.

— Айзек! — вскричал я. Забавно, не правда ли, слышать, как выкрикивает человек имя ушедшего в момент смерти. Это крик отчаяния, отказа поверить в неизбежное; своего рода заклинание, как если бы эхо человеческого голоса могло вернуть обратно душу, уже перешедшую последнюю грань. И ушедшую куда — в Астральный План?

Я быстро склонился к холодному телу, уставившись в испещрявшие лист неразборчивые записи. Я читал то, над чем работал Вурден, пока не пришел его последний гость.

Буквы расплывались у меня перед глазами.

«Звезда Сехмет. Эпоха Птолемеев. Август Лулла, так звали римлянина, который украл ее. См. Историю Вено. Лулла умер от проклятия за то, что вытащил камень. Раз.

Жрица Дианы, которая носила камень в поясе, тоже поплатилась смертью. За святотатство. Вновь см. Вено. Два.

Жиль де Рэ — его судьба известна. Он неправильно пользовался камнем. Неизбежная расплата за нарушение правил.

См. главу о дивинации Тайн Червя Принна. Могут быть упоминания о камне во время его исчезновения.

Снова русский. Утверждает, что украл камень у Распутина, тот пользовался им для пророчеств. В результате Распутин мертв, священник ослеп. Пока он не сошел с ума, нужно было обратить внимание на предостережения, касающиеся священной природы камня. Три, четыре и пять. Кто или что бы ни обитало в мирах, которые открывает камень, оно не потерпит, чтобы врата изменяли или пользовались ими неправильно. Кража камня, перенос его с места на место, неверное применение — все кончалось смертью.

И — я повинен во всем. Да поможет Бог этому человеку Найлзу в том, что он должен вынести. Они доберутся до него через камень.

Да поможет мне Бог. Я тоже должен заплатить свою цену. Но позже.

Почему я не подумал, прежде чем дать ему камень? Сейчас я — …».

На этом месте записи обрываются. Никакого судорожного прерывистого царапанья ручкой, ни застывшего выражения ужаса, никакого растущего напряжения и предчувствия гибели. Вурден писал и через минуту уже был мертв.

Конечно, причиной мог быть банальный сердечный приступ, инсульт, тромбоз или просто возраст. К этому могли привести шок, возбуждение, тревога, что угодно.

Но я не обманывал себя. Я знал. Вскочив на ноги, я выбежал из магазина так быстро, словно за мной гнались демоны. И пока я бежал, кровь пульсировала в висках в ритме с единственной фразой, бившейся в моем мозгу: «Да поможет Бог Найлзу».

Было уже темно, когда я отпер дверь студии. Она была пуста, в проявочной не горел свет. Может быть, Найлз ушел?

Я молился, чтобы это было так. Но куда? Он не мог бросить работу. Я подошел к камере: на пленке была выставлена экспозиция. Должно быть, Найлзу позвонили и он вышел.

Я едва сдержался, чтобы не посмотреть через линзу еще раз, как только включил свет. Но нет — мне не хотелось снова видеть равнину и этих невообразимых чудовищ, обитающих за пределами времени и пространства, и при этом — как забавно — одновременно вокруг меня, в этой самой комнате. Миры внутри миров ужаса. Но где же Найлз?

Я не мог просто сидеть и ждать. Почему бы не

проявить пленку? Хоть займусь чем-то. Я отнес камеру в проявочную. Десять минут в темноте, потом все как обычно. Повесив темный квадрат сушиться, я включил вентиляторы.

Голова гудела от предположений. Пленка окажется пустой? На ней проявятся угловатые световые фигуры? Или — это было бы потрясающе — я увижу существ, вызванных нашим воображением? Поможет ли наш мозг получить снимки благодаря древнему магическому камню в современном фотоаппарате? Эта мысль меня не покидала.

Минута текла за за минутой, тихо шумели вентиляторы.

Но где же Найлз? Что бы ни вызвало его поспешный уход, он точно должен уже вернуться. Даже записки не оставил.

Дверь была заперта изнутри, а ключ был только у меня

Сквозь волну накатившего ужаса эта мысль, ухмыляясь словно злобный призрак, смотрела на меня в упор.

Найлз никак не мог выйти отсюда.

У него был только один выход.

Я быстро сунул высохший негатив в принтер вместе с листом бумаги.

Надавив, положил в проявитель, подождал.

Наконец снимок был готов, и я помчался в другую комнату, где поднес его, еще влажный, к свету.

В следующее мгновение, закричав, я разбил камеру и принялся топтать ногами камень до тех пор, пока не пришел в себя настолько, чтобы собрать все осколки и швырнуть их через открытое окно на дальние крыши. Снимок и негатив я порвал в клочья, не переставая кричать, потому что не мог и никогда не смогу стереть из своей памяти то, что увидел на фотографии.

Должно быть, снял он это очень быстро. Камера по неизвестной причине навела фокус мгновенно, что и послужило причиной произошедшего. Мгновенный фокус позволил этим существам — силам, элементалам, чему угодно — достичь своей долгожданной цели.

Я увидел на снимке то, что ожидал увидеть Найлз. Бесконечную черную пустошь. Только теперь на ней не было ни фигур, ни огней, только черные тени, сгрудившиеся вокруг центральной точки. И они не были частью снимка.

Но они собрались вокруг одной точки — центральной точки, и камера каким-то чудом поймала их быстрее скорости света. Они прошли

через камень и унесли Найлза с собой, как я и опасался. Быстрее скорости света, как я и сказал. Даже еще быстрее, иначе бы я не увидел того, что открылось моим глазам. Центральная точка…

Центральная точка этого проклятого снимка; единственная среди зловещих теней… была мертвым, истерзанным телом Дэвида Найлза!

Перевод: Д. Даммер

Роберт Блох
ЧЕРНЫЙ ЛОТОС

Роберт Блох. «Black Lotus», 1935.

Это история о сновидце Генгире и о странной судьбе, которая настигла его в его снах; история, которую старики шепотом рассказывают на базарах Исфахана, как другие старики некогда шептали о легендарном Теразе, исчезнувшем тысячу лет назад. Какая часть в ней — правда, а какая — только фантазия, я оставляю решать вам. В запрещенных книгах есть странные высказывания, и у Альхазреда были причины для его безумия; но, как я уже сказал, решение остается за вами. Вот эта история.

Знайте, что Генгир был повелителем далекого королевства во времена грифонов и крылатых единорогов. Богатым и могущественным было его королевство, а также мирным и процветающим, так что его владыка проводил все свое время в удовольствиях.

Красавцем был Генгир, но рос он в тех условиях, в каких растут женщины, потому что не интере-

совался ни охотой, ни тяжелыми походами. Его дни проходили в покое и учебе, а ночи в веселье среди женщин. Функции правления легли на плечи визиря Хассима эль-Вадира, в то время как истинный султан предавался наслаждению.

Достойной сожаления была жизнь под его управлением, и вскоре земля была разорвана разногласиями и продажностью. Но услышал Генгир об этом и приказал содрать кожу с Хассима за злоупотребление служебным положением. И была революция, и убийства совершались по всей стране, а затем пришла страшная чума; но все это не тревожило Генгира, хотя две трети его людей умерли в муках. Потому что его мысли были чужды и далеки от этого мира, а вес своего правления он чувствовал как легкое перышко. Его глаза видели только затхлые страницы колдовских книг и мягкую белую плоть женщин. Колдовство слов, вина и распутных девок подчинило себе его чувства. Темная магия была описана в книгах с черными переплетами, которые его отец принес из древних завоеванных царств, и было очарование в старых винах и молодых женских телах, которые знали его желания; поэтому он жил в стране воображений и грез. Конечно, он бы умер, если бы не те, кто остался на земле после чумы

и не сбежал в другие королевства, оставив его в пустом городе. Сообщение об их уходе никогда не доходило до его ушей, так как все его придворные знали, что те, кто приносят неприятные новости, будут обезглавлены. Но один за другим некоторые все же убегали, забирая с собой золото и драгоценные камни, пока дворец не опустел под солнцем, сияющим над бесплодной землей.

Женщины больше не отдыхали в его гареме и не носились как нимфы рядом с янтарными бассейнами. Султан обратился к другим удовольствиям, доставленным из царства Катая, и в бархатных черных одеждах он лежал и развлекался с соками мака. Тогда его жизнь действительно стала всего лишь сном, а опиумные кошмары приобрели вид событий и мест, упомянутых в толстых томах, которые он читал днем. Время стало лишь продолжением жуткого сна. Генгир больше не выходил в свои сады и все реже и реже ел пищу или пил вино. Даже свои книги он забыл и все время лежал в одурманенном сне, не обращая внимания на приход и уход тех немногих последователей, которые остались еще в его свите. И тишина опустошения пала на его землю.

Вскоре оказалось, что опиума и других наркотиков было недостаточно, так что Генгир был

вынужден искать спасение в других и более мощных препаратах. И в одной из странных темных книг он прочел о некоем зелье, сваренном из соков Черного Лотоса, растущего под убывающей луной. Страшными и ужасными были предупреждения писца относительно использования этого запрещенного препарата, поскольку его происхождение считалось нечестивым, а опасности, связанные с использованием его новичком, были сформулированы в жестких выражениях. Но Генгир жаждал зловещей магии этих снов и обещанного ими восторга, и он не сможет найти покой, пока не почувствует вкус запретного экстаза.

Его дворец оставался темным и пустынным, поскольку в последние дни остатки его подхалимов и прекрасных как гурии девушек покинули наполненные сумраком залы, чье великолепие давно было обменено на истинные прелести, которые можно найти только в стране наркотических снов. Сейчас остались здесь только трое верных слуг, которые охраняли Генгира, когда он лежал на кушетке, погрузившись в свои видения. И вот он призвал их к себе и приказал отправиться в путь и найти ядовитую красоту Черного Лотоса посреди скрытых болот, о кото-

рых поведала ему таинственная Книга. И они очень испугались — и за него, и за себя, — потому что слышали удивительные седые легенды; и они умоляли его отозвать свой приказ. Но он разозлился, и его глаза, казалось, запылали, как опалы, когда они уходили.

Прошло целых две недели, прежде чем один из них вернулся, — две недели, в течение которых сновидец тщетно пытался обмануть свои пресыщенные чувства запахом белого цветка. Он был очень рад, когда раб вернулся со своим драгоценным грузом и сварил из него блаженные соки напитка, дарующего забвение, следуя указаниям, изложенным в древней книге. Но он не говорил о своем путешествии или о судьбе своих спутников; и даже находясь в полубессознательном состоянии, сновидец задавался вопросом, почему он скрывал черты своего лица. В своем рвении он не спрашивал, но был доволен, увидев, что зелье было тщательно приготовлено и ликер жемчужного цвета добавлен в кальян. Сразу же после выполнения этой задачи слуга ушел, и никто не знает ничего о нем с тех пор, кроме того, что он направил своего верблюда далеко в пустыню, мчась так, словно был одержим демонами. Генгир не замечал ничего вокруг, потому что он

уже был в восторге от мысли о том, что должно было произойти. На самом деле он не вставал со своего дивана в дворцовых покоях, и в его мозгу не было ничего, кроме сводящей с ума жажды познания нового острого ощущения, предсказанного в древних преданиях. Странные сны были обещаны тому, кто вдохнет эти наркотические пары, сны, на которые старая книга не смела даже намекнуть, — «сны, которые превосходят реальность, или смешиваются с ней новыми и необузданными способами». Так говорили писцы, но Генгир не боялся и прислушивался только к обещанию наслаждений, о которых говорилось в книге.

В тот же вечер он лежал на диване и курил кальян в одиночестве в глубокой темноте, король снов в стране, где все, кроме снов, было мертво. С его дивана открывался вид на балкон, расположенный высоко над пустым городом, и когда взошла луна, лучи полумесяца заблестели на радужных пузырьках белой жидкости в большой чаше, через которую пропускался дым. Сладким был вкус этого зелья, более сладким, чем соты Кашмира или поцелуи избранных невест Рая. Постепенно над правителем возобладало чувство новой и восхитительной слабости — это было, как

будто он был свободнорожденным существом, сущностью безграничного воздуха. Он лениво смотрел на пузырьки, и внезапно они начали подниматься вверх, вверх и вверх, пока не завесили комнату вуалью мерцающей красоты, и он почувствовал, как реальность исчезает в их кристаллических глубинах.

И вот наступил период глубокой и мистической тоски. Ему казалось, что он лежит внутри холодных стен гробницы на плите из бледно-белого мрамора. Пронзительные погребальные звуки доносились словно эхо издалека, а его ноздри щекотали медленно плывущие ароматы могильной лилии. Он знал, что он мертв, и все же еще сохранил сознание, которое было его собственным в жизни. Вневременность общих снов не была его уделом; века проходили медленно перед ним, и он знал каждую секунду их продолжительности, когда лежал в гробнице своих отцов на каменной плите, на которой были вырезаны демонические василиски.

После того, как запахи и музыка исчезли из тьмы, в которой он лежал, наступил период разложения. Он почувствовал, как его тело начало раздуваться, переполненное гноем; он почувствовал, как черты его лица расплываются, а

его конечности расползаются по плите, источая вонючую слизь. И даже это было лишь мгновением в утомительных, вяло ползущих часах его вечности. Так долго он лежал лишенный тела, что потерял всякое сознательное воспоминание о том, что когда-либо обладал им, и даже пыль, которая была его костями, потеряла для него любое значение. Прошлое, настоящее и будущее были ничтожны; и, таким образом, бессознательно Генгир открыл основу тайной жизни.

Годы спустя крошащиеся стены с грохотом обрушились, а куски камня скрыли покрытую гнилью плиту, на которой не было сейчас ничего, кроме бессмертного сознания. И даже они рассыпались в пыль, пока не осталось ни единого знака, который мог бы указать на местоположение гордой гробницы, где когда-то лежали владыки дома Генгира. И душа Генгира превратилась в ничто среди небытия.

Такова была сущность первого сна. Когда мерцание его души прервалось в вечном мраке внутри земли, Генгир проснулся, и обильный пот покрывал его тело, содрогающееся от страха, он был бледен, как смерть, которой так боялся. Но вскоре он перевернул страницы своей книги туда, где она говорила о Лотосе и его пророчествах,

и вот что он прочитал:

> «Первый сон должен предсказать то, что грядет».

Генгир сильно испугался и закрыл книгу в серебряном свете луны, затем лег на спину и попытался уснуть и все забыть. Но затем его чувств коснулся едва уловимый сладкий запах экстракта, и его магия околдовывала и поглощала его, пока он не пришел в бешенство от коварной тяги к его зловещему успокоению. Был забыт страх и пророческие предупреждения; все растворилось в желании. Его неуклюжие пальцы нашли кальян, его лихорадочно дрожащие губы сомкнулись на мундштуке, а его сущность познала покой.

Но длилось это не долго. Снова непрозрачные розовые туманы сладострастия разошлись и растворились, и очарование восторженного, невыразимого блаженства исчезло, когда появилось новое видение.

Он увидел себя проснувшимся и поднявшимся с дивана в свете рассвета, с изумлением взирающим на новый день. Он увидел жалкую агонию своей сущности, когда наркотик потерял свою силу и покинул его тело, пронизанное спазмами

изящной боли. Его голова пульсировала и распухала, и казалось вот-вот лопнет; его гниющий, несчастный мозг словно увеличивался внутри черепа и грозил расколоть голову. Он видел свои безумные хождения наощупь в пустынной комнате, безумные скачки гротескной агонии, которые заставляли его рвать на себе волосы, истекать пеной и бредить, когда он царапал дрожащими пальцами свои виски. Раскаленный добела туман мучительной боли заставил его рухнуть на пол, а затем в его сознании возникло ужасное желание избавиться от мучений любой ценой и сбежать из живого ада в ад мертвый. В своем безумии он проклял книгу и ее предупреждения, проклял страшный цветок лотоса и его сущность, проклял себя и свою боль. И когда острые зубы терзающей его пытки начали проникать все ближе к корням его здравомыслия, он увидел, как тянет свое негнущееся, словно парализованное тело к внешнему балкону своего заброшенного дворца, и с гримасой муки, большей, чем может вытерпеть здравый ум, медленно подтягивает себя к перилам. Тем временем, когда он стоял там, его голова распухала и раздувалась до чудовищных, невероятных размеров, а затем разлетелась на куски в водопаде ужасных сгуст-

ков серого и алого цвета, от которых появился ошеломляющий запах черных лотосов. Затем, с единственным невнятным криком ужаса и отчаяния, он перегнулся через перила и рухнул с балкона, чтобы разлететься в красном безумии на камнях нижнего двора.

В этот момент он проснулся, и его зубы дрожали во рту, когда он стиснул челюсти и испытал приступ отвратительной рвоты. Он чувствовал себя старым и дряхлым, и волны жизни угасали в его венах. Он упал бы в обморок, если бы не медленно поднимающийся дым из кальяна, который все еще тлел рядом с ним. Затем он дал себе клятву навсегда покинуть пути сновидца, поднялся на ноги, взял книгу и перевернул страницы к отрывку предупреждения, в котором он прочитал следующее:

«Второй сон покажет, что может быть».

Затем на него обрушились смирение и черное отчаяние. Вся его жизнь снова развернулась перед ним, и он осознал себя тем, кем он был, — обманутым дураком. И он знал также, что, если он не вернется к наркотическому сну, то сбудется ужас его второго сна, как и было предсказано. Таким образом, устало и со странным удивлением

в своем сердце, он сунул книгу за пазуху и снова опустился на диван в лунном свете. Его бледные дрожащие пальцы снова поднесли мундштук кальяна к пепельным губам, и он еще раз почувствовал блаженство Нирваны. Он действовал словно околдованный раб.

...О, черный как ночь цветок лотоса, растущий у реки Нил! О, наполненный ароматами всей тьмы, качающийся и трепещущий в заклинаниях лунного света! О, загадочная магия, которая работает только во зло!..

Генгир-сновидец погрузился в сон. Но были туманным экстазом и мистическими чудесами полны его грезы, и он познал красоту, лежащую в сумеречных гротах на темной стороне луны, его лоб расслабился, а его сны были убаюканы бледными ветрами тех маленьких богов, что танцуют в раю. И он стоял один в море бескрайней бесконечности перед чудовищным цветком, который манил большими гипнотическими лепестками, раскинувшимися перед его ошеломленными глазами, и шептал ему свое повеление. В своем видении он посмотрел вниз, туда, где на боку висел кинжал в украшенных драгоценными камнями ножнах.

И к нему пришел внезапный проблеск понима-

ния. Перед ним был Черный Лотос, символ зла, что поджидает людей во сне. Он наложил на него чары, которые манили его к смерти. Теперь он знал путь искупления прошлого и освобождения от этих чар — он должен ударить!

Но едва он двинулся, огромный цветок опустил один бархатистый лепесток, источающий аромат, что разносится ветром от небесных врат: и этот черный лепесток обвился вокруг его шеи, как отвратительный и прекрасный змей, и его суккубоподобные объятия стремились утопить его чувства в море ароматного блаженства.

Но Генгир не испытал разочарования. Притягательная сила наслаждения словно околдовала его, но онемевший мозг продолжал руководить его действиями. Он вынул серебряный кинжал из ножен и одним ударом срезал лепесток со своей шеи…

Тогда Генгир увидел, что цветы и лепестки исчезли, и он остался один во вселенной насмешливого смеха, в тусклом мире, в котором царило злобное веселье идиотских богов. На мгновение он проснулся, чтобы увидеть рубиновое ожерелье, окружающее его обнаженное горло; с невероятным ужасом он осознал, что во сне сам перерезал себе горло. Затем, освещенный

лунным светом, он умер, и в пустынной комнате наступила тишина, в то время как из мертвого горла Генгира-сновидца маленькие капли крови стекали на открытую страницу таинственной книги, где была написана странная фраза удивительным образом подчеркнутыми буквами:

«Третий сон приносит реальность».

И больше ничего не осталось, кроме всепроникающего аромата цветов лотоса, заполнивших ночную комнату.

Перевод: Р. Дремичев
2019

Август Дерлет и Марк Шорер
ЛОГОВО ЗВЁЗДНОГО ОТРОДЬЯ

Август Дерлет и Марк Шорер. «The Lair of the Star-Spawn», 1932. Рассказ из цикла «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

Источник текста: сборник «Tales of the Lovecraft Mythos» (1992).

(Необычный документ, впервые опубликованный ниже, был найден среди личных бумаг покойного Эрика Марша, что весьма неожиданно умер после своего возвращения из той загадочной экспедиции в Бирму почти три десятилетия назад. Он единственный, кто вернулся из неё живым.)

1

Если когда-нибудь найдётся человек, которого заинтересует это моё первое и единственное сочинение, посвящённое событию, лишившему меня всякой надежды на безопасность в этом мире, я попрошу его только прочитать то, что я написал, а затем, если он не поверит, пусть отправится сам в тот гористый район Бирмы, в самые потаённые её места. Пусть читатель сам увидит развалины города из зелёного камня в центре Озера Ужаса на давно потерянном Плато Сунг. Если и это не удовлетворит читателя, пусть он отправится в деревню Бангка в провинции Шан-си и спросит философа и учёного, доктора Фо-Лана, когда-то прославившегося среди учёных всего мира и теперь потерянного для них по его собственному желанию. Доктор Фо-Лан может рассказать то, что не могу я. Ибо я пишу это в надежде забыть; я хочу навсегда избавиться от того, что записываю в этом документе.

В памяти моего поколения останется факт, что Экспедиция Хокса отправилась к малоизученным тайным цитаделям Бирмы. Не прошло и трёх месяцев после отъезда экспедиции из

Нью-Йорка, как во всех газетах мира появилось объявление о её трагическом конце. В архивах любой газеты можно найти рассказ о том, как на экспедицию напали, очевидно, бандиты, и они убили всех людей до последнего, безжалостно и жестоко, вещи разграбили, а тела бросили под горячими, непреклонными лучами бирманского солнца. В большинстве хроник упоминались две дополнительные детали: первая рассказывает об обнаружении тела местного проводника примерно в миле или более от места страшного побоища, а вторая — о бесследном исчезновении Эрика Марша, ученика и помощника Джеффри Хокса, знаменитого исследователя и учёного, потерявшего свою жизнь в неудачной бирманской экспедиции.

Я — Эрик Марш. Моё возвращение зафиксировали почти месяц спустя, оно не стало особо сенсационным, за что я благодарен журналистам. И всё жё, хотя в этих газетах и говорится о том, каким образом я снова нашёл дорогу к цивилизации, они слегка смеются надо мной, когда указывают, что я ничего им не рассказал, и чуть меньше выражают соболезнование мне, когда говорят, что я тронулся умом. Возможно, мой разум пострадал; я больше не могу судить об этом.

Именно событиям того периода между убийственным нападением на Экспедицию Хокса и моим собственным возвращением в знакомый мир посвящён этот документ. В качестве вступления я должен кое-что сказать. Для очень любопытных есть периодические отчёты в газетах, их легко найти. Позвольте мне только объяснить с самого начала, что напавшие на нас не являлись бандитами. Наоборот, это были полчища низкорослых людей, самый высокий из них был ростом не более чем метр двадцать. Они имели необычайно маленькие глаза, глубоко посаженные в куполообразные, безволосые головы. Эти странные карлики напали на нашу группу, зарубив людей и животных своими яркими мечами быстрее чем наши смогли достать оружие.

* * *

Сам я уцелел лишь по чистой случайности. Мой начальник Хокс каким-то образом потерял футляр с компасами, который он всегда носил с собой. В то утро мы находились в пути не более двух часов, и он знал, что футляр висел у него на поясе, когда мы покинули лагерь. Кто-то должен был вернуться, потому что компасы в походе — насущная необходимость. Мы надеялись, что

один из нескольких туземцев, сопровождавших нас, быстро вернётся по следу, но, к нашему удивлению, каждый из них отказывался идти за компасами в одиночку. Странное беспокойство царило среди них в течение всего последнего дня, как раз с тех пор, как мы приблизились к цепи высоких холмов, где лежало так называемое затерянное Плато Сунг. Правда, ещё до того, как мы покинули провинцию Хо-Нан, до нас дошли таинственные легенды о необычной расе маленьких людей, которым туземцы дали странное название «Чо-Чо». Они якобы живут неподалёку или непосредственно на Плато Сунг. В самом деле, мы намеревались по возможности проверить эти легенды, несмотря на скрытность и очевидный страх туземцев. Они смотрели на затерянное плато как на место, где обитает зло.

Раздражённый этой задержкой, и всё же желающий настойчиво продвигаться вперёд, Хокс был не в восторге от плана, что мы должны вернуться все вместе, в итоге я вызвался съездить сам, пока остальная группа будет идти медленнее, ожидая меня. Я обнаружил футляр с компасами прямо посреди тропы всего лишь в пяти милях от группы, затем развернул лошадь и помчался назад. Когда до Экспедиции Хокса оставалось

около мили, я услышал их крики и несколько выстрелов. В тот момент невысокая насыпь с низкими кустами не позволяла мне увидеть, что происходит. Я остановил лошадь, спрыгнул на землю, медленно пополз вверх по склону и посмотрел на равнину. Там происходила резня. В бинокль я видел, что количество нападавших как минимум в четыре раза превышало людей Хокса. У карликов имелось большое преимущество, так как они, очевидно, атаковали отряд как раз в тот момент, когда он входил в ущелье у подножия высоких холмов. Я сразу понял, что ничем не могу помочь. Поэтому я прятался до тех пор, пока странные человечки не скрылись из виду, а затем осторожно поехал к месту бойни.

Я нашёл там только трупы; никого из живых не осталось, даже лошадей. Затем я обнаружил, что все наши вещи разграблены, но, к счастью для меня, мародёры не взяли ни продукты, ни воду, удовлетворившись, как ни странно, только нашими картами и инструментами. Таким образом, я не нашёл даже лопаты, чтобы похоронить своих спутников.

Мне ничего не оставалось, как вернуться к цивилизации; я не мог продолжать экспедицию в одиночестве. Поэтому я взял столько фляг с

водой и пакетов с едой, сколько смог нагрузить на лошадь, и отправился в путь.

У меня имелось два варианта: либо вернуться той же тропой, по которой мы дошли досюда, и тем самым рисковать своей жизнью в долгом путешествии по необитаемым землям, либо пройти вперёд, пересечь плато и высокие холмы, ибо я знал, что обитаемая земля лежит прямо за хребтом передо мной. Расстояние до хребта составляло менее половины пути, что мне пришлось бы преодолеть, если бы я проследовал обратно по маршруту нашего отряда. Тем не менее, это была неизвестная мне местность, и существовала опасность снова встретиться с маленькими людьми, беспощадность которых я уже видел. Решающим фактором для меня стала всё ещё цветущая надежда, что я случайно наткнусь на развалины забытого города Алаозара. Существующие сотню лет легенды о нём вели как раз к этому плато передо мной. Поэтому я направился вперёд.

Я не успел отъехать далеко, следуя, насколько мог, направлению, указанному компасом, как услышал тихий голос, доносящийся откуда-то слева от меня. Я остановил лошадь и прислушался. Звук раздался снова, это были наполовину слова,

наполовину стон. Спешившись, я подошёл к тому месту и увидел туземца, о котором в журналах говорится, что он смог выбраться с поля боя. Он был тяжело ранен в живот тем же лезвием, что убил моих спутников, и пребывал, очевидно, на грани смерти. Я опустился на колени рядом с ним и поднял его измученное тело на руки.

В его глазах вспыхнуло узнавание, и он посмотрел мне в лицо, пока память возвращалась к нему. Вдруг невыразимый ужас исказил черты туземца.

— Чо-Чо, — пробормотал он. — Маленькие человечки… из Озера Ужаса… города-крепости.

Я почувствовал, как его тело обмякло в моих руках, и, посмотрев на его лицо, пришёл к выводу, что он мёртв. Я ощупал его запястье, пульс отсутствовал. Аккуратно уложив туземца на землю, я отошёл от него. Когда я двинулся обратно к лошади по низкому подлеску, голос, намного слабее первого, заставил меня резко обернуться. Туземец всё ещё лежал на земле, но его голова чуть приподнялась, должно быть благодаря огромному усилию, и одна его рука слабо махнула в направлении холмов впереди меня.

— Не туда! — Прохрипел туземец. — Не… в… холмы.

Затем его голова откинулась обратно, тело вздрогнуло и замерло.

На мгновение я пришёл в замешательство, но я не мог позволить себе тратить время на обдумывание его предупреждений. Я поехал дальше, весь день взбираясь по крутому склону, через почти непроходимые ущелья и отвесные стены. Случайные деревья, низкие, чахлые растения, жёсткий кустарник и пустоши совсем не мешали моему продвижению.

Когда я достиг вершины хребта, солнце уже садилось. Глядя на красное пламя, что подкрашивало пустынное пространство передо мной, на однообразную, необитаемую пустыню неведомой Бирмы, я думал о судьбе своих товарищей и о своём собственном положении. Моё горе смешалось со страхом надвигающейся ночи. Но вдруг я вздрогнул. Не солнце ли на моих глазах создало то странное зрелище, что возникло в пустыне далеко впереди, на Плато Сунг? Но по мере того, как я продолжал смотреть вдаль, движущийся красный свет перед моими глазами тускнел, и я понял, что увиденная мной картина — не иллюзия, не призрак. Далеко за плато, на самом краю которого я стоял, росла роща высоких деревьев, а за деревьями, прямо посередине, я увидел стены

и парапеты города, красные в свете умирающего солнца. Город одиноко возвышался на плато, подобно единственному памятнику на кладбище. Я едва осмеливался поверить в то, что подсказывал мне мой разум, но выбора не было — передо мной лежал давно потерянный город Алаозар, заброшенный мёртвый город, который веками фигурировал в сказках и легендах испуганных туземцев!

Находился ли город на острове и был ли он окружён водой — Озером Ужаса — как и полагали местные жители, я не мог сказать, поскольку город находился как минимум в пяти милях отсюда, в месте, которое, по моим оценкам, должно являться центром Плато Сунг. Утром я отправлюсь туда один, войду в город, что покинут людьми столетия назад. Солнце бросало последние длинные лучи на пустынное пространство, пока я смотрел на легендарный город Бирмы, а тени сумерек ползли по плато. Город исчез из виду.

Я стреножил свою лошадь на ближайшем участке земли, где росла красновато-коричневая трава, дал ей столько воды, сколько смог, и приготовился к ночёвке. Я не долго сидел у костра, потому что устал после долгого восхождения, а сон мог стереть или сделать менее реальными

мои воспоминания о погибших друзьях и навязчивый страх перед опасностью. Но когда я прилёг под звёздным небом, мне снились не те, кто умер, а другие — те, что ушли из Алаозара, заброшенного и безвестного города.

Не могу сказать, как долго я спал. Я проснулся внезапно, почти сразу же насторожившись, чувствуя, что я больше не один. Лошадь издавала странное ржание. Затем, когда мои глаза привыкли к звёздной тьме, я увидел нечто, что заставило все мои чувства собраться воедино. Далеко впереди меня на фоне неба я увидел слабую белую линию, похожую на пламя; колыхаясь, она двигалась вверх, в небо, к далёким звездам, словно живое существо или электрический разряд. И это явление пришло откуда-то с плато. Я резко привстал. Белая линия шла от земли вдали от меня, в том месте, где я видел город среди деревьев, или рядом с ним.

Затем, пока я смотрел, что-то отвлекло моё внимание от необычной картины. Движущаяся тень пересекла моё поле зрения и на мгновение заслонила колеблющуюся линию света. В то же мгновение моя лошадь внезапно дико вздрогнула и отшатнулась, разрывая верёвку, что удерживала её. Кто-то появился рядом со мной — человек

или животное, я не смог определить.

Едва я начал подниматься на ноги, как что-то ударило меня по затылку. Последнее, что я едва успел осознать — вокруг меня внезапно раздался топот множества маленьких ножек, и они приближались ко мне. Затем я погрузился во тьму.

2

Я проснулся в постели.

Когда я в последний раз ложился спать на плато Сунг, я знал, что отдалился на целый день пути даже от самых грубых туземных циновок; однако я проснулся именно в постели и интуитивно понял, что прошло сравнительно мало времени после того таинственного нападения на меня.

Некоторое время я лежал совершенно неподвижно, не зная, какая опасность может прятаться рядом. Затем я попытался двигаться. Острая боль в голове всё ещё продолжалась. Я поднял руку, чтобы ощупать рану, которая должна была находиться на затылке — и наткнулся на повязку! Трогая её пальцами, я понял, что это не только искусная повязка, но и тщательно выполненная работа. И всё же я не мог вырваться из тайных крепостей Бирмы за такое короткое время, не мог быть перенесён в цивилизацию!

Но мои размышления прервались, потому что дверь внезапно открылась, и в комнату вошёл свет. Я говорю «вошёл свет», потому что именно такое впечатление у меня сложилось. Это была обычная лампа, и она, казалось, плыла без помо-

щи человека. Но когда свет приблизился ко мне, я увидел, что его держал очень маленький человек, наверняка из той же компании, что совсем недавно убила людей и животных Экспедиции Хокса! Это существо торжественно подошло ко мне и поставило лампу, излучавшую странный зелёный свет, на каменный стол возле моей постели. Потом я увидел что-то ещё.

В изумлении от света я не заметил человека, который шёл позади существа, несущего лампу. Теперь, когда коротышка вдруг поклонился ему и поспешил прочь, закрыв за собой дверь, я увидел того, кто по сравнению с моим первым посетителем казался мне великаном, хотя на самом деле этот был мужчина ростом чуть выше ста восьмидесяти сантиметров.

Он встал рядом с моей постелью и посмотрел на меня сверху вниз в свете зелёной лампы. Это был китаец, уже давно перешагнувший средний возраст. Его бело-зелёное лицо словно выпрыгивало из чёрной мантии, а белые руки с длинными тонкими пальцами, казалось, висели в чёрном пространстве. На голове у него была чёрная шапочка, из-под которой торчали редкие белые волосы.

Несколько мгновений он стоял, молча глядя на

меня. Затем он заговорил и, к моему удивлению, обратился ко мне на безупречном английском языке.

— Как вы себя чувствуете, Эрик Марш?

Голос был мягкий, весёлый, приятный. Этот китаец, как я почувствовал, был доктором; я посмотрел на него более пристально, пытаясь привлечь его ближе. В его лице я заметил что-то тревожно знакомое.

— Я чувствую себя лучше, — сказал я. — Всё еще немного болит.

Человек никак это не прокомментировал, и я продолжил, после небольшой паузы:

— Можете ли вы сказать мне, где я? Откуда вы знаете моё имя?

Странный посетитель задумчиво закрыл глаза; затем снова раздался его мягкий голос:

— Ваш багаж здесь; с его помощью мы установили вашу личность. — Он сделал паузу. — Что касается того, где вы находитесь, то, возможно, если я скажу вам, то вы не поймёте. Вы находитесь в городе Алаозар на плато Сунг.

Да, именно этого ответа я и ожидал. Я находился в затерянном городе, и он не остался без жителей. Возможно, мне следовало догадаться, что странные маленькие люди пришли из этого

молчаливого города. Я ответил: «Знаю». Внезапно, когда я взглянул на бесстрастное лицо над собой, ко мне вернулось воспоминание.

— Доктор, — сказал я, — вы напоминаете мне одного покойника.

Его глаза любезно смотрели на меня; затем он отвернулся, мечтательно закрыв их.

— Я и не надеялся, что кто-нибудь вспомнит, — пробормотал китаец. — И всё же… кого я вам напоминаю, Эрик Марш?

— Доктора Фо-Лана, который был убит в своём доме в Пайпинге несколько лет назад.

Китаец почти незаметно кивнул.

— Доктор Фо-Лан не был убит, Эрик Марш. Его брат остался там вместо него, но его похитили и забрали из этого мира. Я — Доктор Фо-Лан.

— Эти маленькие люди, — прошептал я. — Это они забрали вас?

На мгновение мне показалось, что он стоит среди них.

— Значит вы не их лидер?

На губах Фо-Лана мелькнула улыбка.

— Лидер, — повторил он. — Нет, я их слуга. Я помогаю людям Чо-Чо в исполнении одного из самых дьявольских замыслов, когда-либо разработанных на Земле!

Изумлённые вопросы, сорвавшиеся с моих губ, были внезапно прерваны тихим звуком открывшейся двери и появлением двух Чо-Чо. В тот же момент доктор Фо-Лан сказал, словно ничего не произошло:

— Вы будете отдыхать до вечера. Затем мы будем гулять по Алаозару; мы всё устроили для вас.

Один из маленьких людей заговорил на языке, которого я не понимал; однако я уловил имя «Фо-Лан». Доктор без лишних слов обернулся и вышел из комнаты, а двое людей Чо-Чо последовали за ним.

Вскоре дверь снова открылась, и мне принесли еду и питьё. С того времени, пока Фо-Лан не вернулся в сумерках, меня больше не беспокоили.

* * *

Последующая короткая прогулка по улицам Алаозара очаровала меня. Сначала Фо-Лан привел меня в своё жилище, что находилось недалеко от больничной комнаты, в которой я провёл весь день. Он позволил мне посмотреть на город и плато за ним. Я сразу увидел, что город-крепость действительно находился на острове посреди озера. Над его поверхностью двигались тяжёлые туманы, присутствующие, как мне сообщили, це-

лый день, несмотря на палящее солнце. Вода там, где её можно было увидеть сквозь туман, выглядела зеленовато-чёрной, того же странного цвета древней каменной кладки, что и город Алаозар.

Фо-Лан, стоя рядом со мной, пояснил:

— Не без основания древние легенды Китая говорят о давно потерянном городе на Острове Звёзд в Озере Ужаса.

— Почему они называют это Островом Звёзд? — спросил я, с любопытством глядя на Фо-Лана.

Выражение лица доктора было непроницаемым. Он призадумался, прежде чем ответить, но, наконец, заговорил:

— Потому что задолго до появления человечества здесь жили странные существа с Ригеля, Бетельгейзе — звёзд из Ориона. И некоторые из них всё ещё живут здесь!

Я был в замешательстве от интенсивности его голоса и ничего не понял.

— Что вы имеете в виду? — Поинтересовался я.

Китаец сделал неопределённый жест руками и движением глаз попросил меня быть осторожным.

— Вас спасли от смерти только для того, чтобы вы могли мне помочь, — сказал Фо-Лан. — И я уже много лет помогаю этим маленьким людям,

направляя их в глубокие и неизвестные пещеры под Озером Ужаса и окружающим нас Плато Сунг, где Ллойгор и Жар, древние тёмные боги и их приспешники ждут того дня, когда они снова смогут пронестись по земле, неся смерть и разрушение, и невероятное вековое зло!

Я вздрогнул и, несмотря на чудовищные и невероятные последствия, почувствовал правду в удивительном заявлении Фо-Лана. И всё же я сказал:

— Вы говорите не как учёный, доктор.

Китаец коротко и хрипло рассмеялся.

— Нет, — ответил он, — не такой учёный, как вы представляете. Но то, что я знал до того, как попал в это место, ничтожно по сравнению с тем, что я узнал здесь. А наука, которую люди во внешнем мире знают и поныне, есть ни что иное, как детская игра ума. Не приходило ли вам иногда в голову, что, в конце концов, мы можем быть игрушками разума, столь огромного, что мы не в состоянии постичь его?

Фо-Лан сделал лёгкий жест раздражения и движением руки подавил протест, готовый сорваться с моих губ. Затем мы начали спускаться на улицу. Только оказавшись снаружи, на узких улочках, едва ли достаточно широких для

четырёх человек, идущих в ряд, я понял, что жилище Фо-Лана находится в самой высокой башне Алаозара, по сравнению с которой другие башни выглядели очень маленькими. Высотных зданий было мало, большинство же домов низко пригибались к земле. Город оказался очень маленьким и занимал большую часть острова, за исключением очень незначительного краешка земли за древними стенами. Там росли деревья, которые я видел на закате днём ранее. Теперь я заметил, что эти деревья отличались от любых других деревьев, что я когда-либо видел; они имели странную, красновато-зелёную листву и зелёно-чёрные стволы. Свистящий шёпот их любопытных листьев сопровождал нас во время короткой прогулки, и только когда мы снова оказались в жилище Фо-Лана, я вспомнил, что никакого ветра не было, но листья всё время двигались! Кроме того, я обратил внимание на малочисленность народа Чо-Чо.

— Их не так много, — объяснил Фо-Лан, — но они по-своему сильны. Однако есть любопытные упущения в их интеллекте. Вчера, например, после того, как они выследили ваш отряд с вершины этой башни и уничтожили его, они вернулись с двумя убитыми; те были застрелены. Люди Чо-Чо

не могли поверить в то, что их товарищи мертвы, поскольку они не могут представить себе такое оружие, как пистолет. В основе своей они очень простые люди, и всё же злонамеренные по своей природе, поскольку знают, что работают на уничтожение всего хорошего, что есть в мире.

— Не совсем понимаю, — сказал я.

— Я чувствую, что вы не верите в эту чудовищную басню, — ответил Фолан. — Как бы это вам объяснить? Вы связаны давно установленными условностями. И всё же я попытаюсь. Возможно, вы хотите думать, что всё это — легенда, но я дам вам осязаемое доказательство того, что здесь есть нечто большее, чем легенда.

Много веков назад на Земле жила странная раса древних существ; они пришли с Ригеля и Бетельгейзе, чтобы поселиться здесь и на других планетах. Но за ними последовали те, кто являлись их рабами на звёздах, те, кто противостоял Старшим Богам — злые последователи Ктулху, Хастура Невыразимого, Ллойгора и Жара, двойные Непристойности и другие. Великие Древние сражались с этими злобными существами за обладание Землёй, и спустя много веков они победили. Хастур бежал в открытый космос, но Ктулху был изгнан в затерянное морское царство

Р'льех, в то время как Ллойгор и Жар были заживо погребены глубоко во внутренних твердынях Азии — под проклятым Плато Сунг!

Затем Древние, Старшие Боги вернулись на звёзды Ориона, оставив позади проклятых Ктулху, Ллойгора, Жара и других. Но злые существа оставили свои семена на плато, на острове посреди Озера Ужаса, в котором они должны были остаться по воле Старших Богов. И вот из этих семян вырос народ Чо-Чо, отродье древнего зла, и теперь эти люди ждут того дня, когда Ллойгор и Жар восстанут и пронесутся по всей Земле!

Мне пришлось собрать воедино всё своё самообладание, чтобы не закричать вслух. После некоторого колебания я заставил себя произнести как можно спокойнее:

— То, что вы сказали мне, невозможно, Фо-Лан.

Китаец устало улыбнулся. Он подошёл ближе ко мне, нежно положил свою руку на мою и сказал:

— Неужели вас никогда не учили, Эрик Марш, что не существует человека, который мог бы сказать, что возможно, а что нет? То, что я сказал вам, — правда; это невозможно только потому, что вы не способны мыслить о Земле иначе, как в терминах, разработанных той слабой наукой, которую знает внешний мир.

Я почувствовал упрёк.

— И я должен помочь вам пробудить этих мёртвых существ, проникнуть в подземные пещеры под Алаозаром и поднять наверх созданий, которые лежат там, чтобы уничтожить Землю? — спросил я недоверчиво.

Фо-Лан бесстрастно посмотрел на меня. Затем он понизил голос до шёпота:

— Да… и нет. Люди Чо-Чо верят, что вы поможете мне пробудить их, и поэтому они должны продолжать верить; но вы, Эрик Марш, и я… вы и я уничтожим тех тварей внизу!

Я был сбит с толку. На мгновение мне показалось, что мой собеседник сошел с ума.

— Нас двое… против множества тварей и людей Чо-Чо — и наше единственное оружие — мой пистолет, который ещё неизвестно где?

Фо-Лан покачал головой.

— Вы забегаете вперёд. Мы с вами будем лишь инструментами; через нас всё, что внизу, умрёт.

— Вы говорите загадками, доктор, — сказал я.

— Каждую ночь в течение многих месяцев я пытался призвать помощь силой своего разума, пытался дотянуться через космос до тех, кто только и может нам помочь в будущей титанической борьбе. Прошлой ночью я нашёл способ, и скоро

я сам пойду и потребую помощи, в которой мы нуждаемся.

— Я всё ещё не понимаю, — пожаловался я.

Фо-Лан на мгновение закрыл глаза. Затем он сказал:

— Вы не хотите меня понимать или боитесь. Я предлагаю телепатически призвать на помощь тех, кто первыми сражались с тварями, заключёнными под нашими ногами.

— Доказательств телепатии не существует, доктор.

Глупо было так говорить, на что Фо-Лан тут же мне указал. Он улыбнулся, немного пренебрежительно.

— Попробуйте сбросить оковы, Эрик Марш. Вы приходите в место, о существовании которого даже не подозревали, и видите вещи, которые для вас невозможны; и всё же вы пытаетесь отрицать нечто столь близкое и мыслимое, как телепатия.

— Извините, — сказал я. — Боюсь, я мало чем смогу помочь вам. Как я могу вам помочь? И что вы собираетесь делать дальше?

— Вы должны присматривать за моим телом, когда мой дух выйдет из него, чтобы обратиться за помощью к тем, кто наверху.

До меня смутно начал доходить замысел ки-

тайца.

— Прошлой ночью, — пробормотал я, — там, на плато, я видел белую линию, колеблющуюся в небе.

Фо-Лан кивнул.

— Это был путь, — объяснил он, — который я сделал видимым силой своего намерения. Скоро я отправлюсь по нему.

Я нетерпеливо наклонился вперёд, желая задать китайцу несколько вопросов. Но Фо-Лан поднял руку, призывая к тишине.

— Вы ничего не слышали, Эрик Марш? — спросил он. — Всё это время оно росло.

В тот момент, когда Фо-Лан упомянул об этом, я осознал, что слышал что-то с тех пор, как мы вернулись в жилище доктора. Это было низкое жужжание, тревожный звук, похожий на пение, которое, казалось, поднималось откуда-то снизу, и все жё создавалось ощущение, что оно одинаково доносится со всех сторон. И в то же время я чувствовал явное изменение атмосферы, чего Фо-Лан, возможно, не замечал, поскольку он жил здесь на протяжении многих лет. Это было нарастающее напряжение, давящее, лихорадочное напряжение в холодном ночном воздухе.

Медленно во мне росло чувство великого

страха; я ощущал, что сам воздух был отравлен космическим злом.

— Что это? — прохрипел я.

Фо-Лан не ответил. Казалось, он внимательно прислушивается к напеву или гудению, доносящемуся снизу, и улыбается. Затем он загадочно посмотрел на меня и резко шагнул к внешней стене. Там он с силой потянул за один из древних камней, и через мгновение большая часть стены медленно повернулась внутрь, открывая тёмный тайный проход, ведущий вниз. Фо-Лан быстро подошел ко мне, взял одну из маленьких зеленых лампочек, с которыми я когда-то соприкасался, и зажёг ее. Он сказал мне:

— В последние годы я не сидел сложа руки. Я сам сделал этот проход, и только я знаю о нём. Пойдем, Эрик Марш, я покажу вам то, о чём не подозревает ни один Чо-Чо, вы увидите то, что поможет вам избавиться от сомнений и поверить.

* * *

Лестница, по которой я спускался уже через несколько мгновений, вела вниз, вдоль круглой стены шахты, пронзавшей землю. Мы спускались всё ниже и ниже, ощупывая руками стены по обе стороны от себя. Фо-Лан нёс в одной руке лампу,

и её зеленоватое сияние служило освещением в нашем опасном путешествии, потому что ступеньки были неровными и крутыми. Пока мы спускались, звук снизу становился заметно громче. Теперь жужжащий звук часто прерывался другим, звуком множества голосов, бормочущих на каком-то давно забытом языке.

Затем Фо-Лан внезапно остановился. Он передал мне лампу и, предупредив, чтобы я молчал, обратил своё внимание на стену перед собой. Подняв лампу над головой, я увидел, что каменные ступени не уходят дальше, что мы находимся в полуметре от каменной кладки. Внезапно Фо-Лан потянулся назад и погасил свет, и в то же время я почувствовал, что перед нами открылось отверстие в стене, где Фо-Лан отодвинул в сторону старый камень.

— Взгляните туда, осторожно, — прошептал он. Затем китаец отступил в сторону, и я посмотрел вниз.

Я увидел гигантскую пещеру, освещённую огромной зелёной лампой, которая, казалось, висела в воздухе. Там же имелось не менее сотни других ламп, поменьше. Первым, что бросилось мне в глаза, была орда людей Чо-Чо, распростёршихся на полу; именно от них исходил тихий

шёпот. Затем я рассмотрел среди них фигуру, стоящую прямо. Я подумал, что это — человек Чо-Чо, немного выше остальных, обезображенный горбом на спине и невероятно старый. Он медленно шёл вперёд, опираясь на кривую чёрную палку. Позади меня Фо-Лан, заметив направление моего взгляда, пробормотал:

— Это Э-по, лидер народа Чо-Чо; ему семь тысяч лет!

Я не мог не обернуться в крайнем изумлении. Фо-Лан двинулся вперёд.

— Вы ещё не увидели того, что нужно. Посмотрите за них, за Э-по, в полутьме впереди, но не кричите.

Мой взгляд скользнул по этим распростёртым фигурам, миновал Э-по и начал исследовать тьму в глубине пещеры. Должно быть, я несколько мгновений смотрел на существо, которое там скорчилось, прежде чем понял, что оно очень большое. Я не решаюсь написать о нём, потому что не могу никого винить за то, что мне не верят. И всё же оно присутствовало там. Я увидел его первым, потому что мой взгляд остановился на зелёном блеске его глаз. Затем, внезапно, я увидел его полностью. Я благодарю судьбу за то, что свет был слабым, что я смог разглядеть только смут-

ные очертания того существа, и сожалею только о том, что моё врожденное сомнение помешало мне поверить в странную легенду, рассказанную Фо-Ланом. Соответственно, шок от увиденного стал острее.

Ибо тварь, скорчившаяся в жутком зелёном сумраке, была живой массой содрогающегося ужаса, страшной горой чувственной, трепещущей плоти, чьи щупальца, раскинувшиеся далеко в тёмные глубины подземной пещеры, издавали странный гудящий звук, в то время как из глубин тела этого существа доносился странный и ужасающий вой. Затем я снова упал в объятия Фо-Лана. Мой рот открылся, чтобы закричать, но я почувствовал, как крепкая рука доктора накрыла мои губы, и я услышал его голос как будто с большого расстояния.

— Это Ллойгор!

3

История Фо-Лана оказалась истиной!

Внезапно я оказался в жилище китайца. Знаю, что я, должно быть, поднимался по длинным извилистым ступеням, но не помню, как это происходило, потому что беспокойные мысли и ужасное воспоминание о том, что я увидел, заставили меня забыть обо всём, что я делал.

Фо-Лан быстро отошёл от стены и встал передо мной, его лицо выражало триумф в свете зеленых ламп:

— В течение трёх лет я помогал им проникнуть под землю, в пещеры внизу, помогал им в их зловещей цели; теперь я уничтожу их и отомщу за своего погибшего брата!

Он говорил с такой силой, какой я и не ожидал в нём увидеть.

Китаец не ждал от меня никаких комментариев. Пройдя мимо меня, он поставил лампу на маленький столик возле двери. Затем он направился в спальню и зажёг другую лампу; я увидел её зелёный свет на стене, когда он снова вернулся в комнату, где я стоял.

— Разум всесилен, — заявил Фо-Лан, остано-

вившись передо мной. — Разум — это всё, Эрик Марш. Сегодня вечером вы увидели то, о чем не решались говорить, ещё до того, как увидели то, что находилось в пещере внизу, — Ллойгора. Вы видели, как листья шевелятся на деревьях — их двигает сила злобных разумов далеко внизу, глубоко под землёй. Это живое доказательство существования Ллойгора и Жара.

Э-по обладает разумом великой силы, но знания, которыми обладаю я, наделяют меня большей силой, несмотря на огромный возраст этого человека. Долгие часы я пытался проникнуть в космическое пространство, и мой разум стал таким мощным, что даже вы смогли увидеть мысленную нить, которая рвалась вверх от Алаозара прошлой ночью! И разум, Эрик Марш, существует независимо от тела. Я больше не буду ждать. Сегодня вечером я выйду, сейчас, пока идёт поклонение. И вы должны следить за моим телом.

Каким бы грандиозным ни был его план, мне оставалось только верить. То, что я увидел за короткое время моего пребывания в этом городе, было невероятно, невозможно, но всё же существовало!

Фо-Лан продолжал:

— Моё тело будет покоиться на кровати в соседней комнате, но мой разум отправится туда, куда я захочу, со скоростью, не сравнимой ни с чем, что мы знаем. Я буду думать о Ригеле, и я окажусь там. Вы должны следить за тем, чтобы никто не мешал моему телу, пока я буду занят. Это не надолго.

Фо-Лан вытащил из своего просторного халата маленький пистолет, в котором я сразу же узнал свой, до своего пленения я носил его в своей сумке.

— Вы убьёте любого, кто попытается войти, Эрик Марш.

Призывая меня следовать за ним, Фо-Лан направился в свою комнату и, несмотря на мой слабый протест, растянулся на кровати. Почти сразу же его тело стало жёстким, и в то же время я увидел серый контур Фо-Лана, стоявший передо мной, с улыбкой на тонких губах, его глаза были направлены вверх. Потом он ушёл, а я остался наедине с его телом.

* * *

Более часа я сидел в жилище Фо-Лана, мой ужас усиливался с каждой секундой. Только в этот час я мог мысленно приблизиться к тому ужасу, с

которым столкнётся мир, если Фо-Лан потерпит неудачу в своих дерзких поисках. Один раз, пока я сидел там, за дверью послышались торопливые шаги; после чего, к моему невыразимому облегчению, они прошли мимо. К концу моей вахты пение снизу внезапно прекратилось, и я услышал шум движения по всему городу; всё указывало на то, что богослужение закончилось. Затем я в первый раз вышел из комнаты, чтобы занять свое место у внешней двери, где я встал с пистолетом в руке, ожидая, что меня прервут, как подсказывал мне мой испуганный разум.

Но у меня так и не возникло повода использовать оружие, потому что внезапно я услышал звук ног позади себя. Я обернулся и увидел Фо-Лана! Он вернулся. Китаец тихо стоял, прислушиваясь; затем он кивнул самому себе и сказал:

— Мы должны покинуть Алаозар, Эрик Марш. В одиночку мы не можем этого сделать, и у нас мало времени. Мы должны увидеть Э-по и получить его разрешение на выход за пределы Плато Сунг.

Фо-Лан двинулся вперёд и потянул за длинную верёвку, висевшую у стены практически рядом со мной. Откуда-то снизу донёсся резкий удар гонга. Фо-Лан ещё раз потянул за верёвку, и снова прозвучал гонг.

— Я передаю Э-по, что хочу поговорить с ним о срочном деле относительно тех существ внизу.

— А что насчёт вашего путешествия? — Поинтересовался я. — Оно было успешным?

Китаец криво улыбнулся.

— Оно будет успешным, только если я смогу убедить Э-по открыть дорогу для Ллойгора и Жара сегодня вечером — сейчас! Путь должен быть открыт, иначе даже Звёздные Воины не смогут проникнуть на Землю.

Топот бегущих ног в коридоре прервал мои вопросы. Дверь открылась внутрь, и на пороге я увидел двух Чо-Чо, одетых в длинные зелёные мантии. Их лбы украшали странные пятиконечные звёзды. Они полностью игнорировали меня, обращаясь к Фо-Лану. Последовал быстрый разговор на их странном языке, и через мгновение оба маленьких человека повернулись, чтобы идти впереди.

Фо-Лан двинулся за карликами, указывая мне следовать за ним.

— Их прислал Э-по, — прошептал он. Затем он добавил тихим голосом: — Будьте осторожны и не говорите по-английски в присутствии Э-по, потому что он понимает ваш язык. Кроме того, убедитесь, что пистолет при вас, потому что Э-по

не позволит нам выйти за пределы Алаозара без сопровождения. И тех маленьких людей нам с тобой придётся убить.

Мы быстро прошли по коридору и после долгого спуска оказались на уровне улицы, глубоко в башне. Наконец, мы вошли в помещение, во многом похожее на жилище Фо-Лана, но не такое маленькое и не столь цивилизованное на вид. Там мы столкнулись с Э-по, находившимся в окружении группы маленьких людей, одетых так же, как наши проводники. Фо-Лан низко поклонился, и я сделал то же самое под давлением этих любопытных маленьких глаз, смотрящих на меня.

Э-по сидел на чём-то вроде возвышения, намекая на своё лидерство, но, кроме его преклонного возраста, морщинистого лица, иссохших рук, и раболепной позы людей Чо-Чо вокруг него, я не видел никаких признаков того, что он являлся правителем маленького народа.

— Э-по, — сказал Фо-Лан на английском, видимо для того, чтобы я понимал разговор, — я получил сведения от тех, кто внизу.

Э-по медленно закрыл глаза, говоря странным свистящим голосом:

— И эти сведения… что это, Фо-Лан?

Китаец предпочёл проигнорировать его во-

прос.

— Ллойгор и Жар сами говорили с моим разумом! — Сказал он.

Э-По открыл глаза и недоверчиво посмотрел на доктора.

— Даже со мной Жар никогда не говорил, Фо-Лан. Как могло случиться, что он заговорил с тобой?

— Поскольку я проложил путь, мои руки нащупали внизу Ллойгора и тех, других. Жар более велик чем Ллойгор и старше, и его слово — закон для тех, кто внизу.

— И что Жар сообщил тебе, Фо-Лан?

— Сегодня вечером погребённые желают выйти наружу, и повелевают, чтобы слуги Э-по отправились за пределы Алаозара, за пределы Озера Ужаса, на плато Сунг, и там они должны ждать прихода Древних снизу.

Э-По внимательно посмотрел на Фо-Лана, его недоумение было очевидным.

— Сегодня вечером я долго говорил с Ллойгором; странно, что он ничего не сказал мне об этом плане, Фо-Лан.

Китаец снова поклонился.

— Это потому, что решение принадлежит Жару, и об этом Ллойгор не знал до сих пор.

— И странно, что Древние не обратились ко мне сами.

На мгновение Фо-Лан задумался; затем он ответил:

— Это потому, что Жар хочет, чтобы я вышел за пределы Алаозара и обратился к тем, кто под Сунгом, в то время как Э-по и его люди должны призвать Богов с башен и крыш домов Алаозара. Когда Ллойгор и Жар поднимутся над Озером Ужаса, мы с Эриком Маршем вернёмся в Алаозар, чтобы спланировать для них путь во внешний мир.

Э-по задумался над этим заявлением. Во мне нарастало беспокойство, но, наконец, лидер Чо-Чо объявил:

— Всё будет так, как ты пожелаешь, Фо-Лан, но четверо моих людей должны отправиться с тобой и американцем.

Фо-Лан поклонился.

— Мне приятно, что нас сопровождают ещё четверо. Но нам также необходимо взять с собой провизию и воду, поскольку невозможно определить, сколько часов может понадобиться Древним, чтобы подняться снизу.

Э-по согласился на это без вопросов.

Не прошло и получаса, как мы вшестером

оказались за пределами Острова Звёзд на Озере Ужаса, что окутывал густой туман, издающий странный гнилостный запах. Похожая на баржу лодка, в которой мы плыли, странно напоминала древние римские галеры, но всё же сильно отличалась от них. Люди Чо-Чо гребли по озеру, и через несколько мгновений мы достигли противоположного берега, а затем быстро зашагали по Плато Сунг.

* * *

Не успели мы отойти подальше, как сзади раздался странный свистящий призыв, потом ещё один и ещё, и, наконец, с башен Алаозара до нас донёсся жуткий свист. И внезапно мы услышали ужасающий звук движения под землёй.

— Они открыли огромные пещеры под городом, — пробормотал Фо-Лан, — и они зовут Ллойгора и Жара, и тех, кто под ними.

Затем Фо-Лан быстро огляделся, вычисляя пройдённое нами расстояние, после чего резко повернулся ко мне и прошептал:

— Дайте мне пистолет; из города они не услышат.

Я молча передал доктору оружие и, следуя его знаку, отступил. Резкий звук первого выстрела

разорвал ночь; сразу же за ним последовал второй. Пара наших маленьких компаньонов упали замертво. Но двое других, увидев, что случилось с их товарищами, и почувствовав свою судьбу, проворно отскочили в сторону, выхватывая обоюдоострые мечи. Затем они вместе метнулись к Фо-Лану. Револьвер снова выстрелил, и один из Чо-Чо рухнул на землю, яростно хватаясь за воздух. Но вот подскочил последний… и револьвер заклинило.

Фо-Лан отскочил в сторону в тот самый миг, когда я набросился на карлика со спины. Сила моей атаки заставила его выронить оружие, которое он держал в руке, и на мгновение я подумал, что его смерть неизбежна. Но я не учёл его силы. Он мгновенно развернулся, застигнув меня врасплох, и с величайшей лёгкостью отшвырнул меня на полтора метра от себя. Но этой короткой паузы оказалось достаточно для Фо-Лана; бросившись вперёд, он схватил меч, что выронил Чо-Чо. Затем, когда маленький человек повернулся, Фо-Лан вонзил оружие в его тело. Карлик мгновенно упал.

Я с трудом поднялся на ноги, весь в синяках от такого сильного удара о землю; я и представить себе не мог, что эти маленькие люди могут быть

такими могучими, несмотря на своевременное предупреждение Фо-Лана. Китаец стоял неподвижно, на его лице играла почти восторженная улыбка. Я посмотрел на него и открыл рот, чтобы заговорить, но тут моё внимание привлекло какое-то движение далеко за его спиной. В то же мгновение Фо-Лан обернулся.

Высоко в небе рос яркий луч света, и он исходил не из Земли! Затем свет стал усиливаться так быстро, что окружающая местность стала выглядеть как днём, и в небе я увидел бесчисленные орды странных, огненных существ, по-видимому, верхом на вьючных созданиях. Всадники в небе странным образом по своему строению напоминали людей, за исключением того, что по бокам у них росли три пары отростков, похожих на руки, но не совсем, и в этих отростках они держали странное трубчатое оружие. Размеры этих существ были чудовищными.

— Боже мой! — Воскликнул я, когда обрёл дар речи. — Что это, Фо-Лан?

Глаза китайца блестели в триумфе.

— Это Звёздные Воины, посланные Древними из Ориона. Там, наверху, они прислушались к моей мольбе, ибо знают, что Ллойгор, Жар и их злобное отродье бессмертны для человека; они

знают, что только древнее оружие Старших Богов может наказывать и уничтожать.

Я снова посмотрел в небо. Светящиеся существа находились теперь гораздо ближе, и я увидел, что твари, на которых они ехали, не имели конечностей — они выглядели словно длинные трубки, заострённые с обоих концов, и двигались, очевидно, только благодаря силе луча света, исходящего от звёзд высоко над нашими головами.

— Завывания из-под земли привели их сюда, и теперь они всех уничтожат!

Голос Фо-Лана внезапно утонул в ужасном грохоте, исходящем от Алаозара. Ибо Звёздные Воины окружили город, и теперь из их трубчатых придатков вырывались огромные лучи уничтожения и смерти! И старая каменная кладка Алаозара стала разваливаться. Затем внезапно Звёздные Воины приземлились, вошли в город и проникли в обширные пещеры под ними.

И тогда произошли две вещи. Всё небо начало мерцать странным фиолетовым светом, и в луче, что спустился сверху, я увидел множество существ, даже более странных, чем Звёздные Воины. Это были огромные извивающиеся столбы света, движущиеся подобно гигантским языкам пламени, окрашенные в пурпурный и белый

цвета, ослепляющие своей интенсивностью. Эти гигантские существа из космоса быстро спускались, кружа над Плато Сунг, и от них к скрытым внизу крепостям устремлялись огромные лучи пронзительного света. И в то же время земля начала дрожать.

Вздрогнув, я протянул руку, чтобы коснуться руки Фо-Лана. Он был совершенно неподвижен, за исключением торжествующей радости от зрелища уничтожения Алаозара.

— Сами Древние пришли! — Закричал он.

Я помню, что хотел что-то сказать, но вдруг увидел один из этих невообразимых столпов света, склонившийся надо мной и Фо-Ланом, и почувствовал, как скользящие щупальца мягко обвились вокруг меня.

Больше написать нечего. Я пришел в себя около Бангки, в нескольких милях от Плато Сунг, и рядом со мной находился Фо-Лан, невредимый и улыбающийся. За одну секунду Древний Бог перенёс нас сюда, чтобы мы не пострадали во время уничтожения тварей под землёй.

4

Заявление Эрика Марша на этом месте внезапно обрывается. Мы не можем сказать, какие выводы следуют из этого. Мистер Марш приложил к своему любопытному сочинению несколько газетных вырезок, датированных десятью днями его пребывания в Бангке, где он, очевидно, останавливался у доктора Фо-Лана перед возвращением в Америку. У нас есть место только для краткого изложения этих вырезок.

Первая была из токийской газеты, в ней сообщалось о странном возвращении доктора Фо-Лана. Другая вырезка из того же номера повествует о любопытном электрическом шторме, который наблюдали в нескольких обсерваториях на Востоке. Казалось, что силы стихий сосредоточились где-то в Бирме. Ещё одна заметка касается привидения (так его назвали), якобы увиденного ночью, когда доктор Фо-Лан и Эрик Марш таинственным образом вернулись в Бангку; это был гигантский движущийся столб света, возвышающийся до самого неба, его видели сорок семь человек в Бангке и окрестностях деревни.

Последняя вырезка была из известной лондон-

ской газеты, напечатанной через десять дней после явления столпа света; это дословный отчёт авиатора, пролетевшего над Бирмой в попытке отследить источник зловонного запаха, который охватил страну, вызывая тошноту в Индии и Китае на сотни миль вокруг. Суть этого отчёта вкратце:

«Запах я проследил до так называемого Плато Сунг, к которому меня привлекло случайное зрелище до сих пор неизвестных руин в его центре. К своему удивлению, я обнаружил, что по какой-то причине земля на плато была изрыта и вывернута на всей площади, за исключением одного места недалеко от глубокой пещеры рядом с руинами, которое свидетельствует о том, что здесь когда-то находилось озеро. На этом месте мне удалось совершить посадку. Я выбрался из самолёта с целью определить, что означают огромные чёрно-зелёные массы гниющей плоти, которые сразу же бросились мне в глаза. Однако их запах заставил меня быстро отступить. Но я знаю одно: останки на плато Сунг принадлежат гигантским животным, по-видимому, бескостным и совершенно неизвестным человеку. И они, должно быть, встретили смерть в битве с жестокими врагами!»

Перевод: А. Черепанов
Март, 2019

Роберт У. Лоундес
БЕЗДНА

Robert W. Lowndes. «The Abyss», 1941.

Мы достали тело Графа Нордена ноябрьской ночью под звездами, которые сияли с ужасающей яркостью, и поехали быстро вдаль по горной дороге. Тело должно быть уничтожено из-за глаз, которые не могли быль закрыты, и казалось, до сих пор глядят на некий объект позади наблюдателя, тело, которое было полностью обескровлено, без малейшего следа ран, тело, чья плоть была покрыта омерзительными, светящимися надписями и рисунками, которые сдвигаются и изменяют форму прямо на глазах. Мы закрепили то, что было Графом Норденом плотно за рулем, поставили самодельный взрыватель в бензобак, зажгли его, а затем спихнули машину на обочину дороги, где она резко скользнула вниз по склону к главному шоссе, словно пылающий метеорит.

Но не раньше следующего дня мы поняли, что все находились под заклятием Дурина — даже я ничего не помнил. Как иначе мы могли броситься

на это дело так яростно, позволив ему злорадствовать из-за своего триумфа? С того ужасного момента, когда зажегся снова свет, и мы увидели то, что было за мгновение до этого Графом Норденом, мы были словно призрачные, нечеткие фигуры, мчащиеся сквозь сон. Все было забыто, кроме негласных команд, когда мы наблюдали, как пылающий автомобиль рухнул на тротуар внизу, разлетевшись на части, а затем потопали тяжело каждый к своему дому.

Когда на следующий день частичная память вернулась к нам, мы бросились на поиски Дурина, но он исчез. А мы так высоко ценили нашу свободу, что никому не рассказали о том, что случилось, и больше не пытались искать Дурина. Мы хотели все забыть.

Я думаю, что я мог бы, возможно, забыть все, но я не раз изучал «Песнь Йсте». У остальных наблюдается растущая тенденция рассматривать все это как иллюзии, но я так не могу: я видел малую часть реальности. Ибо одно дело читать книги такие, как «Некрономикон», «Книга Эйбона» или «Песнь Йсте», но совсем другое, когда на собственном опыте убеждаешься в реальности некоторых из страшных вещей, описанных в них. Многие читали выдержки из «Некрономикона», пока их

обнадеживала мысль, что Альхазред сошел с ума: что если бы они вдруг обнаружили, что он далеко не безумец, что Абдул Альхазред был настолько ужасно вменяемым, что другие называли его сумасшедшим только потому, что они не могли вынести бремя фактов, которые он обнаружил?

Зная эти истины, я нашел один параграф в «Песне Йсте», но не смог читал дальше. Темный том, наряду с другими книгами Нордена, до сих пор стоит на моих полках, я не сжег его. Но не думаю, что когда-нибудь буду читать его — и позвольте мне рассказать вам о Дурине и Графе Нордене, ибо вокруг этих двух лежат причины моего нежелания дальнейшего проведения моих исследований.

Я встретил Графа Нордена в Дарвичском университете, в классе доктора Хельда по средневековой и ранне-реннесанской истории, которая изучала тайные мысли и часто простой оккультизм.

Норден был очень заинтересован в этом; он провел совсем небольшое исследование оккультизма; в частности он был очарован трудами и записями семейства Дирков, которые прослеживали своих предков до предледниковых дней. Они, Дирки, перевели «Песнь Йсте» с его

легендарного оригинала на три великих языка рассвета культур, а затем на греческий, латинский, арабский и, наконец, на елизаветинский английский язык.

Я высказал Нордену сожаление по поводу слепого презрения, в котором мир держит оккультизм, но никогда не исследовал эту тему очень глубоко. Я был доволен быть простым зрителем, позволяя моему парящему воображению отдаться на волю множества течений в этой темной реке; скользить по поверхности было достаточным для меня — редко я решался погружаться в пучины. Как поэт и мечтатель, я был достаточно осторожен, чтобы не потерять себя в темных омутах, где я развлекался — всегда можно было выйти, чтобы найти тишину, голубое небо и мир, который не думал обо всех этих реальностях.

С Норденом все было по-другому. Он уже начал сомневаться, говорил он мне. Это был не легкий путь; там существовали жуткие опасности, скрывающиеся на протяжении всего пути, часто происходило так, что путник не знал о них, пока не становилось слишком поздно. Земляне прошли не очень далеко по пути эволюции, были еще очень молоды как раса, у них отсутствовали необходимые знания, не говоря о тех немногих из

их числа, которые стремились пройти через все неизведанные дороги. Он говорил о посланниках извне и делал ссылки на непонятные отрывки из «Некрономикона» и «Песни Йсте». Он говорил об инопланетных существах, нечеловеческих сущностях, которые невозможно измерить любыми человеческими мерками, с которыми нет возможности продуктивно бороться.

Дурин появился примерно в это время. Он вошел в класс однажды во время лекции; некоторое время спустя доктор Хельд представил его как нового члена класса, прибывшего из-за рубежа. Было что-то такое в Дурине, что сразу вызвало мой интерес. Я не смог определить какой он расы или национальности — он был очень близок к понятию — красив, каждое его движение было наполнено грацией и ритмом. Тем не менее, ни в коей мере он не мог считаться женственным, он был, если одним словом, — прекрасен.

То, что большинство из нас старалось его избегать, не смутило его, вовсе нет. С моей стороны, он не казался искренним, но со стороны других это было, вероятно, вследствие полного отсутствия каких-либо эмоций. Был случай, например, в лаборатории, когда пробирка ворвалась у его лица, несколько осколков глубоко вошли в кожу. Он не

показал ни малейших признаков дискомфорта, отмахнулся от всех проявлений заботливости со стороны некоторых из девушек и продолжил заниматься своим экспериментом, как только медик закончил с ним.

Заключительный акт начался, когда мы начали иметь дело с гипнозом, в один прекрасный день после полудня, и обсуждали практические возможности субъекта, наблюдая за экспериментами Рейна и других. Колби представил самый оригинальный аргумент против этого, высмеивая объединение экспериментов по передаче мыслей или телепатии с гипнозом, и пришел к окончательному выводу, что гипнотизм (вне механических средств индукции) невозможен.

Именно в этот момент заговорил Дурин. То, что он сказал, я не могу сейчас вспомнить, но это закончилось прямым вызовом Дурину доказать свои утверждения. Норден ничего не сказал в ходе этой дискуссии, он выглядел несколько бледным, и как я заметил, пытался подать предупреждающий сигнал Колби. Мое мнение сейчас в том, что Дурин планировал этот вызов, тогда же это показалось достаточно спонтанным решением.

Здесь были все мы пятеро, кто был у Нордена в ту ночь: Гранвиль, Чалмерс, Колби, Норден и я.

Норден бесконечно курил сигареты, грыз ногти и бормотал что-то себе под нос. Я подозревал, что нечто неправильное происходит, но что именно не мог понять. Затем Дурин подошел и разговор на рассматриваемую тему закончился.

Колби повторил свой вызов, призывая других в качестве свидетелей, чтобы застраховать себя от обмана. Ни зеркала, ни фары, ни какие-либо другие механические средства, вводящие в гипноз, не разрешались. Все должно быть целиком основано на воле. Дурин кивнул, шагнул в тень, затем повернулся, направив свой взор на Колби.

Мы наблюдали, ожидая, что он начнет делать движения руками и произносить команды: он не сделал этого. Он устремил свой взор на Колби и тот застыл, словно пораженный молнией, а затем, глядя широко раскрытыми глазами в пустоту перед собой, он медленно поднялся и замер на узкой полосе черного цвета, которая бежала по диагонали через центр ковра.

Мой разум поднял воспоминания о дне, когда я застал Нордена в процессе уничтожения каких-то бумаг и устройства, — последнее было построено при той помощи, какую я был в состоянии оказать, в течение нескольких месяцев. Его глаза были полны ужаса, и я смог разглядеть в них

сомнение. Вскоре после этого события, Дурин изменил свой внешний вид: была ли здесь связь, задавался я вопросом?

Моя задумчивость была прервана внезапным звуком голоса Дурина, приказывающего Колби говорить, рассказать нам, где он находится и что видит вокруг себя. Когда Колби повиновался, его голос пришел к нам словно издалека.

Он стоит, говорил он, на узком мосту с видом на ужасающую пропасть, настолько обширную и глубокую, что он не в состоянии различить ни дна, ни стен ее. Позади него этот мост продолжается, исчезая в голубоватой дымке, впереди он убегает к нечто похожему на плато. Он боится сделать шаг, так как мост очень узок, но понимает, что должен двигаться к плато, прежде чем сам вид глубины под ногами не заставит его потерять равновесие. Он чувствовал себя странно тяжелым, и разговор для него был сродни пытке.

Когда голос Колби смолк, мы все зачарованно уставились на маленькую полоску черного цвета на голубом ковре. Это, возможно, и был тот мост через пропасть… но что могло родить иллюзию глубины? Почему его голос казался таким далеким? Почему он чувствовал себя тяжелым? Плато — это должно быть верстак, расположенный на

другом конце комнаты: ковер подбегал к своего рода возвышению, на котором был установлен стол Нордена, поверхность его находилась где-то около семи футов над полом. Колби начал медленно идти вперед по черной полосе, двигаясь как будто с особой осторожностью, очень похоже на замедленное движение на экране. Его конечности поднимались с трудом, он часто дышал.

Дурин вдруг приказал ему остановиться и осторожно посмотреть вниз в пропасть, рассказать нам, что он там видит. При этих словах мы еще раз осмотрели ковер, как будто никогда не видели его раньше и не знали, что он был совершенно лишен украшений за исключением той единственной черной полосы, на которой Колби сейчас стоял.

Его голос снова пришел к нам. По его словам он ничего не видел в пропасти под ним. Потом он начал задыхаться, закачался и почти потерял равновесие. Мы могли видеть пот, проявившийся на его лбу и шее, впитывающийся в его голубую рубашку. Вот нечто появилось в этой пропасти, сказал он хриплым голосом, больших размеров, похожее на сгустки абсолютной черноты, но которые, он это знает, обладают жизнью. Из центральных масс этих существ, как он видел,

вытягиваются невероятно длинные, тонкие щупальца. Они двигаются вперед и назад — по горизонтали, но не могут двигаться по вертикали, как кажется. Они были, думает он, ничем иным, как живыми тенями.

Но находились все в одной и той же плоскости. Правда их движения были горизонтальными только по отношению к их расположению, но некоторые из них двигались параллельно ему и некоторые по диагонали. Вдалеке он видел предметы, перпендикулярные к нему. Там появилось сейчас намного больше этих предметов, чем он думал. Первые из них, которых он увидел, были намного ниже и не знали о его присутствии. Но они почувствовали его и попытались связаться с ним. Он начал двигался быстрее, сказал он, но нам казалось, что он по-прежнему идет в замедленном темпе.

Я посмотрел искоса на Нордена, он тоже вспотел. Он встал и подошел к Дурину, говоря ему что-то шепотом, так чтобы никто из нас ничего не смог услышать. Я знал, что он имеет в виду Колби и что Дурин отказал требованиям Нордена. Едва Дурин отвлекся на мгновение, как голос Колби снова пришел к нам, дрожа от испуга. Тени стали тянуться к нему. Они поднимались и кружились

со всех сторон: некоторые далеко, некоторые жутко близко. Ни одна из них не смогла найти ту плоскость, на которой он мог быть схвачен; мечущиеся щупальца не прикоснулись к нему, но все же те существа ощущали его присутствие, он был уверен в этом. И он боялся, что, возможно, они могут изменять плоскости по собственному желанию, однако, представлялось ему, они должны делать это вслепую, так как являются двухмерными существами. Щупальца метались вокруг него в полной темноте.

Страшное подозрение возникло во мне, когда я вспомнил некоторые из моих бесед с Норденом и отрывки из «Песни Йсте». Я попытался встать, но мои конечности были словно лишены всех сил: я мог только сидеть и беспомощно смотреть. Норден еще говорил с Дурином, и я увидел, что теперь он был очень бледен. Казалось, он удаляется — он повернулся и подошел к шкафу, достал какой-то предмет и вернулся к полоске на ковре, на которой стоял Колби. Норден кивнул Дурину, и теперь я увидел, что именно он держал в руке: многогранник, сделанный на вид из стекла. Было у него внутри, однако, свечение, которое поразило меня. Отчаянно я пытался вспомнить значение этого — ибо я знал, — но в моих мыс-

лях, казалось, произошло короткое замыкание, и когда глаза Дурина обратились на меня, сама комната начала шататься.

Опять раздался голос Колби, на этот раз полный отчаяния. Он боялся, что никогда не достигнет плато. (На самом деле он был в ярде от конца черной полосы и помоста, на котором стоял верстак Нордена). Тени, сказал Колби, теперь были очень близко: масса нитевидных щупалец только что скользнула рядом с ним.

Теперь послышался голос Нордена, и он тоже раздавался как будто издалека. Он назвал мое имя. Это было больше, сказал он, чем просто гипноз. Это было, — но тут его голос стих, и я почувствовал силу Дурина, блокирующего звук его слов. Время от времени я слышал предложение или несколько разрозненных слов. Но из всего этого мне все же удалось получить небольшой намек на то, что происходит.

Это был не просто гипноз, но реальное межпространственное путешествие. Мы просто вообразили то, что увидели Норден и Колби, стоя на ковре, — или, возможно, это было благодаря воздействию Дурина.

Безымянное измерение было местом обитания этих теневых существ. Бездна и мост, на кото-

ром стояли двое, были иллюзиями, созданными Дурином. Когда то, что планировал Дурин, было завершено, наши умы были освобождены, а наши воспоминания были обработаны таким образом, что мы не могли вспомнить то, чего не хотел Дурин, чтобы мы помнили. Он, Дурин, был существом невероятной силы, он использовал Колби и остальных из нас для неведомой цели. Нордену удалось принудить Дурина к соглашению, которое он должен был выполнить; в результате, если двое смогут достичь плато до того, как теневые существа прикоснутся к ним, все будет хорошо. Если нет — Норден не уточнил, но отметил, что на них будут охотиться эти существа, как люди охотятся на дичь. Многогранник содержит некий элемент, отталкивающий их.

Он был лишь немного позади Колби; мы могли видеть, что он настраивает многогранник. Колби снова заговорил, говоря нам, что Норден материализовался позади него и принес какое-то оружие, с которым эти тени можно будет сдержать.

Тогда Норден назвал мое имя, прося меня позаботиться о его имуществе, если он не вернется, говорил мне взглянуть на «адумбрали» в «Песне Йсте». Медленно он и Колби продолжили свой путь к возвышению и столу. Колби был всего

лишь в нескольких шагах впереди Нордена; вот он взобрался на помост и с помощью второго перебрался на скамью. Он пытался помочь Нордену, но, когда тот поднялся на помост, он внезапно замер, и многогранник выпал из его рук. В отчаянье он пытался вытянуть себя, но был вынужден отступить назад, и я знал, что он пропал…

Затем раздался одинокий тоскливый крик, и свет в комнате резко снизил яркость и потух. Непосредственное влияние заклятия исчезло, мы бросились словно безумцы, пытаясь найти Нордена, Колби и выключатель света. Затем, опять внезапно, свет был включен, и мы увидели изумленного Колби, сидящего на скамейке, в то время как Норден лежал на полу. Чалмерс склонился над телом, пытаясь реанимировать его, но когда он увидел состояние останков Нордена, он впал в такую истерику, что мы вынуждены были применить физическую силу, чтобы успокоить его.

Колби следовал за нами механически, по-видимому, не зная еще о том, что происходит. Мы взяли тело Графа Нордена ноябрьской ночью и уничтожили его огнем, впечатлительный Колби переволновался так, что позже очевидно перенес сердечный приступ во время поездки по горной дороге; автомобиль упал, и его тело почти полно-

стью сгорело.

Позже Чалмерс, Гранвиль и я встретились, чтобы попытаться рационализировать то, что мы видели и слышали. Чалмерс был в порядке после того, как пришел в себя, он помог нам с нашим ужасным делом на горной дороге. Никто, я думаю, не слышал голос Нордена после того, как он присоединился к Колби в предполагаемом гипнотическом состоянии. Таким образом, я считаю: сила Дурина гасила звук голоса Нордена для них полностью. Но они также не помнят, видели ли какой-либо объект в руке Нордена.

Но менее чем через неделю даже эти воспоминания поблекли у них. Они полностью поверили в то, что Норден погиб в результате несчастного случая после неудачной попытки Дурина гипнотизировать Колби. До этого они считали, что Дурин убил Нордена по неизвестным причинам, и что мы были его невольными соучастниками. Гипнотический эксперимент был проведен специально, чтобы собрать нас всех вместе и обеспечить средство для избавления от тела. То, что Дурину удалось загипнотизировать нас, они никогда не сомневались. Иллюзия пропасти, говорили они, была просто жестокой шуткой…

Не имеет смысла говорить им о том, что я узнал

несколько дней спустя, о том, что я узнал из записей Нордена, которые объясняют появление Дурина. Или процитировать им отрывки из «Песни Йсте». Тем не менее, я должен записать обо всем. В этой проклятой книге есть разделы о внеземной расе сущностей, известных как «адумбрали».

…И эти адумбрали не что иное, как живые тени, существа невероятной силы и злобы, которые обитают вне пространства и времени, тех, что мы знаем. Их развлечение — завлекать в свое царство обитателей других измерений, на которых они практикуют свои жуткие шалости и многообразие иллюзий…

…Но страшнее их — искатели, которых они посылают в другие миры и измерения, существа невероятной силы, которых они сами создали и дали облик тех существ, что живут в пределах любого измерения, или в зависимости от того, в какие миры эти искатели будут посланы…

…Эти искатели могут быть обнаружены только адептом, чьи тренированные глаза различают их совершенные формы и движения, их странности, а аура власти и сила — это верный признак…

…Мудрец Джалканаан рассказывает об одном из этих искателей, который обманул семерых

священников Ньягхоггуа, вызвав их на дуэль гипнотического искусства. Далее он рассказывает, как двое из них были захвачены и доставлены к адумбрали, их тела вернулись, когда тени наигрались с ними…

…Самым любопытным было состояние трупов, они были полностью лишены всех жидкостей, но на телах не было обнаружено никаких следов ран, даже самых незначительных. Но венцом ужаса были глаза, которые не закрыты, глядящие спокойно за пределы, мимо и сквозь наблюдателя, и как ни странно — светящиеся знаки на мертвой плоти, любопытные узоры, которые двигаются и меняют форму прямо на глазах у очевидца…

Перевод: Р. Дремичев
2016

Мартин Браун
КОТТЕДЖ ДОКТОРА КСАНДЕРА

Martin D. Brown. «Dr. Xanders Cottage», 1941.

— Он далеко?

— Нет, — прошептал я, — и потише давай, болван. Он, безусловно, ходит медленно.

Это было правдой, Доктор Ксандер шел очень медленно. Он не был стариком, но он тащился, словно у него было какое-то уродство — что-то не совсем правильное и неприметно зловещее.

— Он уже ушел? — спросил Паркер снова.

— Да.

Сгорбленная фигура исчезла за дальним поворотом дороги. Паркер и я выпрямились.

— Проклятье, — сказал он, поднимая камеру, — все мышцы затекли.

Я чувствовал себя так же. Лежать в траве, наблюдая за маленьким домиком посреди нигде, не лучшее время препровождение для репортера. Но история — это история, и публика должна узнать сенсацию.

Ибо маленькая деревня Элвуд внезапно ока-

залась в центре внимания после того, как стало известно, что ее жители загадочно исчезали на протяжении многих лет. Это было похоже на расползающийся, смертельный мор. Люди исчезали, и о них больше никогда не слышали. Местные власти оказались бессильны. Моя газета отправила меня на расследование.

Мои исследования, наконец, были сосредоточены вокруг загадочной и таинственной фигуры доктора Ксандера. Он был объектом ужаса в этой маленькой сельской деревне, но никто не осмеливался сделать хоть что-то против него. Люди сжимались, когда он проходил мимо них во время своих нечастых визитов в город, и никого из них невозможно было уговорить или подкупить, чтобы он приблизился к его маленькому коттеджу после наступления темноты. Мы с Паркер не могли найти определенных причин для этого страха — только смутные слухи, темные шепоты селян о том, чего они не могут понять.

Итак, Паркер и я затаились рядом с этим местом и подождали, пока внушающая всем местным ужас фигура не отправится в город. И теперь, подходя ближе к дому, мы унюхали — или, скорее, почувствовали — что-то своеобразное в воздухе.

— Мне это не нравится, — пробормотал Пар-

кер.

Мне тоже это не нравилось. По какой-то причине, казалось, что тени вокруг крыльца были гораздо гуще, чем должны быть, и растительность была слишком пышной и цветущей. Я почувствовал противный холодок, осторожно поднялся по ступенькам и дернул дверь.

Она была не заперта. Очевидно, доктор Ксандер полагался на страх перед своим жильем, который удерживал любопытных на расстоянии.

Внутри странный запах — это был запах — стал сильнее. Я огляделся, используя свой фонарик, хотя на улице был яркий день. Комната была пуста, но создавалось впечатление, что она используется уже давно.

На полу и на стенах, казалось, были видны смутные следы диаграмм, а на другом конце комнаты были следы, как будто какой-то тяжелый предмет был удален оттуда. Это место напомнило мне о штаб-квартире дьявольского культа, который я исследовал несколько лет назад, и, помня об этом, я посветил вокруг и заметил нечто, похожее на чашу, лежащую в углу. Прежде чем я смог ее осмотреть, где-то в доме послышался шум.

Мой пистолет прыгнул в мою руку. Это был не возвращающийся Доктор, потому что шум

раздавался не позади, а перед нами. Думая, что, возможно, некоторые из исчезнувших жителей деревни были заключены в этом старом доме, я крепче сжал холодную рукоять пистолета и открыл дверь.

Комната была пуста, и мы вошли. Она казалась лабораторией или операционной, где повсюду располагалось химическое оборудование и столы. В дальней стене была еще одна дверь, из-за которой и раздавался шум.

Я шагнул вперед, отодвинул тяжелый засов на двери и открыл ее. Паркер был прямо позади меня. То, что мы увидели в одно короткое мгновение, прежде чем я захлопнул дверь и мы бросились прочь из коттеджа, чуть не лишило нас разума.

Никогда, до самого последнего дня я не смогу стереть из памяти видение, которое встретило нас. Ибо комната была заполнена монстрами — страшными карикатурами человеческой формы. Были то люди или животные я не могу сказать. Они казались серыми, безволосыми, деформированными, и зловоние, исходившее из комнаты, было невероятно сильным. Хуже всего был звук — мокрый, противный, когда все твари двигались.

Мы стремительно бросились обратно в деревню, подняли власти и вернулись — чтобы найти дом в огне. Прохожий рассказал, что видел, как доктор Ксандер вошел туда вскоре после того, как мы убежали.

Дом был полностью разрушен, хотя позже мы обнаружили некоторые следы пещер под фундаментом. По моему отчаянному требованию они были взорваны и засыпаны, несмотря на просьбы тех, кто хотел исследовать их в поисках пропавших жителей деревни.

— Доктор Ксандер, должно быть, проводил операции над похищенными людьми и превращал их в этих тварей, — сказал Паркер, когда наших ушей достиг звук взрыва. Я покачал головой.

— Я читал «Некрономикон», — сказал я ему. — Эти твари — живут в пещерах и в туннелях под кладбищами. И они живут… — ну, мы не будем об этом говорить. Я никогда не верил, что они существуют. Но ты видел их. Они, вероятно, жертвовали сельских жителей своим мерзким богам.

— Но… Доктор Ксандер участвовал во всем этом?

— Не участвовал — нет. Он — был одним из них.

Перевод: Р. Дремичев
2019